

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ
СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

А.Г.Канаев

КРЕМОНА X-XIII вв.
(ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

МОНОГРАФИЯ

КРАСНОЯРСК 2003

ББК 66.1

Канаев А.Г. Кремона X-XIII вв. (историко-правовое исследование): Монография. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2003.

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор Л.А.Шаферова (Красноярский государственный педагогический университет);

доктор юридических наук, профессор С.А.Дробышевский (Юридический институт Красноярского государственного университета).

В монографии исследуется проблема формирования единого политико-правового пространства в западноевропейском средневековом городе. Работа основана на анализе документальных и нарративных источниках североитальянского города Кремоны X-XIII веков.

Монография предназначена для историков, правоведов, урбанистов и всех интересующихся историей западноевропейского средневекового города.

Работа подготовлена при финансовой поддержке Красноярского краевого фонда науки (проект №11 F0208F).

© Сибирский юридический институт МВД России, 2003

© А.Г. Канаев, 2003

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Кремона и Кремонская округа в раннее средневековье	14
1. Северная Италия и Кремона в VII-VIII веках	14
2. Кремона и Кремонская округа в IX-X веках: складывание публично-правовой власти епископов	31
Глава 2. Политико-правовые отношения в Кремоне и округе в XI-XIII веках	44
1. Коммунальная борьба в Кремоне XI-XIII веков: политико-правовые аспекты	44
2. Поселения Кремонской округи: типология и особенности развития в XI-XIII веках	65
3. Поселения Кремонской округи XI-XIII веков как объекты военно-политического соперничества	94
Глава 3. Имущественно-правовые отношения в Кремонской округе в XI-XIII веках	115
Заключение.....	138
Список источников и литературы.....	144

ВВЕДЕНИЕ

История средневекового европейского города в течение последнего столетия неизменно остается в фокусе внимания исследователей, никогда не выходит из «моды». Это не случайно: именно города придали наиболее результативные импульсы развитию средневековой цивилизации, во многом способствовали продвижению европейского общества вперед. Именно города в значительной мере определили отличие западноевропейской цивилизации от иных вариантов.

В полной мере это относится и к итальянским средневековым городам. Однако до сих пор большой круг проблем изучен мало или вовсе остался за пределами внимания исследователей. Как это ни парадоксально, но недостаточно изученными остаются ранние фазы складывания сеньориального режима в итальянских городах. Требуют более внимательного рассмотрения проблемы, связанные с поселениями городской округи, их статуса, характера, политики по отношению к ним со стороны различных сил. Исследование политических отношений внутри города и в округе имеет большое значение для понимания процессов формирования региональных властных структур. В последнее время все больший интерес вызывает изучение публично-правовых и частноправовых норм жизни, имевших место в городах и поселениях округи, функционирования взаимодействия различных правовых норм, ставших во многом основой современной политической и правовой культуры.

Изучение средневекового города отечественными историками долгое время было сконцентрировано вокруг таких вопросов, как происхождение города, особенности форм собственности в нем, экономические отношения, торговля, специфика социальной структуры, сеньориальный режим, коммунальная борьба, взаимоотношения с деревней и т.д. Именно эти вопросам посвящено большинство работ 1950-1960-х гг. (В.И.Рутенбург, Ф.Я.Полянский, В.В.Стоклицкая-Терешкович, Я.А.Левицкий, Е.В.Гутнова, Л.А.Котельникова, А.А.Сванидзе, Ю.Л.Бессмертный, А.А.Кириллова, С.М.Стам и др.), в конце которых имела место оживленная дискуссия среди урбанистов о том, был ли средневековый город порождением и органическим элементом феодальных производственных отношений, как утверждал Я.А.Левицкий, или с момента возникновения город был «нефеодальным» и даже враждебным феодализму, как утверждал С.М.Стам. Эта дискуссия обозначила существование в оте-

чественной медиевистике, по крайней мере, двух подходов к проблеме социальной природы города.

В 1970-1980-х гг. с новыми работами выступили уже названные исследователи, а также М.Я.Сюзюмов, Г.Л.Курбатов, Г.Г.Литаврин и целый ряд их учеников (Т.М.Негуляева, М.Е.Карпачева, Л.П.Репина, Г.Е.Лебедева, Г.М.Тушина, Т.П.Гусарова и др.) При этом расширяется география исследовательских поисков: урбанисты начинают активно обращаться к истории городов Испании, Нидерландов, Ирландии, Шотландии, славянских стран, Византии (что особенно важно для понимания судеб позднеантичного и раннесредневекового города).

В 1970-1980-х гг. активно заявляют о себе не только столичные, но и региональные урбанисты – Саратова, Екатеринбурга, Твери, Воронежа, Ярославля, Самары, Красноярска и других городов. В Саратове складывается школа урбанистов во главе с С.М.Стамом, главным объектом внимания которой становятся ранние города Германии и Южной Франции.¹

На страницах сборника «Средние века» в этот период велась полемика по поводу характера городского производства и по вопросу о социальной природе средневекового бюргерства. Основным подходом – теоретическим и методологическим – в работах урбанистов до второй половины 1980-х гг. оставался формационный с его выраженным тяготением к исследованию «базисных» начал в развитии города. В рамках этого подхода были достигнуты весомые результаты как общетеоретического, так и конкретно-исторического плана.

В последние 10-15 лет с началом общих кардинальных перемен поле деятельности, методика, подходы, круг проблем урбанистики, как и медиевистики в целом, значительно расширились, углубились, изменились. Сохраняя традиционный интерес к социальной истории, урбанисты в 1990-е гг. глубже занялись локальными исследованиями, микроисторией, историей повседневности, ментальности, исторической психологией, социальной антропологией средневекового города. Появились новые подходы к изучению взаимоотношений города и церкви, города и власти, города и науки, просвещения, культуры. В исследовательское поле начали включаться проблемы права и правосознания в средневековых городах. Была поставлена и проблема малых городов в средние века.

---

¹ Свидетельством значимости городской тематики в исследованиях саратовских медиевистов стало издание периодического межвузовского сборника «Средневековый город» – единственного в нашей стране специального научного издания по истории средневековых городов.

По целому ряду коренных вопросов – о сущности города, исторической преемственности раннего и «классического» города и ряду других – подходы авторов продолжают различаться. С другой стороны, целый ряд проблем еще нуждается в осмыслении или разработке. Необходимо дальнейшее исследование проблем средневековой торговли, городского патрициата, организации власти, бюргерского землевладения и др. В контексте социальной истории в продолжении разработок нуждаются вопросы, связанные с человеком, кругом и формами общения, конкретными судьбами, малыми группами. Среди спорных и малоизученных проблем – история политико-правовых и имущественных отношений как в городе, так и прилегавшей к нему округе.

Поскольку объектом нашего научного внимания стал итальянский город и его округа, кратко обрисуем основные достижения отечественной и зарубежной урбанистики в этой области. Основной тон исследованиям итальянских городов на долгие годы был задан М.А.Гуковским¹. Его продолжателем стал В.И.Рутенбург, основные работы которого были написаны в 1950-1960-е гг.² Целый ряд работ посвящен одному из центральных вопросов в средневековой урбанистике той поры – о взаимодействии города и деревни и о сельских коммунах (Л.А.Котельникова, Л.М.Брагина, В.В.Самаркин, Е.В.Бернадская). Изучением аграрных отношений XI-XII веков на землях Кремонского епископства занималась в 1950-е гг. О.Цыбенко³, исследовавшая пути развития феодальных отношений, категории крестьянства, формы их эксплуатации, однако сам город, его экономическое развитие и влияние на эволюцию феодальных связей и отношений собственности остался вне поля зрения, равно как и особенности развития малых поселений.

В итальянской средневековой урбанистике 1950-1960-х гг. тон был задан Дж.Луццатто.⁴ Изучая городскую экономику и связи итальянских городов как с близлежащей местностью, так и с другими регионами, Луццатто пришел к выводу о городском развитии Италии как о едином процессе эволюции «городской цивилиза-

---

¹ Гуковский М.А. Итальянское Возрождение. – Л., 1947. – Т.1.

² Рутенбург В.И. Очерк из истории раннего капитализма в Италии. Флорентийские компании XIV века. – М.-Л., 1951; Он же. Народные движения в городах Италии. XIV – начало XV века. – М.-Л., 1958.

³ Цыбенко О. Феодальное землевладение епископской церкви и положение крестьянства в Кремоне X-XII веков: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Львов, 1956.

⁴ Луццатто Дж. Экономическая история Италии (Античность и средние века) / Пер. с итал. – М., 1954.

ции»; в работе были обозначены основные проблемы урбанистики, разрешавшиеся в последующие десятилетия. Среди историков этого времени, занимавшихся изучением непосредственно Кремоны и ее округи, прежде всего следует назвать У.Гвалаццини.¹ Одним из основных объектов его исследований стала деятельность объединения купцов – меркадандии, но, к сожалению, только в пределах самой Кремоны, вне связи с мелкими торговцами из близлежащей округи. Изучению землевладения капитула кафедрального собора Кремоны в период XIII-XIV веков посвящено исследование Дж.Киттолини². Выявляя происходящие на землях капитула в XIII-XIV веках изменения, автор не связывает их с постоянно растущим влиянием городской экономики на сельскую округу, с возрастанием роли товарно-денежных отношений в Кремонской области в целом. Политическую историю североитальянских коммун, в том числе перипетии борьбы за власть в Кремоне в 40-60-е годы XIII века, изучает и американский историк У.Батлер³.

Как можно заметить, в исследованиях 1950-1960-х гг., посвященных истории итальянских городов, поднимается практически тот же круг вопросов, что и при изучении заальпийских. Вместе с тем большее внимание уделено влиянию города на округу, специфике поземельных отношений в ней, проблемам возникновения и жизнедеятельности сельских коммун.

Достижения отечественной медиевистики 1970-1980-х гг. в изучении итальянского города, больше всего Флоренции, Милана, Генуи и Венеции, были отражены прежде всего в коллективном труде «История Италии».⁴ Как признавали тогда сами исследователи, еще предстоит изучать, что происходило во множестве других итальянских городов, а особенно в окружавших их мелких поселениях. Большим научным явлением этих десятилетий стали труды Л.А.Котельниковой, особенно посвященные городу раннего средневековья⁵, хотя, как нам кажется, не учитывалось в полной мере все многообразие форм поселений в

---

¹ Gualazzini U. La mercadandia nella vita cremonese. Milano, 1955.

² Chittolini G. I beni terrieri del Capitolo della Cattedrale di Cremona // Nuova Rivista Storica. 1965. Fasc. 3-4. P.213-274.

³ Butler W. The Lombard communes. A history of the republics of North Italy. New York, 1969.

⁴ История Италии. – М., 1970. – Т.1.

⁵ Котельникова Л.А. Итальянский город раннего средневековья и его роль в процессе генезиса феодализма // Средние века. – М., 1975. – Вып.38; Она же. Феодализм и город в Италии в VIII-XV веках: по материалам центральных и северных областей. – М., 1987.

средние века. По мнению исследовательницы, город в Италии был органической частью феодальной общественной структуры, а не чуждым ей элементом.

В зарубежной историографии 1970-1980-х годов значительно расширяется тематика, много исследований проводится в рамках коллективных трудов, например многотомной «Истории Италии», изданной в Турине¹. В ней отражены результаты применения новых в изучении городов методов, в частности аэрофотографирования, выявлено значение небольших укрепленных пунктов в стратегическом положении отдельных областей Италии. Особое внимание развитию торговых связей как одного из важнейших факторов городского развития уделяет Ч.Виоланте². Отмечая важное место, которое занимали в структуре городского хозяйства профессиональные ремесленники и торговцы, автор также обращает внимание на их тесную связь с сельскохозяйственной деятельностью. Английский историк Дж.К.Расселл³ предпринял попытку ранжирования городских поселений не только по количественным показателям (население, собственная и контролируемая территория), но и по экономическому и политическому влиянию разных городов в регионе Северной Италии. К сожалению, объектом исследования автора стали самые крупные города и Кремона туда не попала. К.Викхэм⁴ выявил, что в раннее средневековье даже города с процветающей транзитной торговлей, например Милан и Кремона, все же были тесно связаны с землевладением. Ряд работ по истории итальянского города в середине и второй половине 1980-х гг. написан в рамках подходов микроистории, социальной антропологии, новой социальной истории (Д.Херлихи и К.Клапиш-Зубер, Дж.Дей).

Таким образом, в отечественных работах 1970-1980-х годов по истории итальянских городов в основном сохранялась традиционная тематика, получившая весьма серьезную разработку, а в западных наблюдается разворот и к новым сюжетам, и к использованию новых подходов и методологий.

В 1990-х годах отечественные исследования городов Италии распадаются на две группы: часть авторов продолжают на локальном материале изучать торговлю, экономику, социальную жизнь, взаимодействие города и округа (Т.С.Чернецкая, Н.С.Селунская, М.М.Дорофеева), другие активно обращаются к

---

¹ Storia d'Italia. Torino, 1973. Vol.5.

² Violante C. La societa milanese nell'eta precomunale. Bari, 1974.

³ Russel J.C. Medieval Regions and their Cities. London, 1972.

⁴ Wickham Ch. Early Medieval Italy. Central Power and Local Society 400-1000. London, 1981.

проблемам социальной психологии, семьи, истории «через человека» (М.Л.Абрамсон, И.А.Краснова).

Можно утверждать, что как в зарубежной, так и в отечественной медиевистике поднимались и находили осмысление многие проблемы и вопросы, связанные как с западноевропейскими городами в целом, так и итальянскими в частности, в том числе и Кремоны.

Однако в научной литературе осталась далеко не до конца решенной задача исследования такой важной проблемы, как складывание сеньориальной власти епископов во многих итальянских городах, в том числе и в Кремоне, без чего нельзя окончательно очертить круг причин коммунального движения в итальянских городах и понять до конца специфику их политического развития. Более детального исследования требует само коммунальное движение, прежде всего на ранних этапах, его результаты для города и округа, его специфика, общее и особенное. В научной литературе практически не решена задача типологии мелких поселений городской округи, в том числе и округи Кремоны, а также не изучено влияние на развитие этих поселений различных городских и внегородских политических сил. Во многом остается нерешенным вопрос о влиянии различных правовых норм (варварских и римских) на развитие имущественных отношений в городе и округе.

В данной работе использованы разнообразные по характеру письменные источники, среди которых можно выделить несколько основных групп. К первой группе относятся собственно кремонские документы, которых сохранилось очень много.¹

---

¹ Правда, с конца XVIII века произошло раздробление и распыление единого архива кремонской епископии и коммуны Кремоны. Большую негативную роль в этом сыграл каноник кремонского кафедрального собора А.Драгони, оставивший о себе славу фальсификатора и расхитителя кремонских актов. После его смерти в 40-х годах XIX века часть актов была приобретена и возвращена в кремонские архивы, но значительное количество документов оказалось за пределами Италии. Некоторая часть документов была приобретена английским каноником Бодлеем и сейчас находится в университетской библиотеке Оксфорда. Из этой коллекции стоит указать на рукопись о жизни св. Омобона. Значительная коллекция кремонских актов была собрана миланским писателем и палеографом Карло Морбио. После его смерти она была выставлена на аукцион и продана университетской библиотеке Галле в Германии. Сейчас в Галле-Виттенбергском университете хранится от 400 до 450 кремонских актов, из которых в 1890 году А.Горчанским и М.Перельбахом был опубликован 31 документ. К сожалению, это издание оказалось нам недоступным. У нас в стране также есть собрание документальных источников по истории Кремонского епископства, которые находятся в составе Западноевропей-

Основой для исследования послужили несколько публикаций кременских документов. Крупнейшим изданием актов Кремоны, несомненно, является двухтомник, подготовленный в конце XIX века исследователем и издателем Лоренцо Астеджано¹. В издание вошли кременские документы VIII-XIV веков общим количеством 3265 актов, собранные Л.Астеджано в нескольких архивах: коммуны Кремоны, церкви святой Агаты, кременской епископии, конгрегации Милосердия, маркизов Пеллавичини, а также из архива Гонзага в Мантуе. К VIII веку относится 8 документов, к IX веку – 36, к X веку – 88, к XI веку – 208, к XII веку – 642, к XIII веку – 1802 и к XIV веку – 481 документ. Это объясняется как плохой сохранностью более ранних документов, так и тем, что с развитием общественных отношений в эпоху средневековья потребность в их документальном фиксировании заметно возрастала.

В издании Л.Астеджано представлены самые различные по своему характеру документы, в том числе большое количество публично-правовых актов, в частности императорские дипломы и папские буллы. Но большая часть документов является частноправовыми актами, фиксировавшими самые разнообразные сделки между отдельными лицами: дарения, купли-продажи, завещания, отказа от имущества, обмена, описи приданого и другие. Эти документы дают материал по истории экономической жизни, политического развития Кремоны и области, персонифицируют историю, позволяя проследить различные стороны деятельности кременской знати, духовенства, нобилитета и других слоев населения.² Значительным недостатком издания

ской секции архива Санкт-Петербургского отделения Института истории Российской Академии Наук. Эти документы составляют часть коллекции западноевропейских документов, переданной Академии Наук СССР в 1925 году Н.П.Лихачевым. Академик Н.П.Лихачев, собиратель средневековых документов и палеограф, приобрел эту коллекцию в Италии примерно между 1897 и 1914 годом. Российская коллекция кременских актов является одной из крупнейших в мире. См.: Катушкина Л.Г., Рутенбург В.И. Археографическое введение // Акты Кремоны XIII-XVI вв. – М.-Л., 1961. – С.39-54.

¹ *Codex diplomaticus Cremonae. 715-1334 / A cura L. Astegiano. Tomus I. Taurinorum, 1896.* (Далее и везде – CDC I); *Codex diplomaticus Cremonae. 715-1334 / A cura L. Astegiano. Tomus II. Taurinorum, 1899.* (Далее и везде – CDC II).

² Необходимо отметить, что в рамках публикации документов во втором томе Л.Астеджано издал свой очерк истории Кремоны. *Astegiano L. Ricerche sulla storia del comune di Cremona // CDC II. Pp.205-402.* Он представляет собой исследование по истории города от античных времен до начала XV века. Круг вопросов широк: развитие торговли, ремесла, сель-

Л.Астеджано является то, что большинство актового материала представлено в виде регест (краткого изложения содержания акта) и только меньшая часть опубликована полностью, причем в основном это документы важного государственного значения.

В нашей стране собрание кремонских актов было опубликовано Академией Наук двумя изданиями – в 1937 и 1961 годах. В первое издание¹ вошли 165 документов с 960 года по 1227 год. Второе издание² включило 90 документов с 1228 года по 1500 год. Все документы опубликованы на латинском языке. В отличие от издания Л. Астеджано в отечественных сборниках подавляющее большинство документов составляют частноправовые акты, фиксировавшие в основном поземельные сделки между жителями Кремоны и ее округи. Кроме того, большим достоинством отечественных публикаций кремонских документов является то, что все они представлены в полном объеме, а не регестами. Необходимо отметить также наличие в обоих сборниках удобного и подробного вспомогательного аппарата, включающего в себя алфавитные указатели нотарииев, личных имен и географических названий.

Типологически опубликованные акты можно разделить на несколько основных категорий и видов. Прежде всего – на публично-правовые и частноправовые акты. Публично-правовые акты представлены папскими буллами и императорскими дипломами. Основные варианты частноправовых нотариальных актов таковы: 1) дарения (*donatio, concessio*); 2) обмена (*commutatio, cambium*); 3) продажи (*venditio*); 4) отказы от прав, отступные (*refutatio, renuntiatio*); 5) различные виды инвеституры; 6) аренды (*locatione*); 7) судебные дела; 8) духовные и церковные дела; 9) перечни доходов и имущества и некоторые другие.

ского хозяйства. В очерке сделана попытка осветить и острые моменты, связанные с социальными противоречиями и конфликтами. Кроме того, исследователь останавливается на борьбе кремонских гвельфов и гибеллинов. И, наконец, Л.Астеджано предстает как прекрасный знаток топографии Кремоны и ее дистрикта. Естественно, что такой большой хронологический период и широкий круг проблем, выбранных Л.Астеджано для изучения, не позволил автору подробно остановиться на многих интересующих нас вопросах политических и имущественных отношений.

¹ Акты Кремоны X-XIII веков в собрании Академии Наук СССР / Под ред. С.А.Аннинского, О.А.Добиаш-Рождественской. – М., 1937. (Далее и везде – АК I)

² Акты Кремоны XIII-XVI веков в собрании Академии Наук СССР / Под ред. Л.Г. Катушкиной, В.И. Рутенбурга, Е.Ч. Скржинской. – М., 1961. (Далее и везде – АК II)

К нарративным источникам, содержащим бесценный материал по политической истории, относятся две кремонские хроники, опубликованные в XVIII веке крупнейшим итальянским собирателем и издателем средневековых рукописей Лодовико Антонио Муратори в седьмом томе его 25-томного издания «*Rerum italicarum scriptores*».

Первая хроника – анонимная¹ – по своему типу больше похожа на краткие анналы, то есть краткие погодные записи о важнейших событиях, произошедших в Кремоне и Кремонской области. Хронологически эти записи охватывают период с 1096 по 1232 годы. Основным объектом повествования краткой анонимной хроники являются события местного значения, не выходящие в основном за пределы кремонской области. События же общеитальянского масштаба в этой хронике лишь упоминаются.

Интересна для данного исследования также вторая хроника, принадлежащая перу известного кремонского епископа Сикарда из Казаласко (1185-1215)². При написании своей хроники, которая охватывает период времени от рождения Иисуса Христа до 1213 года, епископ Сикард опирался на кремонские церковные анналы, а также использовал и другие хроники. Поэтому его хроника посвящена не столько событиям, происходившим непосредственно в Кремоне и ее округе, сколько общеитальянским и даже общеевропейским. Так, епископ Сикард большое место уделяет истории крестовых походов и возникших в результате крестоносных государств на Ближнем Востоке. Конечно, в своей хронике автор не мог пройти мимо событий, происходивших в Италии и затрагивавших его родной город. Речь идет о длившейся десятилетиями борьбе между императорами и папством, борьбе, в которую были втянуты большинство североитальянских городов, в том числе и Кремона.

Несомненно, что хроника епископа Сикарда является интересным источником для историков, изучающих политическую историю средневековой Италии и Европы в целом, источником, позволяющим точнее понять роль и место различных городов и их населения в противостоянии императорской и папской власти. Правда, необходимо отметить, что, обращая пристальное внимание на события, имеющие важные политические последствия для Северной Италии, и в частности для Кремоны как цен-

---

¹ *Chronicon cremonense* // Muratori L.A. *Rerum italicarum scriptores*. 1723-1738. Vol.7.

² *Sicardi episcopi cremonensis chronicon* // Muratori L.A. *Rerum italicarum scriptores*. 1723-1738. Vol.7.

тра своего епископства, автор выпускает из виду повседневную жизнь области, считая ее, видимо, малозначительной.

Для характеристики имущественно-правовых отношений раннего средневековья нами были также привлечены законодательные установления лангобардских королей Ротари, Гримоальда, Лиутпранда, Ратхиса, Айстульфа.¹ Помимо специфики общественных процессов в раннее средневековье, они позволяют дать характеристику тем нормам права, которые действовали на протяжении нескольких столетий, вплоть до конца XIII века.

Хронологические рамки исследования ограничены периодом с X по XIII век. Этот период истории Северной Италии характеризуется наиболее интенсивным развитием городов, их активным влиянием на округу. Основными задачами работы стало исследование политико-правовых и имущественных отношений в Кремоне и Кремонской округе; изучение процесса складывания режима сеньориальной власти в Кремоне и округе; рассмотрение основных этапов политической борьбы (коммунального движения) в Кремоне; выявление специфики экономического и социально-политического облика мелких поселений Кремонской округи, определение их типов; определение причин, характера и сути борьбы разных политических сил за поселения округи; исследование роли и характера применения лангобардского и римского права в имущественных отношениях и сделках кремонцев и жителей округи.

---

¹ Эдикт Ротари. Законы короля Гримоальда. Законы короля Лиутпранда. Законы короля Ратхиса. Законы короля Айстульфа // Шервуд Е.А. Законы лангобардов. – М., 1992.

ГЛАВА 1. КРЕМОНА И КРЕМОНСКАЯ ОКРУГА В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

1. Северная Италия и Кремона в VII-VIII веках

В центре нашего внимания – политико-правовые и имущественные отношения в Кремоне и Кремонской округе в период развитого средневековья. Но для понимания их развития необходимо понять те основы, которые были заложены в предыдущую эпоху – с VII по X века. Исследование городского развития в средневековой Италии, особенно ее северной части, представляется целесообразным начать с эпохи лангобардского завоевания, поскольку это время характеризуется серьезными переменами в общественном строе Северной Италии. В это время сходят со сцены часть античных городов, а те, что сохраняются, в том или ином виде доживают до эпохи, нас интересующей. В это же время происходит становление права лангобардов как кодифицированного, записанного, и оно тоже сохраняет свою силу и действенность в интересующие нас X-XIII века, в том числе и в городах, в том числе и в сфере фиксации разного рода имущественных сделок.

Кроме того, лангобардские законы VII-VIII веков содержат некоторые материалы, относящиеся к городам той эпохи, и потому позволяют зафиксировать хотя бы некоторые моменты жизни города раннего средневековья, специфику имущественных и правовых отношений той поры. А это, со своей стороны, дает возможность выявить общее и особенное в разных этапах развития средневековой истории самой Италии и ее городов.

Но прежде кратко очертим первые этапы развития Кремоны и Кремонской области. Известно, что Кремона была основана в конце III века до н.э. на месте маленького поселения кельтского племени ценоманнов. Кремона наряду с Плаценцией (совр. Пьяченца) занимала важное стратегическое положение – служила форпостом римских владений от любых вторжений из-за Альп. Кроме того, вблизи Кремоны находилось пересечение важных дорог – Эмилиевой¹ и Постумиевой². Благодаря этому к I веку до н.э. Кремона стала одним из центров Цизальпийской

---

¹ Via Aemilia проходила через Плаценцию и вела через Парму, Регий (Реджо), Мутину (Модену), Бононию (Болонью) к побережью Адриатического моря у города Аримина (Римини).

² Via Postumia проходила через Плаценцию, Кремону, Верону и вела к северному побережью Адриатического моря у города Аквилеи.

Галлии, считавшейся в это время самой цветущей областью Италии. Но в период гражданских войн 68-69 годов Кремона оказалась в центре решающих сражений. Город был взят штурмом сторонниками Веспасиана, разграблен и разрушен. В течение последующих столетий Кремона так и не смогла возродиться и вернуть свое былое военно-политическое и хозяйственное значение.

Относительно V-VI веков о Кремоне сведений мало. Под 489 годом она вскользь упоминается среди городов, входивших в так называемое государство Одоакра.¹ О Кремоне периода господства остготов мы знаем также очень немного, известно только, что Кремонский епископ участвовал в церковном соборе 501 года.²

Напомним, что в 568 году началось вторжение в Италию лангобардов. Во главе племенного союза, в который помимо лангобардов входили также другие германские (свевы, гепиды, саксы), а также негерманские племена (сарматы, болгары), стоял король Альбоин. Отдельные подразделения союза возглавляли военачальники-герцоги. Как давно выяснено, завоевание лангобардов отличалось от остготского не только тем, что новые завоеватели были многочисленнее, но и тем, что само завоевание сопровождалось насилием, захватом земель, убийствами и изгнанием римских землевладельцев.³ Недавние исследования как итальянских, так и отечественных специалистов добавили много деталей к этой картине, но, к сожалению, мало что – к пониманию судеб города этой эпохи.⁴

Лангобардскому завоеванию и образованию королевства в Италии предшествовал длительный процесс возникновения у лангобардов элементов государственности в период их расселения на римской территории. Обогащение и возвышение военной знати в результате грабительских экспедиций и развития скотоводства, ремесел и обмена способствовало превращению племенного союза в военно-политическую конфедерацию. Паннон-

---

¹ Astegiano L. Ricerche sulla storia del comune di Cremona // Codex diplomaticus Cremonae. 715-1334. Vol. II. 1899. P.232.

² Astegiano L. Ricerche sulla storia... P.232.

³ Кудрявцев П.Н. Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим. М., 1850; Виноградов П.Г. Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. – СПб., 1880.

⁴ Дворецкая И.А. Возникновение раннефеодального государства в Северной Италии VI-VII веков. – М., 1982; Шервуд Е.А. Законы лангобардов. Обычное право древнегерманского племени (К раннему этногенезу итальянцев). – М., 1991.

ская конфедерация по политической структуре представляла собой переходную форму от племенной организации с принципами и институтами военной демократии к раннеклассовому государству. Превращение же военного союза племен в территориальную общность после расселения в Италии и укрепление публичной власти военачальников способствовало развитию государственности.¹ Для следующего этапа эволюции политического устройства лангобардов характерна политика лангобардских королей, направленная в основном на укрепление государственного начала в управлении королевством.

Этой же цели служила кодификация лангобардского обычного права. Законы лангобардских королей могут служить для характеристики экономического развития раннесредневековой Италии, а также для понимания общественных процессов, происходивших в Северной Италии в этот период времени. Законы лангобардов представлены единовременным изданием эдикта короля Ротари в 643 году², а также более поздними добавлениями к нему постановлений королей Гримоальда (668 год)³, Лиутпранда (713-735 годы)⁴, Ратхиса (745 и 746 годы)⁵ и Айстульфа (750 и 755 годы)⁶. Причем из всех более поздних добавлений наибольшее значение имеет законодательная деятельность Лиутпранда, добавившего к первоначальному тексту эдикта 153 статьи. Таким образом, все обычное право лангобардов состоит из 586 постановлений и распадается на две части – эдикт Ротари и постановления Лиутпранда, вокруг которых группируются прочие законы.

Материальной основой усиления королевской власти и превращения ее в государственную было создание особого королевского имущества, в частности организация своих поместий (*curtes*) в противовес герцогским. Другим средством борьбы с традиционной властью герцогов был институт гастальдов, известный лангобардам еще до завоевания Италии.⁷ Но в Лангобардском королевстве по законам королей Ротари и Лиутпранда гастальды получали широкие военные, полицейские и судебные

---

¹ Дворецкая И.А. Возникновение раннефеодального государства... – С.11-25.

² Эдикт Ротари // Шервуд Е.А. Законы лангобардов. – М., 1992.

³ Законы короля Гримоальда // Шервуд Е.А. Законы лангобардов. – М., 1992.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Дворецкая И.А. Указ. работа. – С. 27-37.

функции.¹ Гастальды, как мы увидим, играли существенную роль и в управлении городами той поры.

Укрепление политических позиций лангобардских королей в VIII веке не ослабило окончательно власти и влияния герцогов. Звание дукса (герцога) постепенно становится наследственным, короли редко прибегают к назначению герцогов. Усиление королевской власти было временным и не имело реальных результатов в деле централизации, так как ее материальная основа оставалась слабой. В VIII веке происходит также уменьшение численности лангобардского войска, вызванное значительным количеством земельных дарений, в результате которых дарители и их наследники не только теряли имущество, но и вместе с тем право считаться полноправными членами общества. Большинство этих дарений (*pro anima sua*) происходило в пользу церкви, которая, по мнению исследователей, сыграла большую роль в разорении свободных землевладельцев и превращении их в зависимых держателей.² Наибольший размах этот вид дарений приобрел в VIII веке, постепенно уменьшаясь по мере обнищания основной массы дарителей – мелких и средних свободных землевладельцев. Практика подобных дарений встречается и в источниках X-XIII веков, но их количество в эти столетия невелико по сравнению с актами обмена или продажи земли.³

Лангобарды в ходе завоевания расселялись в Италии компактными поселениями, отдельно от местного населения. Точно охарактеризовать типы поселений лангобардов ко времени их прихода в Италию трудно. Вплоть до середины VII века существуют данные лишь нарративных источников, посвященных в основном политической истории лангобардов. По косвенным данным можно предположить, что пришедшие в Италию лангобарды селились по принципу родоплеменных связей. Подтверждением этого, как показал и более поздний кремонский материал,

---

¹ Эдикт Ротари. – С.15, 22-25, 189, 221.(Далее – Ro.); Законы короля Лиутпранда. – С.25, 26, 59, 78. (далее - Li.) // Шервуд Е.А. Законы лангобардов. – М., 1991.

² Шервуд Е.А. Указ. работа. – С.158.

³ Е.А.Шервуд приводит данные, согласно которым на период с 700 по 800 годы сведения о дарениях в источниках преобладают над другими формами сделок с землей. С 700 по 850 год число дарений снизилось, в Италии постепенно уменьшался фонд земель, находящихся в свободном обращении. Это уменьшение протекало в основном с 700 по 800 год, то есть можно назвать это время периодом наибольшего социального расслоения лангобардского общества. См. Шервуд Е.А. Указ. работа. – С.159.

служат названия населенных пунктов, в составе которых есть слово *fara*.¹

Для нашего исследования важно отметить и другое: эти поселения не исчезают с лица земли и в последующие века. Они обнаруживаются в актах Кремоны. Так, в грамоте от 1037 года названо поселение Фаринато (*Farinato*)², в грамоте от 1046 года – поселение Фаризинго (*Farisingo*)³, в грамоте от 1197 года – местность Фариоло (*Fariolo*) в окрестностях Кастронуово (*Castrì Nuoi*).⁴ Иными словами, подобные поселения составляли часть Кремонской округи в X-XIII веках. К сожалению, данные источников не позволяют выяснить, действовало ли там лангобардское право среди жителей этих поселений.

В текстах лангобардских законов населенный пункт, в котором проживали крестьяне, именовался *vicus*.⁵ Село в VII веке представляло собой площадь, занятую под постройки, и местность, прилегающую к ней.⁶ Судя по тому, что человек мог разъезжать по территории, прилегающей к постройкам, территория села была обширной. Само село состояло из ряда домов или дворов – *curtes*.⁷ Необходимо отметить, что терминология, использовавшаяся в лангобардском законодательстве для обозначения поселений, сохранилась и в последующие века. Так, в кремонских материалах X века мы встречаем населенные пункты, обозначенные термином *vicus*.⁸

Хозяйство дворов во времена королей Ротари и Лиутпранда и в последующие века могло включать земли и угодья, приобретенные в разное время и в разных местах. Очевидно, подобные явления не были единичными; более того, они оказались исторически устойчивой структурной формой хозяйств. Такая ситуация обнаруживается и в кремонских документах X века. Так, некий нотариус Андрей, житель поселения Камизиано (*in vicus Camisiano*), имел участки земли в местностях: Корналедо, Вин-

---

¹ *Fara* (ланг. – род) – группа родичей, связанных общим происхождением по нисходящей линии. По мнению И.А.Дворецкой, в VI веке *fara* – это большая семья. См. Дворецкая И.А. Возникновение раннефеодального государства...

² АК I. № 7, а.1037. С.85.

³ АК I. № 10, а.1046. С.90.

⁴ АК I. № 88, а.1197. С.210.

⁵ Ro. 19, 346; Li. 134, 141.

⁶ Ro. 340.

⁷ Ro. 279.

⁸ CDC I. № 18, а.964; № 20, а.968; № 25, а.980.

тригано, Казале, Фоза Филари, Саро Морта (Cornaleto, Uintrigano, Casale, Fosa Filari, Sario Morto).¹

Законы лангобардских королей называют жителей сел то крестьянами-соседями, то крестьянами-совладельцами, связанными родственными узами.² Они нередко решали совместно свои дела и вели в некоторых случаях совместное хозяйство. Судя по тому, что человек мог нередко ошибаться при выборе своего коня, можно предположить наличие у лангобардов в VII веке общих стад, что свидетельствует об общинном выпасе.³ Стада свиней, насчитывающие более 30 голов, возможно, были также общими.⁴

В VII веке, судя по эдикту короля Ротари, появились элементы частной собственности не только на движимое имущество, но и на земли, отведенные под пашню.⁵ Из-за обладания землей нередко происходили столкновения. Законодательство стремилось оградить земельную собственность от каких-либо покушений, будь то участок, отведенный под пашню, уже засеянное поле или луговой участок.⁶ Охраняются также участки, отведенные под сад, под виноградник, под рыбную ловлю, лесные участки.⁷ Эдикт утверждает также право на индивидуальное пользование участками, засаженными оливами, дубом, буком, каштанами. Если же у такого участка не было обозначенных границ, то дерево можно было срубить, не опасаясь уплаты штрафа.⁸

Частная собственность на землю закрепляется в VIII веке. Король Лиутпранд вторично подтверждает некоторые постановления короля Ротари, регулировавшие имущественные отношения. В то же время законодательство короля Лиутпранда отражает дальнейшее развитие форм частной собственности. Так, если в VII веке владелец лесного участка имел на него неполное право собственности, то в VIII веке отдельные участки леса полностью находились в индивидуальном владении.⁹ В VIII веке в лангобардском обществе расширяется практика отчуждения имущества. Поля, луга или леса могли обмениваться, землю

---

¹ АК I. № 1. а.960. С.65-66.

² Ro. 19; Li. 55.

³ Ro. 342.

⁴ Ro. 351.

⁵ Ro. 175, 296, 300, 305, 344, 379.

⁶ Ro. 349, 354-357.

⁷ Ro. 240, 284, 292-296, 299, 319.

⁸ Ro. 300-302.

⁹ Li. 82, 152.

продавали.¹ Таким образом, можно говорить о складывании у лангобардов к началу VIII века аллода, то есть свободно отчуждаемой собственности на землю.

Следует заметить, что в лангобардском законодательстве термин «аллод» для обозначения свободной земельной собственности не применялся. Возможно, термин пришел позже, вместе с франкским завоеванием и законами франков. В любом случае в кремонских материалах X-XIII веков мы встречаем сделки, фиксировавшие операции с земельной собственностью аллодиального типа. Например, по грамоте 1230 года некий Гирард Манария продал в собственный аллод некоему Факсато из Каструнуово несколько участков земли, расположенных в местности в окрестностях Левато и Левателла.² И подобные сделки не являются единичными. Следовательно, в последующие за лангобардским завоеванием столетия не произошло полного исчезновения аллода свободно отчуждаемой земельной собственности.

В лангобардском законодательстве уделяется много внимания порядку разрешения споров по поводу границ владений между различными хозяевами. В VII веке складывается система границ земельных участков. Границей могли служить засека на дереве, уложенные камни, а также межи.³ Межа или ров (*fossum*), упомянутые в качестве пограничных знаков в нескольких статьях эдикта короля Ротари,⁴ были широко распространены в том же качестве и в более поздние времена. Кремонские акты достаточно часто содержат сведения подобного рода. Так, документ от 1224 года сообщает об участке земли расположенном в Прателло снаружи рва, который разделяет курии Казальмаджоре и Саблонета.⁵

В лангобардской Италии VII века можно усмотреть два вида общинных угодий: угодья первого вида не подвергались разделу между членами общины, угодья же второго вида разделу подвергались. Подобного рода угодья имеют место и в X-XIII веках. Так, в документе 1182 года говорится о правах коммуны

---

¹ Li. 116, 149.

² АК II № 4, а.1230. С.61. «Dominus Ghirardus Manaria...fecit datum nomine venditionis ad proprium allodium domino Faxato de Castello Nouo interroganti, nominatim de omnibus infrascriptis pecii terrarum sui iuris, iacentibus in loco et territorio et pertinentiis Levate et Levatelle...»

³ Ro. 236-239.

⁴ Ro. 305, 350, 370.

⁵ АК I. № 141, а.1224. С.285. «terra, que jacet in Pratellis et de foris fossatorum, que dividunt curiam Casalis Majoris a curia Sablonete...»

Караваджо на пять участков земли в Мордофио и дороги в Мордофио и Ронкалью.¹

Итак, с точки зрения исторической топографии и хозяйственно-правовых отношений в аграрной сфере мы можем говорить об известной исторической преемственности VII-VIII и последующих веков. Материалы Кремонского округа показывают, что сохраняются многие поселения, возникшие при расселении лангобардов, а также дробная структура хозяйств и, следовательно, значимость рвов, межей и других пограничных знаков. Не происходит полного растворения в процессе складывания феодальных отношений земельной собственности аллодиального типа. С другой стороны, многие угодья, принадлежавшие общинам, в последующие века оставались в совместной собственности членов сельских коммун.

В какой-то мере исторически преемственными могли оказаться также отношения соседства и общинные распорядки. Использование у лангобардов понятий «соседний», «соседство», «конлиберт» очень разнообразно: то это лица, обитающие в окружности ста миль, то лица, живущие в одном месте.² Такие лица сходились для решения текущих дел на собрание перед церковью.³ Они нередко вели общее хозяйство, и среди них был установлен свой обычай оценки нанесенного ущерба.⁴ Существование обычаев свидетельствует об устойчивости сложившихся отношений. Общее выполнение равных для всех хозяйственных распорядков на протяжении длительного времени могло существовать именно при общинном ведении хозяйства.

Соседи (*vicini*) выступали также в качестве поручителей.⁵ Стать поручителями могли только близкие люди, которые несли юридическую ответственность за того, за кого они ручались. О том, что *vicini* проживали близко друг от друга, свидетельствует факт их присутствия при оценке сгоревшего имущества.⁶ Знать, что сгорело и какую ценность представляло сгоревшее имущество, могли лица, проживавшие в одном поселении. Таким образом, в большинстве случаев под «соседями» людей, живших в одном поселении. Все соседи несли большую или меньшую от-

---

¹ АК I. № 59, а.1182. «nominative de quinque peciis terre, qui iacet in Mordofio in curia Fornoui et Mozanega et de via de Mordefrasca et de omnibus aliis viis, quibus utebantur ad Roncaliam»

² Ro. 252, 146.

³ Ro. 343.

⁴ Ro. 344, 346.

⁵ Ro. 344.

⁶ Ro. 346.

ветственность за дела, совершавшиеся на той территории, на которой они проживали. Здесь речь идет о членах территориальной общины; об этом уже в VII веке свидетельствуют изменения в составе соседей, вызванные мобильностью земельной собственности. Соседями могли выступать не только лица, связанные родственными узами, но и лица из других мест, которые приобрели земли с зависимым населением в окрестностях данного села.¹

В VIII веке в качестве соседей в законах Лиутпранда упоминаются также и итало-римляне,² то есть в эти времена поселения в Италии являлись этнически неоднородными. Причем римское население завоеванных лангобардами областей, в том числе и округи Кремоны, продолжало в своих повседневных гражданско-правовых отношениях руководствоваться нормами римского права, которое сохраняло свое значение, как мы увидим, и в более позднее время. В последующие века разделение по этническому признаку сохранялось, а разграничение римского и лангобардского права было реальным явлением. Такое разграничение мы увидим и при заключении имущественных сделок, когда устанавливалось – по нормам какого права каждая из сторон может подтвердить или оспорить их. Необходимо отметить, что такое разделение сохранялось довольно продолжительное время. Упоминания об использовании разных норм права встречаются в документах вплоть до середины XIII века. Они равно характерны для сделок в Кремоне и ее округе, что мы и попытаемся проследить дальше.

Появление нового хозяйственного и социального уклада и его взаимодействие с прежними римскими формами социальной организации требовало нового регулятора имущественных отношений внутри общества, каковым и стало законодательство лангобардских королей. Стремление установить законодательным путем порядок наследования, а также процедуру передачи собственности наблюдается уже в VII веке.³ Король Ротари отстраняет от участия в наследовании имущества внуков, рожденных от брака незаконнорожденного сына со свободной женщиной.⁴ Сужение круга родичей в правах наследования прослеживается и в законодательстве короля Лиутпранда. Под «ближайшими родичами» теперь понимают лишь братьев умершего человека.⁵ Лиутпранд изменяет также порядок наследования имущества дочерьми и сест-

---

¹ Ro. 227; Li. 7.

² Li. 91.

³ Ro. 157, 172.

⁴ Ro. 157.

⁵ Li. 17.

рами умершего. При отсутствии законнорожденных сыновей дочь или сестра наследуют имущество подобно мужчинам. Правда, женщинам запрещалось взимание штрафа за убийство, так как, по объяснению Лиутпранда, они по обычаю не должны принимать участия во вражде. Но в случае отсутствия ближайших родичей половина штрафа доставалась им.¹

Таким образом, законодательство короля Лиутпранда, регулирующее раздел имущества между родичами, отражало те отношения, которые сложились в среде лангобардов к VIII веку. Прежде всего имеется в виду укрепление индивидуальной семьи, тесно связанное с формированием собственности аллодиального типа.

В эдикте короля Ротари при наследовании отдавали предпочтение отцовской стороне.² Потомкам по материнской линии участвовать в наследовании запрещалось.³ Более того, ближайшие родичи тоже ограничивались в праве наследования; они приравнивались к наследникам женского пола независимого от того, являлись они законнорожденными или нет. Но законнорожденная дочь, даже будучи единственной наследницей среди других законных потомков, получала треть имущества, тогда как остальные ближайшие родичи и незаконнорожденные дочери получали вместе также треть имущества.⁴

Следовательно, при наследовании первое место занимали законные наследники мужского пола, второе – дочери и сестры умершего и лишь на третьем месте находились незаконнорожденные сыновья и ближайшие родичи. Тот факт, что дочери и сестры имели преимущественное право на долю в наследстве при отсутствии сыновей перед ближайшими родичами, свидетельствует о начавшемся процессе образования малых семей. Переход к отцовскому счету родства был связан с превращением семьи из парной в моногамную и победой семьи над родом. Семья стала значимой социальной ячейкой.

О становлении малой семьи свидетельствует и упрочение власти главы семьи – отца. Отец и брат пользуются особыми правами по отношению к сестрам и дочерям.⁵ Власть отца распространялась и на других членов семьи.⁶ Упрочение власти отца шло не только по пути упрочения его власти над членами се-

---

¹ Li. 13, 14.

² Ro. 154-157.

³ Ro. 164.

⁴ Ro. 159, 160, 162, 163.

⁵ Ro. 195, 196; Li. 12, 31.

⁶ Ro. 221.

мы, но и постепенного признания неограниченного права отца на имущество всей семьи.¹

Наиболее характерным признаком становления в лангобардском обществе VIII века малой семьи является проведение в законодательстве идеи строгого разграничения имущественных прав родителей и детей. Устраняется неравноправие женщин при наследовании семейного имущества, дочери при отсутствии сыновей признаются законными наследницами всего имущества отца или матери.² В 725 году король Лиутпранд запрещает дарить или присуждать церкви *pro animaе suae* более чем две трети имущества; если же у дарителя будет одна дочь, то запрещается дарить из своего имущества более половины. В случае, если пожалование было совершено до того, как родились дочери, из подаренного отбиралась та доля, которая в качестве наследственного имущества должна была перейти к дочерям.³ Король Лиутпранд утверждает преимущественное право сестер умершего брата на наследование перед прочими родичами мужского пола, при условии отсутствия детей или внуков как от сыновей умершего, так и от его дочерей. Сестры выступают наследницами всего имущества брата.⁴

Таким образом, при сравнении законодательства короля Лиутпранда с эдиктом короля Ротари можно сделать вывод о твердом признании в VIII веке преимущественного права дочерей и сестер перед прочими родичами. Угроза по поводу лишения дочерей или сестер по какой-либо причине наследства схожа с угрозой лишения наследства сыновей, зафиксированной почти столетие назад. В VIII веке в лангобардском обществе стремятся удержать имущество в кругу лиц, входивших, как правило, в состав малой семьи. На это, несомненно, оказывали воздействие нормы римского права, сохранявшиеся среди окружавшего лангобардов итало-римского населения.

Но лангобардское право, основанное на обычаях сложившихся в период господства кровнородственных отношений, препятствовало подобным устремлениям. В дальнейшем мы попытаемся проследить, как эти препятствия будут преодолеваются благодаря использованию норм римского права в имущественных отношениях в X-XIII веках.

Естественно, нельзя пройти мимо вопроса, который очень интересен для раннего средневековья: насколько в исторической

---

¹ Li. 6.

² Li. 1, 2.

³ Li. 65.

⁴ Li. 3, 4.

действительности VII-VIII веков осталось место городам и насколько они являлись объектом законодательных установлений лангобардских королей.

Как уже в значительной мере было выявлено исследователями, к лангобардскому времени города в Италии не были античными муниципиями римской эпохи. Несомненные признаки упадка городов в Италии обнаруживаются уже в довизантийскую эпоху. Кризисные явления затрагивают как муниципальное устройство городов, так и их роль в экономической жизни.¹

Для итальянских городов в V-VII веках характерно постепенное исчезновение сословия декурионов², что не означало исчезновения курии³. Изменения в куриальном устройстве городов в течение этого времени (резкое сокращение численности куриалов, ограничение деятельности курии сферой фиксации сделок, превращение муниципальных должностей в пожизненные и наследственные) вели к преобразованию курии в своеобразную чиновничью корпорацию.⁴

Исследователи отмечают также, что в раннем городе все больше начинает проявлять себя церковь. Усилившаяся церковная власть включает курию в свою структуру вместе с аппаратом, архивом и деловым опытом.⁵

Усиление позиций церкви в городах было вызвано также упрочением ее материального положения. В классическом римском муниципии храмы входили в состав городского имущества. В позднеримскую и византийскую эпоху значительная часть муниципального имущества в самом городе и за его пределами переходит в собственность христианской церкви.⁶ Кроме установления контроля над городским имуществом церковь стремится к подчинению ей собраний граждан, постепенно принявших на себя некоторые функции слабеющей курии. Рост влияния церкви на общегородские собрания был связан с возрастанием ее экономического и политического могущества, с поддержкой со сто-

---

¹ Бородин О.Р. Эволюция муниципального устройства в Северо-Восточной Италии в эпоху византийского господства // Античность и раннее средневековье. Социально-политические и этнокультурные процессы. – Н.Новгород, 1991. – С.117.

² Декурионы, куриалы (лат. *decuriones, curiales*) – члены городских советов в городах Римской империи, ведали городским управлением, распределением и сбором податей, сдачей в аренду городских земель, расходованием общественных денег и т.д.

³ Курия (лат. *curia*) в эпоху империи – городской совет.

⁴ Бородин О.Р. Указ. работа. – С.117.

⁵ Там же. – С.118-119.

⁶ Там же. – С.120-121.

роны светской власти, а также с тем, что церковь могла проявлять инициативу собраний, совместив их с каким-либо культовым действием. Таким образом, в византийский период сложились материальные и правовые предпосылки для того, чтобы церковь заменила собой прежнюю муниципальную организацию, выступив ее наследницей в публично-правовой и имущественной сфере¹, какой мы и застаем ее в интересующие нас X-XIII века.

Но вернемся к городу эпохи лангобардского завоевания. Многие города в тот период подверглись разорению и опустошению. Некоторые из них долго не могли оправиться после разрушения, например Брежелло после пожаров 586 и 603 годов был покинут на несколько столетий.² Но такие разорения не были всеобщим явлением.

В начале VII века испытала нашествие лангобардов и Кремона. Город был взят и разрушен Агилульфом (591-616) в 603 году. Павел Диакон, осуждая завоевания Агилульфа, писал, что Падуя, Кремона и Мантуя были разрушены до основания – «ad solum usque». Позже, благодаря деятельности королевы Теодоланды, жены короля Агилульфа, город был вновь отстроен, заселен и отдан в управление герцогу. Территория Кремоны была предоставлена для заселения несколькими лангобардскими родами (*farae*). Ясно, что Кремона должна была быть сильно опустевшей, чтобы стало возможно подобное заселение. Ясно и то, что находились жизненные силы и потребности к его возрождению, отстройке, заселению.

За периодом открытой враждебности последовал длительный процесс синтеза варварских и римских элементов с несомненным перевесом римского социального и культурного наследия. Город постепенно оправляется.

Судя по законам лангобардских королей, важнейшей территориальной единицей в Лангобардском королевстве была *civitas*, но что за этим крылось в реальности, сказать трудно. Скажем, понятия *civitas* и *castrum* разделяются только в одном параграфе эдикта Ротари.³

Как выявила Л.А. Котельникова, в лангобардское время город управлялся герцогом или гастальдом, назначаемым королем и обладавшим судебной, административной и военной властью.

---

¹ Бородин О.Р. Указ. работа. – С.124.

² Wickham Ch. Early Medieval Italy. Central Power and Local Society. 400-1000. London, 1981. P.81.

³ Ro. 244. «кто без уведомления своего судьи выйдет за стены замка или города (*per murum de castro aut civitate*) либо войдет...»

В то же время в городе существовали и некоторые элементы самоуправления. Так, на площади перед церковью обычно происходило общее собрание горожан – *conventus ante ecclesiam*, на котором решались вопросы ремонта городских стен, дорог и общественных зданий, назначались мастера, которым поручались эти работы, и собирались необходимые средства, распределялись налоги, разбирались торговые дела и мелкие происшествия в городе. Кроме того, на собрании горожан – жителей диоцеза – избирались епископы, впоследствии это участие ограничивалось лишь одобрением представленного епископа. Население города участвовало и в назначении пресвитеров, а также в распоряжении церковным имуществом.¹

В большинстве итальянских городов и в лангобардскую эпоху, и много позже сохранилась римская квадратная планировка (*cardo et decumano*). Среди таких городов – Турин, Пьяченца, Милан, Кремона, Брешия, Верона и многие другие. Но старая античная оболочка уже наполняется новым содержанием. Старый форум выживает, но из политического центра города превращается в торговый – рынок. Особенно это характерно для городов, расположенных вдоль главной торговой артерии Италии – реки По с ее многочисленными притоками, в том числе и для Кремоны.

Торговая деятельность итальянских городов лангобардской эпохи находилась, в отличие от традиций римских времен, под активным покровительством государственной власти. Приведем несколько фактов. В 715 году король Лиутпранд заключает договор с городом Комаккьо, согласно которому купцы из этого города, находившегося под властью византийцев, ставились в особо привилегированное положение при торговле солью, а также оливковым маслом и перцем. Остальные же купцы обязаны были платить пошлины в каждом порту на реке По: в Мантуе, Брешии, Кремоне, Пьяченце.²

Некоторые зарубежные историки считают торговлю солью из Адриатики основой развития всей раннесредневековой торговли на севере Италии. Активное участие в этой торговле принимали и кремонские торговцы, которые имели даже собственные корабли, курсировавшие по реке По. Заглядывая вперед, необходимо отметить, что именно противоречия в торговой сфере

---

¹ Котельникова Л. А. Городская община в Северной и Средней Италии в VIII-X вв.: действительность раннего средневековья и античные традиции // Страны Средиземноморья в эпоху феодализма. – Горький, 1975. – Вып.2. – С.64-65.

² Violante C. La societ  milanese nell'eta precomunale. Bari, 1974. P.3.

повлекли за собой первый конфликт между кременцами и епископом, когда в 852 году они безуспешно добивались освобождения от уплаты епископу пошлин с порта Кремоны.¹

Пока интересно заметить, что Кремона играет уже при лангобардских королях активную роль во взаимодействии с королевской властью. Это могло быть одной из причин, способствовавших выживанию города в раннее средневековье. Уже в правление короля Ариперта (652-661) восстанавливаются хозяйственные связи Кремоны с близлежащими городами и бургами. Поначалу кременцы владели лишь лодками для мелкой речной торговли: по реке Ольо с Брешией, по рекам Адде и По с Лоди, Тревилио, Кремой, Бергамо, Миланом, Феррарой. Тогда же по реке По двинулись на судах римские товары, которые именно в Кремоне стали облагаться пошлиной в пользу ее герцога. С этим движением связаны и переход в католичество, и признание папского авторитета прежде арианским населением Кремоны. Кремона вновь, как и в период позднеримской империи, становится местом пребывания епископа. В 686 году в III Константинопольском церковном соборе принял участие кременский епископ Дезидерий.²

В законодательстве лангобардских королей также нашло отражение отношение государственной власти к торговому населению итальянских городов. Как мы только что видели, в пользу королей собирались пошлины в портах на реке По. Чуть позже король Айстульф в эдикте от 750 года недвусмысленно декларирует контроль государства над занятием торговлей (*navigio et terreno negotio*).³

Уже из этих свидетельств становится понятным, что торговцы составляли одну из важных групп городского населения. Эдикт Айстульфа даже делит их на три разряда: во-первых, могущественные и влиятельные (*majores et potentes*), во-вторых, торговцы среднего достатка (*sequentes*) и, наконец, менее обеспеченные (*minores*).⁴ Это деление введено в связи с потребностью короля в вооруженном ополчении.

В имущественном отношении король приравнивает крупных купцов к собственникам земли, владевшим 7-ю или более

---

¹Wickham Ch. *Early Medieval Italy*. P.89-90.

²Astegiano L. *Ricerche sulla storia...* P.236.

³Законы короля Айстульфа. 6 // Шервуд Е.А. *Законы лангобардов*. (Далее – Ai.) «О морской и сухопутной торговле: никто не должен без письма короля или без согласия своего судьи выступать для проведения сделки, если же совершит, уплатит свой вергельд...».

⁴Ai. 2, 3.

участками земли: те и другие обязаны вооружиться панцирем, щитом, копьем и явиться в поход на коне. Наименее обеспеченные торговцы, принадлежавшие, видимо, к низам свободного населения города, обязаны были иметь щит и лук со стрелами.¹

Для итальянских городов лангобардской эпохи кроме торговцев несомненно существование и ремесленного населения. Такой вывод позволяют сделать законы лангобардских королей: «Если кто уйдет для проведения торговли (*negotium*) и занятий каким-либо ремеслом (*artificio*) бродить по стране или за пределами страны, пусть извещает о том через судью или через своего посла».²

Исследования Дж.Луццатто свидетельствуют о попытках лангобардских королей контролировать наряду с торговой деятельностью и деятельность ремесленников. Так, в особых предписаниях лангобардские правители пытались фиксировать ставки поденной оплаты ремесленников, а также регулировать само производство: работы по кровле крыш, строительству стен, побелке, изготовлению перегородок и окон и др.³ Не исключено, что прежде всего имелось в виду ремесло, связанное с обслуживанием королевского двора.

Законы лангобардских королей позволяют обнаружить первые следы ремесленных организаций. В дипломе короля Лиутпранда кафедральному собору в Пьяченце говорится об объединении мыловаров. В особом предписании строителям «*Memoratorium de mercedibus commacinorum*» лангобардские правители как раз пытались фиксировать ставки поденной оплаты ремесленников, о которых говорилось выше.⁴

Свидетельства существующих источников о ремесленных организациях крайне скудны. Тем не менее имеющиеся данные позволили Л.А.Котельниковой говорить о существовании в VIII веке особых объединений ремесленников и торговцев (*ministeria*), предшественников будущих средневековых корпораций. Члены этих объединений были свободными людьми. Для вступления в корпорацию они уплачивали особые взносы, установленные ими самими, что является важным показателем их самостоятельности. Выморочное имущество члена корпорации наследовали остальные коллегиаты. Они распоряжались произведенной продукцией, назначали своего главу, совместно вы-

---

¹ Ai. 2, 3.

² Li. 18.

³ Луццатто Дж. Экономическая история Италии. – С.185.

⁴ Там же.

ступали как коллектив перед королем или епископом.¹ Некоторые историки считают, что эти ремесленные «*ministeria*» являются наследниками позднеимских корпораций.² Но если во времена Римской империи эти организации контролировались государством, то достаточных оснований считать объединения ремесленников эпохи лангобардов подобными позднеимским корпорациям нет.

К сожалению, ясными данными относительно положения и организации торгового и ремесленного населения интересующей нас Кремоны и ее округа исследователи не располагают. Оживление хозяйственной жизни в самом городе и окружающей его территории после разрушительного лангобардского завоевания происходило постепенно. Прежняя, связанная с римской *civitas*, территория Кремонской области не была закреплена за городом в течение лангобардского господства. Она числилась сначала за королями и управлялась назначаемыми ими гастальдами, сидевшими в замках. Такие замки (*castrum*) либо разделяли с другими хозяйственными центрами функции эксплуатации, либо представляли собой центральное место судопроизводства: «Если кто вопреки воли короля поднимет в каком-либо городе против своего судьи мятеж, либо другие лица и другие города поднимут без приказа короля против чужого города или чужого судьи мятеж, подвергнется тогда тот, кто будет во главе, смертной казни».³

Наряду с *castrum* в документах лангобардской эпохи встречается еще одно наименование для хорошо укрепленного места – *castellum*. Как мы увидим, подобные *castrum* и *castellum* во множестве покрывали территорию Кремонской округи; несомненно, часть из них досталась X-XIII векам в наследство от лангобардской эпохи.

Итак, лангобардское завоевание Италии явилось в значительной степени особым этапом в истории итальянских городов. Многие города смогли выстоять во времена лангобардского нашествия и не исчезли с лица земли. Некоторые из них имели большее или меньшее торгово-ремесленное население. Итальянские города и проживавшее в них население были объектом пристального внимания лангобардских королей, что отразилось в их законодательстве; города находились главным образом в зависимости от королей или их наместников – герцогов и гас-

---

¹ Котельникова Л. А. Городская община в Северной и Средней Италии... – С.61-62.

² Wickham Ch. Early Medieval Italy. P.89.

³ Ro. 244.

тальдов. Однако уже в лангобардский период начинает проявлять свое влияние на городскую жизнь католическая церковь.

Что касается Кремоны, то ее жизнь как города в лангобардские времена не отличалась стабильностью, но и не замирала совсем. Свидетельства о ремесле, торговле, рынках, восстановление ее роли как епископского центра позволяют говорить о сохранности важных компонентов городской жизни, как бы скромно они ни реализовывались в тот период.

В целом же очевидно, что именно в лангобардский период складывается значительное число поселений, которые продолжают свое существование в более поздние времена. В Кремонской области именно тогда фиксируются поселения с лангобардскими названиями, а в них складываются хозяйственные единицы, оказавшиеся исторически жизнеспособными, и хозяйственно-общинные распорядки, не исчезнувшие в X-XIII веках.

Что касается области права или, как сейчас часто пишут, правового поля, то в итальянских городах в этот период часть жителей в имущественных отношениях продолжает руководствоваться нормами римского права, а пришельцы-лангобарды – нормами обычного варварского, лангобардского права. Таким образом, на основе полиэтничной общности в Кремоне и поселениях ее округа происходит сосуществование разных систем права.

2. Кремона и Кремонская округа в IX-X веках: складывание публично-правовой власти епископов

В результате франкского завоевания Лангобардского королевства значительно изменились внутренние отношения как в целом в Северной Италии, так и в Кремонской области. Вместо лангобардских герцогов и гастальдов во главе городов были поставлены графы, напрямую подчинявшиеся императору. Утвердились границы церковных диоцезов. Графы, как представители светской власти, должны были подчиняться епископу как церковному главе диоцеза. Но зачастую их функции были недостаточно разграничены, что порождало непонимание и разногласие. Для разрешения возможных споров и многих других вопросов активно использовался институт государевых или императорских посланцев (*missi dominici*, *missi imperatoris*).

Именно Карл Великий сделал этот давно сложившийся институт постоянным и регулярным. Вся территория империи, в том числе и бывшего лангобардского королевства, была разде-

лена на несколько округов, каждый из которых контролировался двумя посланцами – светским и духовным. Обычно свои обязанности они исполняли в течение года и во время своей миссии обладали всей полнотой власти. Функции посланцев заключались в разъяснении населению королевских и императорских указов и контроле за их соблюдением. Чаще всего их внимание привлекала деятельность представителей областной администрации – графов и епископов, причем посланцы имели право не только отменять их приговоры и постановления, но и даже смешать с должностей. Поэтому для этой деятельности император выбирал наиболее верных людей из представителей знати и высшего духовенства.¹

Поскольку именно ко времени франкского завоевания в Кремоне и ее округе складываются политико-правовые и имущественные отношения, историческое развитие которых больше всего повлияло на период X-XIII веков, попытаемся выяснить: как происходил рост владений и увеличение влияния кремонских епископов в городе и округе; какую роль в этом процессе играла императорская власть; как при этом складывались взаимоотношения церкви и остального населения города и округи.

Значительная территория вокруг Кремоны не была закреплена за кремонскими епископами в период лангобардского господства. Этого не произошло и во времена правления первых Каролингов.² Поэтому перед епископской курией стояла главная задача: поставить территорию под свой контроль. Основным средством в достижении этой задачи стали пожалования, которых кремонские епископы добивались от императоров и королей.

В публикации документов по истории Кремоны, осуществленной Л.Астеджано, представлены многие дипломы пожалований; некоторые из дипломов, не вошедшие в сборник, он характеризует в своем исследовании по истории города. Судя по этим документам, важные моменты в усилении позиции епископа позволяет проследить диплом Карла Великого от 781 года³, по которому епископской церкви в Кремоне с ее приходами был предоставлен иммунитет, также епископу были переданы земли на правом берегу реки По: Кукулло, Текледо, Капрариолас, Бривисула (Cucullo, Tecledo, Caprariolas, Brivisula).

Кроме того, в качестве традиционного дара на освящение кремонской соборной церкви св. Марии епископу были жало-

---

¹ Левандовский А.П. Карл Великий. – М., 1995. – С.108.

² Astegiano L. Ricerche sulla storia... P.230.

³ Там же.

ваны рынок и порт Вульпариоло, являвшийся гаванью Кремоны на реке По. Надо думать, взимание пошлины с провозимых товаров значительно усилило экономическое благосостояние кремонской епископии. Этому же содействовали пожалования Карлом Великим в пользу епископа ряда так называемых «береговых прав», предоставляющих епископии права рыбной ловли, рубки лесов, использования пастбищ и заливных лугов, поборов с прибрежных мельниц.

Как известно, Карл Великий не очень охотно раздавал иммунитеты. Очевидно, ситуация завоевателя и желание найти опору в кремонской епископии побудили его к этому шагу в первое десятилетие своего правления Лангобардским королевством. К сожалению, содержание иммунитетных пожалований в дипломе не расшифровано. Если исходить из известных нам иммунитетных пожалований Карла Великого Трирской (772 год) и Мецкой (775 год) церквям, то можно предположить, что этот иммунитет включал в себя запрещение государственным должностным лицам вмешиваться в юрисдикцию церковных властей: вызывать живших там людей на судебные собрания, требовать с них уплаты судебных штрафов, а также других сборов, пошлин и податей. В свою очередь, церковные власти должны были сами проводить суд на иммунитетной территории и взимать в свою пользу все судебные штрафы.¹

Можно предположить, что расширение хозяйственных прав и прав сбора пошлин у епископа не могло не вызвать сопротивления со стороны местной знати, также претендовавшей на них, поэтому потребовались подтверждения епископских владельческих прав императорской властью. Такое подтверждение было дано в 841 году после расследования, произведенного послом императора Лотаря Адельгизом.² Впрочем, через два года потребовалось новое вмешательство светской власти в дела кремонской епископии, результатом которого стала грамота императора Лотаря, по которой он подтверждал права и привилегии кремонского епископа, причем в документе глухо говорилось о не-

---

¹ Грамота Карла Великого Трирской церкви (772 год) // Практикум по истории средних веков. Часть 1. Раннее западноевропейское средневековье. – Воронеж, 1999. – С.186-187; Грамота Карла Великого Мецкой церкви 22 января 775 г. // Практикум по истории средних веков. – М., 1967. – С.77-78.

² CDC I. № 4, a.841. *Privilegium Hlotarii imperatoris Panchoardo episcopo Cremonae, quo ex incvisione missi Adalgisi, bona ecclesiae cremo-nensi donata a Carolo magno aliaque omnia confirmat, atque sub immunitatis tutione suscipit.*

ких «несправедливых отнятиях»¹, под которыми, как мы можем предположить, подразумевалось сопротивление со стороны светских феодалов усиливавшейся власти епископа.

Кремонские материалы IX-X веков содержат очень немного сведений о земельных владениях светских феодалов в Кремоне и ее округе. Так, из грамоты 851 года мы узнаем о существовании в Кремонской области королевского поместья Соспиро, управлявшегося в то время гастальдом Ландебертом.² К сожалению, характер этого источника не дает возможности понять: насколько велика была власть гастальда в этом поместье. Забегая немного вперед, отметим, что уже в начале XI века это поместье будет находиться под властью графов.³

Тем не менее некоторые данные источников позволяют утверждать о наличии владений светских феодалов как в самой Кремоне⁴, так и в ее округе⁵. Причем, германские корни личных имен этих феодалов (маркиз Беренгарий, сын Адельберта; граф Антин, сын Теудальда; граф Атон, сын Виберта) позволяют предположить их лангобардское или франкское происхождение. Несомненно, что усиление позиций епископов в Кремоне и ее округе в результате императорских пожалований не могли не вызвать недовольства этих местных землевладельцев.

В последующие годы количество императорских грамот, подтверждавших епископские привилегии, не уменьшилось. Так, только в 851 году императором Людовиком было издано три диплома, каждый из которых утверждал за епископами данные ранее привилегии: на порты Вульпариоло и Кремоны, на товарные склады, сборы и пошлины в порту Кремоны.⁶

В середине IX века помимо предоставления иммунитетов и привилегий императоры начинают практиковать прямые земельные пожалования в пользу епископов. Так, император Людовик в 858 году утвердил за кремонской церковью поместье Рубериано, расположенное в графстве Бергамо и бывшее прежде в дер-

---

¹ CDC I. № 5, a.841. Hlotarius imperator concedit Panchardo episcopo Cremonae, ut res et mancipia, iniuste ei ablata, recuperare possit, sola inquisitione facta per veraces et nobiles homines.

² CDC I. № 8, a.851. Landebert gastaldione de Sexpiles curtis regia.

³ CDC I. № 12, a.1010. Elena comitissa et coniuge Bernardi comitis Sexpile.

⁴ CDC I. № 15, a.931. Berngarius marchio, f.q. Adelberta marchionis.

⁵ CDC I. № 20, a.949. Antinium f.q. Teudaldi comitis de castri Gabiani; Ibid. № 25, a.960. Atton comite f.q. Wiberti de loco Leuco.

⁶ CDC I. №№ 6, 7, 8, a.851. Privilegium Hludovici imperatoris Benedicto episcopo Cremonae, quo confirmat omnia bona et iura ecclesiae, nominatim in portu Vulpariolo vel Cremonae. Hludovicus imperator benedicto episcopo Cremonae, portum Cremonae, a Carolo magno donatum, confirmat.

жании императорского вассала и министра Рутхерия.¹ К сожалению, характер используемых источников не дает представления о том, на каких условиях давались эти пожалования.

Сохраняется также и практика предоставления кремонской церкви различного рода иммунитетов. Карл Лысый в 876 году признал за епископом Бенедиктом иммунитетное право во всем, что касается дел епископии, монастырей и странноприимных домов, проведения обрядов (в частности, крещения), а также подтвердил право на все земельные владения и держания, принадлежавшие церкви.² Иначе говоря, императорская власть отказалась от вмешательства в церковные дела епископии, что, естественно, укрепило ее позиции во всей Кремонской округе.

Диплом Карла Толстого от 882 года сосредотачивает в руках кремонского епископа судебную власть. Согласно этому документу свободные земледельцы, ариманны³, либеллярии кремонской территории для ограждения их от произвола соседних феодалов должны пользоваться судом церкви.⁴ Судебная власть в руках епископа была мощным инструментом для расширения его влияния на округу. Она позволяла посредством различных договоров, притязаний на выморочные земли и юридических споров значительно расширить церковные земельные владения. Кроме того, оформление различного рода сделок в канцелярии епископа также приносило ему немалый доход.

Итак, конец VIII-IX века в истории кремонского епископства становятся важной ступенью. Кремонские епископы в это время добились от франкских императоров иммунитетных прав на часть территории Кремоны и ее округи. Кроме того, получили от императоров привилегии, значительно расширившие их хозяйственные права: взимание пошлин и комплекс «береговых

---

¹ CDC I. № 11, a.858. *Hludovicus imperator confirmat ecclesiae cremonensi curtem Ruberiao, in comitatu bergamensi, quam et donaverat Ruthcherus q. vassus et ministerialis suus.*

² CDC I. № 14, a.876. *Privilegium Karoli (Calvi) imperatoris Benedicto episcopo Cremonae, quo omnes res episcopatus, monasteria xenodochia ecclesias baptismales, et reliquas possessiones et praedia confirmas, sub sua defensione et immunitatis tuitione suscipit.*

³ Ариманны – свободные люди, носившие оружие. Исследование по эволюции этого термина провел П.Г. Виноградов. См.: Виноградов П.Г. Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. – М., 1880. – С.163-164.

⁴ CDC I. № 19, a.882. *Privilegium Karoli imperatoris pro ecclesia cremonensi contra saeculare et publicam potestatem, quae immunitates et iura ecclesiae violabat.* Подробную характеристику этого документа см.: Astegiano L. *Ricerche sulla storia...*P.241.

прав». Дальнейшее развитие иммунитетных и судебных прав кремонской церкви, очевидно, вызвало недовольство местных феодалов, но в тот период императорская и королевская власть, судя по документам, неизменно выступала на стороне кремонских епископов, доказательством чему служит количество императорских дипломов, подтверждавших права церкви. Таким образом, в конце VIII-IX веках происходит соединение власти епископа как духовного лица, основанной на его положении в церковной иерархии, и как светского сеньора, которая основывается на его феодальных правах, дарованных дипломами императоров. Именно на таком соединении двух сфер власти, имеющих различные правовые основания, складывается сеньориальный режим власти епископов в Кремоне и ее округе.

Исследователи крупнейших епископских центров Германии также говорят о IX веке как периоде интенсивного роста епископских земельных владений. Причем в собственность церкви переходили земли как в городе, так и в округе, например именно в IX веке кельнский архиепископ получил в вечное владение все городские и сельские земли.¹ Необходимо заметить, что исследователи немецких городов ничего не пишут о противостоянии сеньориальному режиму церкви со стороны местных феодалов, а подтверждения пожалований императорами считают следствием разрушительных внешних нашествий, например норманнского.²

Обратимся к документам X века. Как выясняется из кремонских материалов, в течение этого столетия происходил постоянный и неуклонный рост власти, силы, богатства и авторитета кремонских епископов над округой.

В 902 году епископ Ландон добился подтверждения всех прежних пожалований, а также получил в дар от императора Людовика III две городские башни возле «укрепленница» епископа и право взимания судебного сбора внутри него.³ Дворец епископа, тесно связанный с кафедральной церковью св. Марии, находился на самом краю города, и линия защиты, выросшая около них, стала расширяться при новом епископе.

Желание быть владельцем башен в Кремоне показывает, что епископ хотел представлять и главной военной силой, и – одновременно – иметь стратегическое преимущество на случай

---

¹ Солодкова Л.И. Ранний Кельн. – С.22; Негуляева Т.М. Складывание сеньориального режима в Страсбурге. – С.28.

² Солодкова Л.И. Ранний Кельн. – С.22-23.

³ CDC I. № 1, a.902. Hludovicus imperator Landoni episcopo Cremonae praesepa a praedecessoribus suis collata confirmat, et duas turres civitatis nec iudicarium exactionem intra munitiorem episcopi donat.

внешних или внутренних угроз. Надо полагать, и самому императору эти башни были далеко не лишними, но что стоит за этой сделкой, выявить, к сожалению, не удастся. Что же касается права взимания судебного сбора, то оно означало, что в руках епископа продолжала концентрироваться еще одна важная функция сеньориальной власти.

Расширение прав и владений кремонской церкви было продолжено и при других епископах, в частности, при епископе Иоанне, который был назначен императором Беренгарием из чиновников его канцелярии. В 916 году епископ Иоанн получил от императора иммунитетные права на земли внутри города и в округности пяти миль, а также на замки, приходы и земли кремонской области, пожалованные франкскими императорами¹, а также неограниченное право вестить в Кремоне ярмаркой святого Назария (которая проводилась ежегодно в праздник этого святого), одноименным рынком, право учреждать рынки в городе и округе и право сбора пошлин с торговцев, входящих в город. Кроме того, епископу Иоанну и его канцелярии было подарено пять югеров² земли к северу от Кремоны в королевском поместье Соспиро, которые впоследствии составили основу для епископского укрепления *Rossa episcopii*.³ Таким образом, епископы продолжали наращивать свой военно-стратегический вес, добиваясь дарений земли или прав в отношении замков в округе.

В документах встречаются отдельные сведения и о том, как параллельно с добыванием уступок от императоров епископы стремились ослабить положение светских феодалов в Кремоне. Например, в 931 году маркиз Беренгарий уступает епископу Дагиберту все свои владения в городе и пять югеров земли к северу от города в непосредственной близости от городских ворот. Кроме того, он уступает свое право сбора пошлин возле этих

---

¹ CDC I. № 5, a.916. Berengarius imperator Iohanni episcopus Cremonae, complura regalia quae ad partem publicam pertinebant, intra civitatem et extra per 5 milliaria, et in castellis episcopi, concedit, et bona omnia ecclesiae et universum clerum sub mundiburbio imperiali recipit.

² Меры площади земли в Кремонской области (X-XIII вв.): 1 югер = 12 пертик = 9696,6 м² (0,96 га); 1 бибулька = 4 пертики = 3232,2 м² (0,32 га); 1 табула = 1/24 пертики = 33,7 м² (0,003 га). См.: Chittolini G. *I beni terrieri...*

³ CDC I. № 8, a.920. Berengarius imperator Iohanni episcopus Cremonae et cancellario suo, iugera quinque terra inter duo fossafa prope civitatem Cremonae in aquilonali parte, iuris curte regiae Sexpilas, donat.

ворот.¹ К сожалению, источники не позволяют установить величину владений светских феодалов в Кремоне.

Ясно, что подобная уступка могла быть только вынужденной, но, к сожалению, и в этом случае нет никакой возможности выявить, что именно привело к ней. Епископ же обретает новые земли и, следовательно, расширяет свои права как земельный собственник в городе. Надо ли говорить, сколько средств принесло это епископии с разрастанием города и активизацией в нем торгово-ремесленной жизни?

И вновь мы замечаем последовательные шаги в укреплении безопасности: епископ приобретает земли не просто рядом с городом, а в непосредственной близости городских ворот.

Интерес к замкам и стремление их приобрести наблюдается и в середине X века. Именно тогда, в 949 году, епископ Дагиберт в результате обмена приобретает для епископии замок Боццоло на реке Ольо и 150 югеров (144 га) земли к северо-западу от Кремоны.² Этот обмен производился между кремонским епископом и каноником кремонской церкви Лупом, причем последний в результате обмена получил поместье с частью права на пошлину на реке Адде; размер этого поместья в документе не оговаривается. Можно предположить, что обмен был неравноценный, в пользу кремонского епископа. Кроме того, неясна судьба владений каноника кремонской церкви. Не перешли ли они после его смерти кремонской епископии? К сожалению, на этот вопрос документы не дают ответа.

В смысле расширения влияния епископов в Кремонской округе интересна еще одна грамота обмена из кремонских актов. Епископ Дагиберт в 960 году в результате обмена получил от графа Атона, сына графа Бона Виберта из Левко местность Сесто к западу от Кремоны, которая охватывала 2 тысячи югеров (1920 га) с замком, правами причала, переправы, мельницами на реке По и на Адде. В свою очередь епископ передал графу Атону замок в поместье Камисиано, а также имения в деревнях Цервина и Берга и поместья в Габиано и Видоласко, причем размер

---

¹ CDC I. № 15, a.931. Berengarius marchio, f. q. Adelberti marchinis, Dagiberto episcopo Cremonae cedit omnia iura super casus et rebus intra civitatem Cremonae et super 5 iugeribus terrae prope civitatem in aquilonali parte, cum portatico toloneo curatura.

² CDC I. № 21, a.949. Commutatio sediminum, praediorum et unius portionis de portu in flumine Adua, in vico et fundo Cabriate, cum castro Vausolo (Bozzolo), super fluvio Oleo, casinus triginta et terris (150 iug.), inter Dagibertum episcopum Cremonae et Lupum presbiterum ecclesiae cremonensis.

этой территории вновь в документе не оговаривается.¹ Однако вряд ли можно сомневаться в том, что, обменяв разрозненные владения на крупный единый комплекс с замком, епископ значительно укрепил свое политическое влияние в этом районе Кремонской округи (к западу от города). Кроме того, приобретение целого ряда прав и привилегий в данной местности означало укрепление контроля епископа над судоходством и торговлей, возможность извлечения новых доходов от эксплуатации мельниц и рыбных тоней.

Если проследить события второй половины X века, то некоторые уступки со стороны императорской власти в пользу епископа были произведены в период епископата Лиутпранда Кремонского. Правда, этот прелат в большей степени занимался дипломатической деятельностью, нежели внутренними делами епископства. В частности, за успешное выполнение дипломатической миссии в Византию в 968 году, которая заключалась в устройстве брака Оттона II с принцессой Феофано, Лиутпранд получил Феррарское графство.²

Правление сменившего его епископа Ольдерика было достаточно долгим (972-1004) и отмеченным милостями и уступками со стороны императорской власти. Ольдерик продолжил политику своих предшественников по расширению епископских владений. Так, в 993 году он получил половину местности Акванегра к востоку от Кремоны. Три года спустя император Оттон III уступил ему права на воды Адды, мельницы и гавани от Тенкары до устья реки По. В 1000 году в результате обмена с церковью Брешии кремонская епископия получила 320 югеров земли (307 га) в Роборето. Еще через год Оттон III подтвердил пожалование кремонской епископии в 998 году местечка Крота, расположенного к востоку от Кремоны.³

Таким образом, к концу X века кремонскими епископами были созданы материальные основы для установления сеньори-

---

¹ CDC I. № 25, a.960; AK I. № 1, a.960. *Commutatio castri aliorumque bonorum in fundo Camisiano, in villis Cervine et Bergae, in fundo Gabiano et in Vidolasco cum curte et castro Sexti cum casis et rebus, castrum et capellas, molendinas et piscacionibus, tam in laqueos, quamque in fluvios Pado et Aduae, inter Dagibertum episcopum Cremonae, et Attonem comitem f.q. Wiberti comitis de loco Leuco.*

² Впечатления Лиупранда о византийцах – «изнеженных, дряблых людях, лгунах, скопцах, бездельниках» – использовал Ж. Ле Гофф для противопоставления менталитета средневекового Запада и Востока. См. Ле Гофф Ж. *Цивилизация средневекового Запада.* – М., 1992. – С.133.

³ Сведения об этих пожалованиях приводит Л. Астеджано, пользуясь неизданными документами. См.: *Astegiano L. Ricerche sulla storia...* P.332.

ального режима: были значительно расширены территориальные владения кремонской церкви в городе и округе, на которые она имела иммунитетные и судебные права. Власть кремонских епископов базировалась и на широких правах в области хозяйственной деятельности в самой Кремоне и в некоторых районах ее области. Кроме того, епископы были, естественно, духовными главами епископства, границы которого практически совпадали с границами округа. Такое соединение в одних руках духовной и светской власти, имеющих различные правовые основы, было источником силы епископов, но, с другой стороны, могло быть уязвимым местом его положения.

К этому же времени относятся и другие важные изменения – происходит явное оживление городской жизни, развивается торговля по реке По и ее притокам, основываются рынки, развивается ремесленная деятельность. Видимо, именно с этими процессами связано то, что уже к концу правления Ольдерика относятся первые внятные сведения о разногласиях между епископом и народом кремонским (*populus Cremonensis*)¹, которые со временем не утихают, а все больше растут, в конце концов приводя к образованию коммуны, которая значительно потеснит епископский дворец. Эти события мы и попытаемся осветить далее.

Что касается социального облика ранней Кремоны, то, как можно понять из источников, он схож с обликом других итальянских и заальпийских городов.

Немалую роль в жизни города играла немногочисленная, но весьма влиятельная группа, которая была представлена феодальной знатью. Многие из представителей знатных родов жили не только в окрестных замках, как упоминавшиеся выше графы Атон из Левко² или Антин, граф Габиано³, но и в самом городе, или имели там свои усадьбы, возводили дворцы и башни, как, например, маркиз Беренгарий⁴.

К X веку укрепились позиции кремонского купечества. Как отмечалось ранее, к этому времени кремонские купцы имели собственные суда, на которых плавали по реке По и Адриатическому морю, торгуя солью и другими товарами.

В 924 году кремонские купцы предприняли первую попытку освобождения своего торгового транспорта от пошлин епископу в Вульпариоло. Более того, они стремились добиться за-

---

¹ Подробнее об этих событиях см. далее.

² CDC I. № 25, а.960.

³ CDC I. № 20, а.949.

⁴ CDC I. № 15, а.931.

прещения свободного плавания по реке По «чужаков», в частности венецианцев, претендуя на монополию торговли. Король Рудольф под давлением епископа решительно останавливает подобные притязания, защищая прежний порядок в интересах последнего.¹

Помимо купцов на социальную и политическую арену в X веке выходят и другие слои населения города. В документах все они обозначаются *cives* – горожане.² Скорее всего, под этим термином скрываются представители различных ремесленных специальностей – ювелиры, оружейники, а также медики, нотариусы, имена которых иногда встречаются в документах.

В текстах X и последующих веков помимо термина *cives* все чаще используется другой – *populus Cremonensis* (народ кремонский).³ Этот новый термин включал в себя, скорее всего, не только представителей купечества и верхушки ремесленников, но и многочисленное трудовое население Кремоны.

С конца X века «народ кремонский» уже становится силой, с которой епископам приходится считаться. Так, в правление епископа Ольдерика в 996 году делегация кремонцев явилась в Рим на коронацию Оттона III, чтобы выпросить у него грамоту об освобождении города от власти епископа, свободное (без уплаты пошлин епископу) плавание по реке По, пользование обоими берегами со всеми относящимися сюда огромными хозяйственными правами. Император ответил согласием (без сомнения, за денежный выкуп), фактически отменяя привилегии, данные его предшественниками кремонским епископам, отдавая в руки горожан ценнейшие «регалии»: прибрежные пастбища, земли и леса, мельницы, рыбные ловли, и отнимая богатую пошлину у епископа. Уступка оказалась кратковременной. Уже в 998 году в Павии кремонский епископ добился от императора отмены необычайной привилегии, которую вырвали у него «граждане Кремоны, обойдя нас несказанным обманом»⁴.

Можно сказать, что события 996-998 годов были первым сигналом начинавшегося противостояния сеньора города – епископа

---

¹ CDC I. № 12, a.924. *Rodulfus rex Iohanni episcopo Cremonae immunitates, bona et iura a praedecessoribus suis collata, confirmat.* Подробное описание документа см. Astegiano L. *Ricerche sulla storia...* P. 321

² CDC I. № 28, a.965.

³ CDC I. № 90, a.1044. *Omnibus militibus vavassoribus omnique populo in episcopatu Cremonensi seu in comitatu habitantibus necnon cunctis civibus, tam maioribus quam minoribus...*; *ibid.* № 99. a.1047. *Epistula henrici imp. ad cunctum populum cremonensem.*

⁴ См.: Astegiano L. *Ricerche sulla storia...* P. 352.

скопа – и массы торгово-ремесленного населения. Причем население города посягает в первую очередь на хозяйственные права епископа как светского правителя Кремоны, не подвергая сомнению его права на руководство духовное. В последующие столетия это противостояние не только не ослабнет, но, наоборот, усилится и в конце концов приведет к образованию в Кремоне коммунального управления.

Итак, в IX-X веках в области социально-экономического и публично-правового развития Кремоны и ее округа происходят важные изменения. Власть в Кремоне и значительной части ее округа переходит из рук графов в руки епископов. Материалы IX-X веков свидетельствуют об увеличении значения епископа не только как главы духовной власти, но и как светского правителя Кремоны и прилегающей области. При этом епископы чрезвычайно активно добиваются ряда важных публичных прав и упорно стремятся закрепить их за собой с помощью частых подтверждений своих привилегий со стороны императоров. С этого времени именно епископская курия регулирует экономическую и юридическую жизнь и города, и округа. Об этом красноречиво свидетельствуют изученные нами источники документального характера – подавляющее их большинство связаны с хозяйственной и правовой деятельностью кремонской епископской курии. Такое положение дел было следствием длительных по времени усилий епископов по укреплению власти. Помимо расширения публичных прав епископы все настойчивей интересуются землей как внутри Кремоны, так и за ее пределами, десятилетие за десятилетием округляя и расширяя свои владения. При этом путем приобретения городских башен и замков усиливается вес епископов и как важной военной силы. В то же время очевидно укрепляется и расширяется слой горожан, общность которых предстает в документах как *cives* или *populus*.

Таким образом, за период раннего средневековья Кремона стала административно-политическим центром сначала под властью графов, затем епископов. Произошла не просто смена, но и значительное укрепление сеньориальной власти. Территория Кремонской округи начала складываться в эпоху лангобардов. В состав Кремонской округи вошли существовавшие до лангобардов поселения римских времен, к которым добавились лангобардские; с VIII века происходит смешение этих поселений. К концу X века основная ее часть стала подчиняться епископу как главе диоцеза, хотя границы по-прежнему не оставались неизменными. На территории действовали различные нормы правовых отношений: римское, лангобардское, салическое право.

Особенно заметные изменения происходят в X веке: в Кремоне складывается в основных чертах сеньориальный режим епископов; кремонские епископы всеми силами стараются распространить его на всю округу; происходит активизация торгово-ремесленного населения в Кремоне, становящегося угрозой для епископской власти.

В сравнении с епископскими городами заальпийской Европы, особенно германскими, следует отметить, что если в Кремоне к концу X века сеньориальный режим в основных чертах сложился, то в Страсбурге или Кельне этот процесс продолжался и в последующие столетия. Кроме того, в Кремонской округе, как показывают источники, епископам пришлось противостоять сопротивлению местной знати, поэтому можно говорить о большей интенсивности процесса складывания сеньориального режима в Кремоне по сравнению с немецкими епископскими городами. Своеобразием Кремоны является также достаточно ранняя активизация торгово-ремесленного населения, первые упоминания о попытках которого противостоять епископам, как мы видели, относятся уже к X веку, в то время как в германских городах коммунальная борьба разворачивается только в середине XI века.

ГЛАВА 2. ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КРЕМОНЕ И ОКРУГЕ В XI-XIII ВЕКАХ

1. Коммунальная борьба в Кремоне XI-XIII веков: политико-правовые аспекты

Прежде чем рассматривать собственно коммунальную борьбу в Кремоне, представляется целесообразным кратко обрисовать социально-экономическое развитие города в XI-XIII веках. В течение этого периода Кремона становится одним из крупных торговых центров Северной Италии. Происходит расширение города как за счет роста населения, так и в результате слияния с городом некоторых пригородов или бургов: святого Сикста и святого Франциска, в пределы города вошли также резиденция тамплиеров за городскими воротами Всех Святых и древний ипподром Корсо деи Кавалли.¹ К концу XIII столетия численность населения составляла около 25 тыс. человек.²

В период XI-XIII веков еще больше, чем прежде, расширяется торговля Кремоны. В городе помимо действовавшего с начала X века рынка святого Назария появляются несколько новых рынков, в том числе специализированных: Бычий (1203)³, Свиной (1211), Крытый (1225). Площадь перед Кафедральным собором использовалась в качестве рынка еженедельно в субботные дни, а также на Рождество и на Пасху (1251). Здесь стояли прилавки, на которых продавались всевозможные сельскохозяйственные продукты, а также рыба, сукна, скобяные товары. Места сдавались за арендную плату, которая поступала Кафедральному собору, капитулу и коммуне Кремоны. В подворье епископа и вблизи Дворца купцов торговали вином, сыром, мясом.⁴

Расширяется и внешняя торговля. Кремона по всему течению реки По имела постоянные торговые связи с городами Ломбардии и Эмилии, с Венецией и Адриатикой. К 1183 году относятся первые сведения о кремонском цехе купцов. Консулы цеха (*consules mercatorum Cremonae*) всегда присутствовали на политических переговорах коммун, содействуя подписанию договоров, направленных на защиту интересов торговли и ремесла Кремоны.⁵ Несомненно, что с этого времени можно говорить о

---

¹ Astegiano L. Ricerche sulla storia... P.395-396.

² Astegiano L. Ricerche sulla storia... P.366.

³ В скобках – даты первого упоминания в документах.

⁴ Astegiano L. Ricerche sulla storia... P.402.

⁵ CDC I. № 391, а.1183.

возникновении в Кремоне новой правовой системы – торгового права, регулировавшего деятельность наиболее влиятельного слоя населения Кремоны – купечества.

Внешняя торговля регулировалась торговыми соглашениями, которые наиболее активно заключаются в XIII веке. В 1225-1226 годах были заключены соглашения с городами к юго-востоку от Кремоны: Реджо, Болоньей, а также расположенной на Адриатическом побережье Равенной; в 1228 году – с Мантуей и Феррарой.¹ Но особенно бурное развитие торговли приходится на период синьории Уберто Пеллавичини. Это отмечают оба кремонских историка – Л.Астеджано² и У. Гвалаццини. По мнению последнего, Пеллавичини не смог бы управлять городом, если бы абсолютно игнорировал интересы купцов. Поэтому его экономическая политика была направлена на то, чтобы органично развивать экономику на территории своей синьории и широко опираться на цех купцов, чтобы извлечь наибольшую выгоду.³

В 1253 году был подписан договор о торговле с Генуей. В 1254 году предоставлена защита купцам из Монпелье и тем самым расширены связи с Францией. В том же году был заключен договор между Кремоной и другими североитальянскими городами: Брешией, Павией, Бергамо, Тортоной и Пьяченцей – о чеканке единой монеты одинакового сплава и веса. Широкую свободу для торговли в Кремоне получили в этот период тосканцы.⁴ В кремонских актах есть свидетельства пребывания в городе купцов с побережья Тирренского моря, из Лукки и Пизы, с Адриатики – из Анконы, из западной части Италии – Пистойи, Сиены, а также из городов Центральной Италии – Перуджи и Орвието.⁵ В 1258 году было заключено соглашение с Вероной, через которую кремонские купцы были связаны с Византией и Левантом, с государствами крестоносцев и арабским миром.

Кремонские купцы торговали самыми разнообразными товарами.⁶ Поскольку в самой Кремоне изготавливались только ткани из хлопка, льна и дешевые сукна, то город импортировал шерстяные и шелковые ткани из Франции, Фландрии, а также

---

¹ Astegiano L. Ricerche sulla storia... P.360.

² Astegiano L. Ricerche sulla storia... P.360.

³ Gualazzini U. La mercandandia. P.48.

⁴ Gualazzini U. La mercandandia. P.50.

⁵ CDC I. № 668, а.1256.

⁶ Большинство товаров проходило через кремонский порт, а также через ворота св. Луки и ворота Всех святых, где стояли сборщики пошлины. Все сборы регулировались ведомством «Большой Габеллы» См.: CDC II. № 6, а.1295. P.127.

итальянских городов.¹ Кремона ввозила цветные и драгоценные металлы: железо, свинец, олово, медь, бронзу, золото, которые, вероятно, поступали из Германии через Верону, имевшую с ней наиболее тесные связи.² Торговые связи Кремоны достигали Кастилии и Ла Рошели, откуда поступали квасцы.³ С Востока в Кремону привозили пряности: перец⁴, имбирь, гвоздику, шафран, а также сахар⁵, драгоценные камни⁶. И наконец, кремонцы принимали участие в знаменитых шампанских ярмарках.⁷

Наряду с торговлей важную роль в экономической жизни Кремоны в рассматриваемое время играло ремесло. О развитии ремесла в Кремоне сохранилось намного меньше сведений, чем о торговле. На основании кремонских актов мы можем говорить о преимущественном занятии именно торговлей. Подтверждением этому служит тот факт, что объединение ремесленников в цехи происходит только в конце XIII столетия. Причем более пристальное изучение кремонского ремесла, в особенности системы его организации и эксплуатация со стороны кремонской коммуны и нобилей позволяет исследователям сделать вывод о том, что происходило скорее оформление ремесел, чем самостоятельных цехов.⁸ Во всяком случае, подобные объединения можно назвать цехами с большой оговоркой, поскольку они не имели ни экономических, ни политических прав даже в XIV веке, о чем свидетельствует также и исследование М.А.Гуковского.⁹

Кремонские акты не сохранили цеховых статутов.¹⁰ Тем не менее есть свидетельства о незаурядном явлении – необычном

---

¹ Gualazzini U. *La mercandandia*. P.49.

² Чернецкая Т. С. Торговля и торговая организация Вероны X-XIII вв. // *Средневековый город*. – Саратов, 1991. – Вып.10. – С.12-20.

³ CDC I. № 941, а.1276.

⁴ АК II. № 8, а 1232; CDC I. № 518, а.1236.

⁵ CDC I. № 941, а.1276.

⁶ CDC I. № 1136, а.1294.

⁷ Astegiano L. *Ricerche sulla storia...* P.360; Gualazzini U. *La mercandandia*. P.49-50.

⁸ Дорофеева М.М. *Город и эволюция поземельных отношений*. – С.146.

⁹ В XIV веке в Кремоне, Бергамо, Пьяченце, Мантуе, Вероне и ряде других городов цехи сохраняли свои хозяйственные прерогативы, вхождение в них было обязательным для всякого ремесленника, но политически они играют либо ничтожную роль, либо, как в Венеции, совершенно ее не играют. См.: Гуковский МА. *Итальянское Возрождение*. – С.217.

¹⁰ Согласно Статуту 1313 года в Кремоне было 11 цехов – купцов; лавочников и владельцев постоянных дворов; торговцев пряностями и сыроваров; скорняков; сапожников и кожевников; красильщиков и медиков;

порабощении ремесла со стороны коммуны Кремоны. Многие ремесленные мастерские, сукновальни принадлежали кремонской коммуне, которая взимала за них ренту.¹

Возможно, что главной причиной подобной эксплуатации ремесла являлось экономическое могущество городского нобилитета, основанное на землевладении и участии в торговле. Отсутствие самостоятельных цехов в полном смысле этого слова позволило эксплуатировать коммуне ремесленников экономически. Следствием господства в коммуне нобилитета было небольшое количество цехов и незначительная их дифференциация. Соответственно, можно говорить о политической слабости кремонского пополанства, связанного с ремесленным производством.

Вместе с тем необходимо отметить достаточно высокий уровень развития кремонского ремесла, в частности сукноделия. Об этом свидетельствуют факты: во-первых, экспорт кремонцами дешевого сукна, а также тканей из хлопка и льна; во-вторых, приобретение коммунной Кремоны и нобилитетом сукнодельческих мастерских свидетельствующее об их доходности, и соответственно, значительном уровне производства. Кроме того, по мнению исследователей², в Кремоне в конце XIII – начале XIV века появляются крупные мастерские с разделением труда, возглавляемые купцами.

В целом можно утверждать, что социально-экономическое развитие Кремоны в XI-XIII веках превратило ее в довольно крупный город с развитой торговлей и ремеслом, с экономическим доминированием в жизни города нобильской верхушки, основанном на землевладении, участии в торговле и эксплуатации ремесла. Цеховые ремесленники, в свою очередь, были экономически подчинены нобилитету; в Кремоне не сложился мощный пополанский слой.

Переходя к рассмотрению коммунального движения в Кремоне, напомним, что к XI веку в городе были созданы основы политического и экономического могущества ее сеньора – епископа. Во многом благодаря императорским и королевским пожалованиям, епископы к XI веку стали не только духовными, но и светскими властителями Кремоны. В их руках были сосредоточены рычаги как экономического господства – право сбора различных пошлин, основания рынков и др., так и политическо-

---

кузнецов; льноткачей, бельевщиков и поденщиков; суконщиков; рыбаков, мельников, корабельщиков и пекарей; каменщиков и мастеров-плотников.

¹ CDC I, №№79, 80, а.1208; № 91, а.1209; 3 387, а.1227.

² Дорофеева М.М. Город и эволюция поземельных отношений. – С.146.

го – иммунитетные права, высшая судебная власть. Епископы Кремоны распространили свою власть на значительную территорию округа, хотя часть земель по-прежнему принадлежала местным феодалам.

Период XI-XIII веков явился временем многочисленных событий в политической жизни города, принимавших порой драматический оборот. Попытаемся проследить основные этапы политического развития города, выделить то общее и особенное, что отличало Кремону этого периода от других городов Северной Италии, а также определить результаты этого процесса для самого города и его округа, обращая главное внимание на те моменты, которые пока ускользнули от исследователей.

Уже в первой половине XI века, в правление епископа Арнульфа, в Кремоне вспыхнуло настоящее восстание горожан, что было вызвано, скорее всего, пронемецкой ориентацией епископа и чрезмерными притязаниями связанной с империей кремонской знати. Кроме того, под предлогом поддержки епископа Арнульфа в дела Кремоны вмешался миланский архиепископ, бывший в тот период вождем немецкой партии. Хроника рассказывает, что в 1026 году архиепископ захватил трое из ворот Кремоны.¹ Тогда и началось восстание горожан. Как свидетельствует грамота императора Конрада II (1024-1039) от 1032 года, восставшие горожане «до основания разрушили старый город, против существа нашей чести, чтобы нам противостать».² В ходе восстания было разрушено укрепление епископа в городе, его дома и дома соседних каноников, один из каноников кремонской церкви был убит.³ Ясно, что горожане, прежде всего, хотели опрокинуть материальный и военный оплот епископской власти, заодно – и других сеньоров. Недаром упомянут «старый город» – то есть старинная античная часть Кремоны, заселенная еще в лангобардские времена городским дворянством.

В результате восстания кремонцы были допущены к городскому управлению в качестве судей и других должностных лиц, избираемых горожанами. Особенно существенным завоеванием горожан было получение права прокладывать новые улицы (что раньше было привилегией епископа), дороги к новым пригоро-

---

¹ Sicardi episcopi cremonensis chronicon. A.1026. // Muratori L.A. Rerum italicarum scriptores. 1723-1738. Vol.7.

² CDC I. № 56, a.1032. «et civitatem veterem a fundamentis obruisent, et aliam maiorem contra nostri honoris statum hedificassent, ut nobis resisterent.»

³ АК I. № 8. Император Конрад отдает епископии кремонской все имения и движимое имущество кремонца Адама, убившего диакона кремонской церкви Генриха.

дам, соединившие их с городом, и охват новыми крепостными стенами и рвами этих пригородов, которые таким образом сливались с городом. В состав Кремоны в последующие годы вошли пригороды, в которых были расположены церкви св. Лаврентия, св. Витале, св. Томаса, церковь и монастырь св. Петра, церковный приход св. Духа, находившийся на другом берегу реки По. Попутно заметим, что все это – свидетельства бурного развития Кремоны и притока населения, больше всего торгово-ремесленного, традиционно заселявшего пригороды.

Защищенные новой оградой, горожане чувствовали себя увереннее перед возможным нападением имперских войск и отрядов феодалов. Из хроники Сикарда всплывает любопытная деталь: около 1040 года близ Лаго Оскуро произошла военная схватка между рыцарями (*milites*) и горожанами (*cives*), причем последние побили епископа и «одетых в железо» потомков лангобардских завоевателей.¹

Следующие события тоже пока не вошли в поле внимания исследователей, они выявлены нами также по кремонским документам. В 1044 году появившийся в Кремоне императорский посол произвел расследование произошедшего конфликта, причем, отмечая остроту кремонских разногласий и бессилие епископской юрисдикции, он призвал горожан помочь установлению согласия, обратившись ко всем рыцарям, вассалам и ко всему кремонскому народу (*omniq̄ue populo*) в Кремонском епископстве и графстве, а также к жителям «старшим и младшим» (*nesnon cunctis civibus, tam maioribus quam minoribus*).² Аналогично звучит обращение, сделанное через два года, в 1046 году, императором Генрихом III (1039-1056), адресованное кремонскому народу в целом (*cuncto populo Cremonensi*) и приглашавшее его соблюдать права епископа в городе и на реке По.³ Подтверждение регалий через 20 лет, в 1066 году, было последней уступкой императорской власти епископу Кремоны.⁴

Как известно, с начала 70-х годов XI века ломбардские города, прежде всего Милан, а за ним и Кремона, были охвачены мощным народным движением патаренов, миланских «тряпичников», бедняков и ремесленников, отозвавшихся на клюнийскую агитацию против богатых и многовластных епископов-«симонистов», которые, по их убежденному мнению, за деньги покупали регалии

---

¹ Sicardi episcopi cremonensis chronicon. A.1040.

² CDC I. № 90, а.1044.

³ CDC I. № 99, а.1046.

⁴ CDC I. № 144, а.1066. Henricus IV rex Hubaldo cremonensi episcopo possessiones veteres et novas confirmat.

у государей; против женатых священников, которые забывали «в семейных заботах долг настоящих пастырей».¹

Преемником епископа Кремоны Ландульфа в 1067 году стал назначенный Генрихом IV (1056-1106) племянник миланского архиепископа Арнульф. Погрязший в разврате и роскоши Арнульф попал на епископский престол Кремоны, когда город уже был взволнован религиозным движением патаренов. Папа Григорий VII (1073-1085) в 1078 году отлучил от церкви и сместил епископа Арнульфа, являвшегося сторонником Генриха IV.² Отлученный епископ и другие сторонники императора были вынуждены покинуть город. Естественно, что это не могло не пошатнуть авторитета епископской власти в целом.

Масла в огонь могла подлить деятельность монашеских орденов. С XI века и в последующее время в Кремоне обосновываются нищенствующие монашеские ордена – августинцев³, францисканцев⁴, доминиканцев.⁵ Нищенствующие монахи, не имевшие зачастую постоянных обителей, так как отказ от собственности и «святая бедность» были их первыми заповедями, проповедовали в многолюдных кварталах, переходили из города в город. «Братья» выступали против богатства и роскоши церкви, ее гордыни, требовали возвращения к евангельским заветам, воздержания и смирения. Проповедники нищенствующих орденов зачастую стояли в оппозиции к регулярным каноникам, и даже порой поддерживали горожан в борьбе против церковных сеньоров.⁶ Не исключено, что в Кремоне деятельность «братьев» также расшатывала духовный авторитет епископии.

---

¹ См.: Стоклицкая-Терешкович В.В. Основные проблемы истории средневекового города X-XV вв. – М., 1960. – С.67-105.

² CDC I. № 164, а.1078.

³ Августинцы появились в Кремоне в XI веке. Главную роль в распространении их идей играла церковь св. Агаты. См. Astegiano L. Ricerche... P.397.

⁴ Францисканцы в начале XIII века располагались в пригороде Кремоны. Их обители в городе появились к концу века. См. Astegiano L. Ricerche... P.398. В 1288 году в Кремоне существовал «Дом св. Франциска» (монастырь) // CDC I. № 1098, а.1288. По завещанию Босия Довария «Дому» полагалось 20 фунтов.

⁵ Доминиканцы также в начале XIII века действовали в пригородах Кремоны, к концу века – в самом городе. См. Astegiano L. Ricerche... P.398.

⁶ Усков Н.Ф. Монастыри в городе // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т.1. Феномен средневекового урбанизма. – М., 1999. – С.305.

Насколько нам удалось выяснить, наиболее ранние упоминания о коммуне в Кремоне приходится на 1098 год. Согласно дарственной грамоте от 1 января 1098 года, тосканская маркграфиня Матильда, сторонница Григория VII, уступила давно спорную крепость Крему и территорию с укреплением между реками Аддой и Ольо, так называемый «Остров Фулькерии», не только представителям епископской церкви св. Марии, но и представителям кремонской коммуны – Готфриду де Беллуско, Морицию и Кремоксану Ольдоини.¹

Как известно, зачастую появление коммун в итальянских городах начиналось с «заговора» (*conspiratio*) влиятельных людей города против сеньора – епископа или графа. Такие люди создавали на определенный срок сообщество (*communitas*), скрепленное клятвой (*coniuratio*). Затем коммуна расширялась, теряла временный характер и начинала выступать от имени города – сначала вместе с епископом, а затем и вместо него. Таким образом, возникнув на частнопредварительной основе, коммуна перерастала в публичную власть.²

По дарственной грамоте мы ничего не можем сказать об органах управления кремонской коммуной, о степени ее самостоятельности от епископа, но само наличие некоей общности горожан, выступившей как юридическое лицо вместе с епископом, является подтверждением значительных уступок горожанам со стороны последнего в ходе коммунальной борьбы XI века. Так или иначе крепость Крему епископ уже не мог использовать как укрепление в борьбе с горожанами. Что касается упоминания о коммуне, то примерно в то же время появляются коммуны в других итальянских городах: в Пизе в 1081-1085 годах, в Милане в 1097 году, в Генуе в 1099 году, во Флоренции, Сиене, Ферраре коммуны устанавливаются после смерти графини Матильды – в 1115 году.³

Следует отметить, что во многих заальпийских городах, в частности в Южной Германии и Северной Франции, коммунальное движение вспыхнуло примерно в то же время, что и в Италии: в Вормсе в 1073 году, в Кельне в 1074 году, в Камбрэ в 1077 году, но результаты его были другие и проявились значи-

---

¹ CDC I. № 195, a.1098. ...comitissa Matilda filia quondam Bonifatii marchionis, infra casrum Platine, investivit homines Cremone scilicet Godefredus de Bellusco et Moricius seu Cremoxano Aldoini ad partem sancte Mariae Cremonensis ecclesiae seu ad communium ipsius Cremonae civitatis, de toto comitatu izole Fulkeri...

² Баткин Л.М. Период городских коммун. – С.212.

³ там же. – С.215.

тельно позднее. Это было связано с тем, что начало коммунального движения в этих регионах совпало со временем усиления королевской или княжеской власти.¹

С началом XII века кременская коммуна ищет примирения с императорской властью. Очевидно, причиной этому является стремление кременцев вернуть себе привилегии, полученные в 996 году, а через два года вновь отнятые германским императором: беспошлинное плавание по реке По, береговые права. Поддержав своим оружием в 1112 году Генриха V против маркиза Пеллавичини, в 1114 году кременцы получили от него грамоту, обеспечивавшую им все, что полтора века назад они «обманом вырвали» у Оттона III.² Это еще один из многочисленных фактов, показывающих рост торгово-промышленных интересов горожан, рост объема торговли, ввоза и вывоза товаров.

Тесня епископа и других феодалов в округе Кремоны, коммуна распространяет свою юрисдикцию на ряд замков и прилегающих территорий. Например, в 1118 году она приобретает у графов Сончино их замок и поселение. В Кремоне на площади перед кафедральным собором происходит торжественный акт инвеституры копьем и флагом рыцарей Сончино семью представителями кременского народа. Эти новые вассалы Кремоны в лице шести представителей перед соборной площадью принесли кременскому народу присягу, обещая соблюдать верность, давать помощь и «хранить тайны коммуны».³ Несомненно, что это событие является свидетельством стремления кременской коммуны упрочить свое положение и в округе, для чего ей приходилось вступать в противоборство с местными феодальными владельцами.

Как известно, во многих районах Италии, особенно на границах дистриктов итальянских городов-коммун, в XI-XIII веках сохранялись отдельные владения феодалов. Наиболее известными и крупными были владения маркизов Маласпина и Алерамичи в Монферрато, графов Убальдини и Гвиди на востоке Северной Италии, Обертенци в Тоскане.⁴

Кременской коммуне в ближайшем своем соседстве еще долго приходилось выдерживать упорную борьбу с могущественными владельцами правого берега реки По: маркизами Пеллавичини и Кавалькабу, которые возглавляли пограничные с

---

¹ См.: Стоклицкая-Терешкович В.В. Указ. работа. – С.115; Солодкова Л.И. Указ. работа. – С.65.

² CDC I. № 26, а.1114.

³ CDC I. № 36, а.1118.

⁴ Баткин Л.М. Указ. работа. – С.224.

Брешией и Бергамо кремонские области, миланскими графами Камиксано на северо-западе округа, а также другими светскими феодалами, владевшими значительными земельными комплексами в Кремонском дистретто.

Необходимо отметить, что в событиях 1118 года определяются и действуют два органа коммун: Народное собрание (*Parlamentum*) и Совет (*Consilium*). Выделяемые коммуной высшие магистратуры носили еще временный характер, но это был уже переход к утверждению постоянной магистратуры «консулов». Окончательно консулат утвердился в Кремоне в 1112-1116 годах. Анонимная хроника, ведшаяся в Кремоне в 1096-1233 годы, с 1130 года начинает каждый год упоминать консулов: в 1130 году – двоих, в 1151 году – шестерых, в 1162 году – десяти-терых.¹

Установление консулата свидетельствовало об устойчивости и торжестве коммун. Консулам принадлежала исполнительная власть, они избирались обычно сроком на 1 год от районов (ворот) города. В большинстве итальянских коммун правление консулата утвердилось также в начале и первой половине XII века: Лукка – 1115 год, Бергамо – 1117 год, Болонья – 1123 год, Мантуя – 1128 год, Флоренция – 1138 год.²

Таким образом, в большинстве итальянских городов коммуна утвердилась на протяжении трех-четыре десятилетий: где в результате восстания, где с помощью выкупа сеньориальных привилегий, а где – воспользовавшись благоприятным политическим моментом. В заальпийских городах установление и укрепление коммун было более длительным и затяжным процессом. Во многих городах Франции и Германии коммунальное движение принимало очень острые формы и продолжалось иногда столетия. Так, в Каркассоне консулат с ограниченными правами возник только в 1192 году, а окончательно утвердился между 1204 и 1209 годами.³ В Страсбурге наиболее ожесточенная борьба с епископом развернулась лишь в XIII веке. Только после восстания горожан 1262 года, разгромивших епископские войска, Страсбург превратился в городскую республику, почти

---

¹ *Chronicon cremonense*. A.1130, 1151, 1162. // Muratori L.A. *Rerum italicarum scriptores*. 1723-1738. Vol.7.

² Баткин Л.М. Указ. работа. – С.218.

³ Карпачева М.Е. Ранний этап коммунального движения в средневековом Каркассоне. – С.34.

независимую от сеньора, которую можно сравнить с итальянскими городами-коммунами.¹

Кто управлял коммуной Кремоны? Во главе кремонского консулата, по всем данным, стоял нобилитет. Об этом свидетельствует тот факт, что один из первых двух консулов, чьи имена известны, принадлежал к нобильской семье из знатного кремонского рода Довария – Ансельм.² Кроме того, на это указывает и постоянная борьба пополанов³ с нобилитетом, происходившая в Кремоне на протяжении всего XIII столетия.

По своему происхождению большинство нобильских фамилий были переселившимися в город мелкими феодалами. Как утверждает Л.М.Баткин, североитальянское рыцарство неизменно тяготело к городам, всегда являвшимся военно-административными центрами. Осевшие в городе нобили стали проникаться торгово-ростовщическими интересами и поэтому возглавляли коммунальное движение.⁴ Дж.Луццатто считал, что ранняя итальянская коммуна являлась плодом деятельности мелких феодальных земельных собственников.⁵ Итальянский историк Ч.Виоланте даже отрицал наличие социальных различий между городским нобилитетом и пополанскими верхами.⁶

Отечественные историки соглашались с тем, что во главе первых городских коммун стоял нобилитет, состоявший главным образом из земельной аристократии, представители которой занимали все должности. Эта родовая знать сама не участвовала в городской торговле и предпринимательстве, а вкладывала в них свой капитал. Нобили как военное сословие представляли собой тогда основную военную силу городов Италии. В этот период все самостоятельное население – городская знать, торговцы и ремесленники – выступали как единая совокупность граждан городской общины.⁷

---

¹ Негуляева Т.М. Возникновение свободной земельной собственности в Страсбурге. – С.44.

² Astegiano L. Ricerche... P.306.

³ Пополаны с социальной точки зрения – это все свободное население города за вычетом нобилитета и духовенства. С правовой точки зрения это лишь те, кто имел свой дом, платил прямые налоги и в качестве члена торгово-ремесленной или военно-территориальной корпорации приобретал гражданские прерогативы. См. Баткин Л.М. Указ. работа. – С.241.

⁴ Баткин Л.М. Указ. работа. – С.224-225.

⁵ Луццатто Дж. Экономическая история Италии. – С.235-242.

⁶ Violante C. La societa milanese nell'eta precomunale. P.129-133.

⁷ Казбекова Е.В., Юсим М.А. Средневековый город-государство // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т.4. Extra muros. Город, общество, государство. – М., 2000. – С.48.

Но возникновение коммун неизбежно приводило к подъему бюргерских, пополанских слоев. В борьбе против сеньора города мелкое рыцарство нуждалось в их поддержке и получило ее. Но нобилитет господствовал до поры до времени – пока не набрали силу купеческие и ремесленные слои.¹

Как известно, борьба городов с частными сеньорами в Северной Италии была осложнена вмешательством общеевропейских сил – римского папы и германского императора. В то же время многие североитальянские города, в том числе и Кремона, благодаря этому получили возможность лавировать между этими силами.² Этой возможностью политическое развитие итальянских городов выгодно отличается от Южной Франции, где альбигойские войны начала XIII века, а затем разорительная деятельность инквизиции, поддерживаемой королевской власти, препятствовали укреплению городского самоуправления.³

В 1162 году коммуна Кремоны получила от германского императора Фридриха I Барбароссы (1152-1190) грамоту с утверждением за ней прав независимого города-коммуны.⁴ Теперь Кремона могла избирать консулов, получавших путем инвеституры все соответствующие «regalia» в городе и округе: право распоряжаться «водами, землями и людьми» (*in aquis, terris et personis*), право на налоги – *telonea, pedatica, ripatica, fodrum*, право чеканки монеты, право на «банн» (то есть право изгонять политических противников), право на суд «по законам и добрым обычаям для согласия между гражданами» (*secundum leges et bonos mores ad concordiam civitatis*). Предоставление таких широких прав было платой Фридриха Барбароссы не только за признание его верховным сеньором, но, самое главное, за помощь при осаде и разрушении Кремы в январе 1162 года и Милана в марте того же года. Кроме того, за все эти регалии кремонцы обязались платить императору ежегодно 200 серебряных марок и обещали не создавать без его разрешения никаких союзов и лиг (*nullam societatem facient sine parabola suam*). Эти регалии означали принципиальное сокращение сеньориальных прав епи-

---

¹ Баткин Л.М. Указ. работа. – С.228-229.

² Хачатурян Н.А. Политическая организация средневекового города // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т.1. Феномен средневекового урбанизма. – М., 1999. – С.317.

³ Карпачева М.Е. Освободительная борьба в Каркассоне XIII в. // Средневековый город. – Саратов, 1981. – Вып.7. – С.21-36; Она же. Завершающий этап антиинквизиционной борьбы в Каркассоне // Средневековый город. – Саратов, 1989. – Вып.9. – С.160-172.

⁴ CDC I. № 201, а.1162.

скопа, ограничение его полномочий исключительно церковной юрисдикцией. Практически все политико-публичные рычаги светской власти уходили из его рук. Немало уходило и доходов. Чего стоит одна чеканка монеты!

Подобных прав добились и другие города Северной Италии, но лишь спустя 14 лет войн и разорений в стране – после битвы при Леньяно в 1176 году и Констанцкого мира 1183 года. Правда, необходимо отметить, что согласно договору император сохранил за собой суверенитет, право высшей юрисдикции, права постоя и утверждения консулов коммун. Несомненно, в этом выразились характерные черты публично-правовых отношений феодального общества, согласно которым любое владение должно иметь, пусть формально, своего высшего суверена.

Однако после падения Милана вследствие чрезмерного усиления императорской власти Кремона сближается с враждебной Фридриху Венецией и в 1176 году вступает в союз с городами Ломбардской лиги, заключая тайное соглашение с Брешией, Бергамо, Мантуей, Реджо. Кремона активно участвует в предприятиях Лиги. Она помогает восстанавливать Милан, строить новую крепость Алессанрию, воздвигнутую в честь папы и запиравшую императору путь на Рим.¹ Правда, с новым появлением императора в Италии в самой Кремоне оживает деятельность аристократической военной партии, что вновь вызывает резкий раскол между *popolo* и *nobilita*.

В целом же Кремона была по преимуществу гибеллинским городом и даже опорой Фридриха Барбароссы, а в дальнейшем и Фридриха II Гогенштауфена (1212-1250). Но ею руководили не политические симпатии к императору, а, скорее всего, ее собственные интересы, концентрировавшиеся вокруг соперничества с другими городами, особенно с Миланом.

О статутах коммуны Кремона сохранилось очень мало сведений. Наиболее раннее упоминание о статуте Кремона относится к 1196 году.² Кремонские консулы предписывали маркизу Сопрамонте Кавалькабу из местности Виадана для осуществления уголовного и гражданского правосудия над своими подданными руководствоваться «Статутом Правосудия» Кремона, год же составления этого статута не назван.

В целом о статутах Кремона периода XII-XIII веков сведения незначительны, поскольку ни один из них не сохранился, за

---

¹ Юсим М. А. Ломбардская лига // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т.4. Extra muros: город, общество, государство. – М., 2000. – С.122.

² CDC I. № 589, а.1196.

исключением фрагментов статута 1313 года. Тем не менее сам факт существования городских статуты свидетельствовал об успешной борьбе кременцев против епископа. В них были закреплены права горожан на самоуправление, судопроизводство, регулирование торговли и ремесел, формирование городского ополчения.

Как известно, статуты итальянских городов были одной из разновидностей городского права, в других регионах Европы получившего выражение в виде хартий немецких городов¹, фуэро и форалов – пиренейских² и других. Обычно городские статуты были результатом соединения обычных норм и правотворчества органов самоуправления. Многие стороны жизни в городе, особенно до появления писанного городского права, руководствовались правом обычным. Отметим, что мы уже говорили ранее о существовании в Кременской округе разделения населения по использованию норм права – римского и лангобардского. Скорее всего, это не могло не отразиться на формировании городских статуты Кремоны, но, к сожалению, как это проявлялось конкретно, мы сказать не можем. Однако исследователями отмечается такая особенность городского права, как аккумуляция в нем различных правовых традиций, существовавших ранее, в сочетании со стремлением как бы «надстроить» городское право над обычным. Это приводило к «иерархии» права, где ведущую роль начинает играть городское право и тесно связанное с ним торговое.³

Итак, в целом борьба горожан против епископа Кремоны завершилась во второй половине XII века. Ее результатом стало получение кременцами права самоуправления, осуществления суда и многих экономических прав (чеканки монеты, открытия рынков, прокладывания улиц, береговых прав и др.). Следовательно, именно коммуна Кремоны сосредоточила в своих руках публично-правовые основы светской власти, оставив за епископом право церковной юрисдикции. Кроме того, в XII веке ком-

---

¹ Прекрасным источником по городскому праву Германии является сборник документов, подготовленный Т.М. Негуляевой. См.: Средневековое городское право XII-XIII веков: Сборник текстов / Сост. Т.М.Негуляева, Л.И. Солодкова. – Саратов, 1989.

² Изучению городского права пиренейских городов посвящены работы О.И.Варьяш. См.: Варьяш О.И. Понятия «закон», «право» и «обычай» в Португалии XIV века // Право в средневековом мире. – М., 1996. – С.66-76.

³ Варьяш О.И. Городское право и право в городе как фактор единения // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т.3. Человек внутри городских стен. Формы общественных связей. – С.232-254.

муна Кремоны в результате борьбы подчинила себе ряд поселений, замков и обширных территорий в Кремонской округе. И хотя земельные владения кремонской епископии и светских феодалов оставались довольно значительными, крупнейшим землевладельцем стала коммуна Кремоны. В XIII веке политическую и экономическую жизнь Кремоны и ее округи практически целиком определяет коммуна, оттесняя епископов на задний план.

В XIII веке население Кремоны и ее округи значительно выросло. По предположению Л. Астеджано, население Кремоны на рубеже XIII-XIV веков составляло примерно 25 тыс. человек, а области – около 60-70 тыс. Рост и дифференциация населения, появление обширных территорий, подчинявшихся коммунам, участвовавшие военные столкновения – все это требовало централизации исполнительной власти. Не случайно в Кремоне, Сиене, Вероне и других городах выделились должности первого консула (*rettore*). А главное – изменилось соотношение социальных сил. Консульский нобилитет был уже не в состоянии господствовать безраздельно. Его теснили богатеющие пополаны, зачастую в союзе с мелким неродовитым рыцарством. Фигура подестб олицетворяла неустойчивое социальное равновесие.¹

Первое упоминание о подестб в Кремоне мы находим в анонимной хронике под 1180 годом – некий Гиранд де Карпента.² Примерно в это же время возникает этот институт и в других итальянских городах: Верона – 1169 год, Парма и Падуа – 1175 год, Генуя – 1190 год, Флоренция – 1193 год.³

В Кремоне, как и в других коммунах Италии, должностью подестб владели представители нобилитета. Наиболее известными кремонскими родами, представители которых занимали должность подестб в Кремоне и других городах, были роды Амати⁴, Гирольди⁵, Довария⁶, Сомми⁷ и другие. Пополаны предпочитали, чтобы подестб не имел корней среди местной аристократии. Нужен был посторонний человек, способный держаться в стороне от раздоров и блюсти общегосударственные интересы.

---

¹ Баткин Л.М. Указ. работа. – С.243.

² *Chronicon cremonense*. A.1180.

³ Баткин Л.М. Указ работа. – С.234-235.

⁴ CDC I. № 266, а.1218.

⁵ CDC I. №№ 631, 634 – а.1254; № 696, а.1258.

⁶ CDC I. № 33, а.1203; № 363, а.1223; № 585, а.1250; № 819, а.1264; №557, а.1247; № 620, а.1253; № 658, а.1255; №№ 719, 726 - а.1259; № 775, а.1262; № 809, а.1264.

⁷ CDC I. № 14, а.1202; № 415, а.1230.

Все отчетливее вырисовывалось основное социальное противоречие Италии XIII века между нобилитетом в целом и торгово-ремесленным населением. После бурной борьбы в подавляющем большинстве итальянских городов установился новый порядок – на должность подестб стали приглашать чужеземцев.¹

Пример подобной острой борьбы в Кремоне был в 1209-1217 годах. Когда в 1209 году в Совет коммуны были избраны в качестве консулов представители самой высокой знати, в церковных приходах, на которые делился город, разыгрались сцены негодования и протеста. В Кремоне запылала гражданская война. Две разные коммуны создались в церковном приходе св. Агаты, где жили пополанские элементы, и в Старом городе, где господствовала знать. Границей стала речка Кремонелла.

В этих условиях проявилась инициатива и энергия кремонского епископа Сикарда из Казаласко, выступившего с увещеванием ко всем горожанам и с проектом соглашения.² Автор проекта увидел следующие причины недовольства пополанов: высокий имущественный ценз обусловивший несправедливое распределение общественных должностей, к которым имели доступ только богатые и знать; крайне неравноправное возмещение ущербов, вызванных исполнением общественных должностей, в частности участием в военных предприятиях коммуны, поскольку пополаны в таких случаях не получали ничего. Кроме того, было отмечено пристрастие судов, которые неравно судили имущих и неимущих, и правосудие беднякам не воздавалось.

Епископом были предложены следующие меры: во-первых, внутри города народу (*popolo*) должна быть гарантирована четвертая часть всех должностей. Эта пропорция должна в особенности соблюдаться при выборах на должности консулов, подестб, судей и «консулов правосудия», избиравшихся каждые два месяца. Во-вторых, за расходы в связи с исполнением общественных обязанностей лица скромного достатка должны получать компенсацию, для чего необходимо установить новый налог, пропорциональный богатству. Справедливого распределения налогов требовали и представители пополанов, которые вошли в состав городского Совета. И наконец, предлагалась еще одна мера для достижения согласия между нобилитетом и пополанами в Кремоне: создание специальных трибуналов для бедняков из четырех пополанов, которые должны оплачиваться не бедня-

---

¹ Баткин Л.М. Указ. работа. – С.234-235.

² CDC I. № 111, а.1210 (1209).

ками, а коммуной. Полнота административной власти, по мнению епископа Сикарда, должна оставаться в руках подеста.

Возможно, выступая посредником в конфликте между различными группами городского населения и используя противоречия между пополанами и нобилитетом, епископ пытался упрочить свое положение в Кремоне и укрепить свой пошатнувшийся авторитет.

Меры, предпринятые епископом, не успокоили город. 1210 год был годом раздоров и уличных битв. Каждый следующий год заново решался вопрос: консулат или подестб? В 1217 году появилась тенденция к миру и соглашению, которая, возможно, связана с воззванием римского папы Гонория III.¹ С 1229 года в Кремоне правили подестб из других городов Северной Италии. В 1232 году во время правления подестб Гвилельма Фойано из знатной и могущественной семьи Реджо вновь начались серьезные столкновения пополанов и нобилитета, на улицах города развернулись вооруженные стычки. В июне 1233 года совет и коммуна просили императора назначить подестб, который сумел бы уладить разногласия и привести Кремону к миру и спокойствию.² Из Германской империи в город был направлен Томмазо д'Аквино, граф ди Аччero.

Относительный мир продержался, пока коммуны не взволновали новые раздоры двух партий – императорской и папской, гибеллинов и гвельфов. За борьбой этих партий скрывалась борьба двух социальных сил – нобилитета и пополанов.

Позиция Кремоны в процессе борьбы этих двух партий в общем оставалась прежней. Она продолжала жить в атмосфере настороженности по отношению к Милану, своему исконному врагу, давно на нее посягавшему. Кремона продолжала лавировать между императорами и папами, соблюдая гибеллинскую сторону вплоть до конца всей эпохи Гогенштауфенов в Италии. Корни гибеллинской позиции Кремоны лежат, прежде всего, в тех, уже упоминавшихся выше привилегиях, которые Кремона получила от германского императора в 1162 году. Другая причина силы гибеллинской партии в Кремоне в XIII веке – социальная близость могущественных нобильских родов к феодальной Германской империи. Император являлся опорой власти городских нобилей в их борьбе с пополанами.

Принято считать, что социальной базой гвельфской партии было городское бюргерство, своими банковскими и коммерче-

---

¹ CDC I. № 201, а.1217.

² CDC I. № 490, а.1233.

скими операциями связанное с папством, а социальной базой гибеллинства – феодальное дворянство, видевшее в императоре защитника своих привилегий. Однако еще М.А.Гуковский в своем исследовании писал, что такое утверждение является верным лишь в самом грубом приближении.¹

И действительно, кремонский материал показывает, насколько сложна была реальная картина. В Кремоне и гвельфскую, и гибеллинскую партии в основном возглавляли представители нобилитета. Партия гвельфов организовалась примерно в 1247 году. Во главе ее встали могущественные и богатейшие семьи города: маркизы Кавалькабу и Сомми, а также нобильские Амати, Гваццони, Конти, Ольдоини, Казанова, Персико, Ольдовранди, Манария, Пиперари, Дивичиоли, Читроли, Капеллини, Боккаччи, некоторые из Борджия.² Что заставило их встать во главе пополанов? Причина здесь, скорее всего, в политических амбициях определенной части нобилитета. Представители этих семей занимали достаточно высокое положение в городе к моменту борьбы двух партий. Однако постепенно они оказались вытесняемыми новыми политическими фигурами, чья карьера в коммуне Кремоны была результатом поддержки императора. Римский папа поддержал вождей гвельфов, взяв их под свое покровительство.³ В Кремоне центром гвельфов стала церковь св. Агаты, расположенная в Новом городе. Но победу, видимо, одержала старая нобильская партия – гибеллины. К концу июля 1247 года Амадин Амати и Маца Ольдовранди с самыми крупными сторонниками гвельфской партии были вынуждены покинуть город и стать изгнанниками.

Партию гибеллинов поддерживал подеста Кремоны в 1248 году Паче Песаниголо, выходец из Бергамо. Наибольшим авторитетом среди вождей гибеллинов пользовался Босий Довария, как раз в это время весьма укрепивший свои позиции не только в Кремоне, но и в округе. Центром гибеллинов был Старый город.

Однако единства не было не только внутри нобилитета, но даже внутри отдельных родов. Так, например, не все Сомми и Амати были сторонниками гвельфов. В списке взятых в плен болонцами у Фассальты в 1249 году названы некоторые Сомми – сторонники гибеллинов. Кавалько Амати, женатый на племян-

---

¹ Гуковский М.А. Итальянское Возрождение. – С.19.

² Astegiano L. Ricerche... P.301.

³ CDC I. № 556, a.1247. Иннокентий IV берет под защиту апостольского престола имущество Конрада Кавалькабу и Амадину Амати вместе с кремонскими семьями, которые заключили союз, чтобы выступить против императора Фридриха.

нице Босия Довария, также придерживался гибеллинской партии.¹ В свою очередь, среди гибеллинского рода Довария в целом были сторонники гвельфов. В документе 1269 года, составленном после изгнания одного из вождей гибеллинов Босия Довария из Кремоны, фигурируют имена других Довария, которые должны были придерживаться гвельфской позиции, поскольку были должностными лицами коммун. Это Гвидзард де Анганьола Довария – судья подестб Кремоны, Санольд Довария – судья по имуществу политических изгнанников коммун Кремоны и Рафаэль де Ронхо Довария – судья и синдик коммун Кремоны.²

26 мая 1249 года у Фассальты произошло сражение между гвельфами и гибеллинами. Гибеллины потерпели поражение, и 200 кремонцев попали в плен к болонцам. Среди них были сын императора Фридриха II Энцио, оставленный им викарием в Ломбардии, подестб Кремоны павиец Заватерий Страда и Босий Довария. Это сражение дало новый толчок к борьбе между Новым и Старым городом. Социальную подоплеку этой борьбы определить довольно трудно, поскольку пополанов, живших в Новом городе, возглавляли представители нобилитета. Скорее всего, в данном случае речь может идти о борьбе за власть внутри кремонского нобилитета, и размежевание внутри нобильских родов, о котором мы говорили, служит этому подтверждением. Перевес сил оказался на стороне гвельфов, которые избрали своего подеста Оттолино Сомми, продержавшегося в этой должности с июня по август 1249 года. Как раз в это время, при поддержке римского папы кремонским епископом стал Бернерий Сомми, брат Оттолина.³

Однако победа гвельфов оказалась кратковременной. Уже в конце 1249 года к власти в Кремоне пришли и продержались вплоть до 1267 года гибеллины, возглавляемые маркизом Уберто Пеллавичини, ставшим вскоре синьором города.

Именно в правление Уберто Пеллавичини и еще при жизни императора Фридриха II в Кремоне проявились первые признаки синьории – явления, которое в последующее время станем общим для многих городских коммун Италии. Итальянский историк Уго Гвалаццини прямо называет правление Уберто Пеллавичини первой итальянской синьорией.⁴ Американский исследо-

---

¹ Astegiano L. Ricerche... P.312.

² CDC I. № 907, а.1269.

³ CDC I. № 569, а.1249.

⁴ Gualazzini U. La Mercandandia... Pp.48-56.

ватель Уильям Батлер считает Уберто Пеллавичини предвестником таких известных тиранов XV века, как Висконти и Сфорца.¹

Синьория могла возникнуть путем продления должности подеста и расширения ее функций. Крупный феодал, находившийся на службе у Фридриха II, Уберто Пеллавичини в 1239 году был избран подеста Павии, в 1249 году – Кремоны, в 1250 году – Пьяченцы; в 1254 году его избрали пожизненным подестом этих городов. В 1259 году Милан предал ему власть на пять лет, затем он стал синьором Алессандрии, Комо, Лоди. Новары и Бергамо. Во все эти города Пеллавичини должен был назначать своих наместников, иногда передавая им должность подеста, а сам стал называться пожизненным синьором (*perpetuus dominus*).²

Главная причина установления синьории в Кремоне в том, что, как и в других городах Ломбардии, городской нобилитет здесь был гораздо многочисленнее, экономически и социально сильнее, чем, скажем, во Флоренции. Кроме того, в Кремонской округе большее влияние и силу сохраняла феодальная знать, опять же по сравнению с Тосканской областью. Как мы знаем, во Флоренции, благодаря ожесточенной борьбе пополанов с дворянством города и области, победила пополанская демократия. В Ломбардии, и в частности в Кремоне, в условиях политического преобладания нобилитета и знати их потребностям в большей степени отвечала синьория, при которой реальная власть в городе переходила в руки единоличного правителя.

Сначала Уберто Пеллавичини, а с ноября 1266 года сменивший его «вечный подестом купцов» Босий Довария постепенно подавляли коммунальные свободы Кремоны, подчиняли себе городское управление, расширяли свои прерогативы. Однако пополанские силы не были полностью разбиты. Босий Довария недолго пользовался плодами своего богатства и политического могущества. Уже в апреле 1267 года в результате усилий гвельфов он со своими сторонниками был изгнан из Кремоны и «провел остаток своей жизни как скиталец и бедный солдат фортуны».³

Изгнание из города гибеллинов вызвало жестокую месть германского императора Генриха VII, отнявшего у Кремоны ти-

---

¹ Butler W. The Lombard communes. Pp.302-303.

² Бернадская Е.В. Политический строй итальянских государств. Синьории и принципаты // История Италии. – М., 1970. – Т.1. – С.300.

³ Butler W. The Lombard communes. P.339. Хотя бедность Босия Довария сильно преувеличена. Так, среди кремонских актов сохранилось его завещание 1288 года, по которому он оставлял своим наследникам более 5 тыс. фунтов.

тул города (*civitas*) и ее область. Правда, в это время германские императоры имели уже очень малое влияние на внутренние дела итальянских коммун. Во второй половине XIII века и в начале XIV века Кремона была под властью маркизов Кавалькабу, хотя коммуна вовсе не исчезла.

В 1270 году в Кремоне установилась так называемая «малая коммуна». Это было следствием укрепления экономических и социальных позиций пополанства, которое было недовольно степенью своего участия в управлении городом. Поэтому наряду с Генеральным советом появляется аналогичный пополанский совет, а наряду с должностью подестб возникает должность «капитана народа» (*capitano del popolo*), выполнявшего те же функции, что и подестб, но только в отношении пополанов. Таким образом, внутри коммунальной организации и параллельно с ней возникла пополанская «малая коммуна». По мнению Л.М.Баткина, это был переворот, с которым можно сравнить лишь само возникновение коммуны. Фигура подестб сохраняла административное, но потеряла политическое значение.¹

Таким образом, Кремона прошла политический путь, характерный для других городов Северной Италии. В политическом развитии Кремоны можно выделить три основных этапа. Во-первых, это борьба всей городской общины с феодальным сеньором города – епископом. В ходе этой борьбы в Кремоне установилась коммуна (1089 год) во главе с нобильским консулатом. На этом этапе в Кремоне, как и других итальянских городах, возникли властные структуры, которые в полном объеме ведали внутренней жизнью городского сообщества, решали вопросы отношения с ближайшей округой и формировали основы внешних сношений.

На втором этапе происходит усиление влияния коммуны Кремоны в округе и укрепление за ней официального статуса города-коммуны под верховной (номинальной) властью германского императора (1162 год), причем это происходит немного раньше, чем в других североитальянских городах (Констанцкий мир 1183 года). На этом этапе также вследствие усложнения внутригородской обстановки и внешнеполитической ситуации устанавливается новый орган публичной власти – подестат (1180 год).

Третий этап политического развития Кремоны осложнялся борьбой гвельфов и гибеллинов, причем каждая из этих партий выражала интересы различных групп кремонского нобилитета,

---

¹ Баткин Л.М. Указ. работа. – С.235-236.

при экономической и политической слабости пополанских слоев. Эта борьба завершилась тем, что на смену гибеллизму, которого Кремона придерживалась более века, начиная с середины XII века, пришла победа гвельфов во второй половине XIII века. Особенностью же политического развития Кремоны на этом этапе было раннее (по сравнению со многими другими городскими коммунами) установление синьории (1249 год). Дальнейшее развитие привело к свержению синьории (правда, временному) и установлению «малой коммуны» (1270 год), обеспечивавшей большее участие пополанских слоев в политическом управлении городом и округой, в отношении которой проявлялось активное стремление коммуны Кремоны к установлению и упрочению своего политического влияния.

Итак, главные политические итоги развития Кремоны за три века таковы. В течение XI века была значительно подорвана, а к середине XII века окончательно уничтожена власть епископа в Кремоне как светского сеньора. Окончательно установилась коммуна, главную роль в которой до конца XIII века играли нобили, связанные как с торговой деятельностью, так и с землевладением.

В Кремонской же округе епископская курия сохраняла значительные владения, хотя коммуна стремилась к подчинению ей прилегающих к Кремоне территорий, в том числе и пограничных. Видимо, опираясь на свои владения в округе, епископы и в начале XIII века пытались, как мы видели, влиять на политическую жизнь в Кремоне.

Сохраняли определенные позиции в Кремонском дистретто и местные феодалы, особенно, как и везде в Италии, на границах округа. Конечно, они не могли играть «первую скрипку» в политических отношениях в самом городе, но в округе их влияние не могли не учитывать и коммуна Кремоны, и кремонская епископия.

2. Поселения Кремонской округи: типология и особенности развития в XI-XIII веках

В используемых источниках встречается около 50 названий населенных пунктов Кремонской области. Наша задача – выявить на основании показательных примеров, какие типы поселений сложились в Кремонской округе и проследить особенности ее развития в XI-XIII веках по сравнению с другими европейскими регионами. Кроме того, попытаемся проследить как

взаимоотношения главного города с его округой, так и характер внутренних отношений в избранных поселениях, а кроме того – их взаимоотношения с местными феодалами и, по возможности, между собой.

Исторически сложилось, что основная масса поселений Кремонской округи к X веку находилась на левом берегу реки. Сама же территория округи в X-XIII веках представляла собой вытянувшуюся с северо-востока на юго-запад полосу земли, расположенную между реками По и Ольо, которые являлись как бы естественными границами Кремонской области. На правом берегу По в состав Кремонской округи входило совсем незначительное количество поселений к юго-востоку от города.

Сама Кремона и земли ее округи в изучаемое время были разделены по четырем главным городским воротам города: ворота Рождества, ворота святого Лаврентия, ворота Ариберта и ворота Пертузия.

К воротам Рождества относились территории, расположенные на юг и восток от города вниз по течению реки По вплоть до слияния с рекой Ольо. Сюда входили земли и поселения: Саббионетта, Чиконьяра, Соммо, Солароло, Казалемаджоре, Виадана и другие, а также немногочисленные земли по другую сторону реки По: Кастельветро, Видаленго, Бусетто и др.

К воротам Пертузия относились земли к северу от Кремоны. Это были территории, расположенные по течению реки Ольо вплоть до Альфиано: Аквалонга, Казалебуттано, Робекка, Иовизальта и другие.

К воротам св. Лаврентия принадлежали земли на северо-восток и восток от Кремоны, такие как Боццоло, Левата, Райнери, Рипа д'Ольо Ривароло, остров Монтичелли Рипа д'Ольо, Пьядена и некоторые другие.

Округу ворот Ариберта составляли земли на запад от города вплоть до реки Адда: Заненго, Пиццигнетоне, Крота д'Адда, Сесто, Кастронуово и другие.

Особое значение для Кремонской области имели территории наиболее отдаленной от города северо-западной окраины: на эти земли помимо Кремоны издавна имели притязания Милан и Бергамо. Именно в этом районе были расположены хорошо укрепленная крепость Крема и так называемый «Остров Фулькери» (территория между реками Серьо и Аддой), борьба Кремоны за которые насчитывала не одно столетие.¹ Но если террито-

---

¹ Подаренная еще в 1098 году маркграфиней Матильдой (CDC I. №165, а.1078.) Крема не желала подчиняться: кремонская анонимная хроника

рии, расположенные на правом берегу Серьо (между Серьо и Аддой), были предметом постоянных притязаний Кремоны, то земли на левом берегу Серьо (пространство между реками Серьо и Ольо) служили для Кремоны важнейшим форпостом, защищавшим ее округу от притязаний Милана и Бергамо. Там были расположены такие территории, как Караваджо, Форново, Мוצаника, Фонтанелла, Сончино и другие.

Территория Кремонской округи не представляла собой единого комплекса. На протяжении X-XIII веков происходило перераспределение собственности на земли округи сначала между местным светским нобилитетом, феодалами-землевладельцами и кремонскими епископами, а с середины XII века к этому процессу подключилась и коммуна Кремоны. В результате сформировались три основные группы собственников: 1) духовные лица и учреждения (епископия, кремонский капитул, различные церкви и монастыри); 2) светские феодалы и городской нобилитет; 3) коммуна Кремоны.

Земли, принадлежавшие епископу, как правило, находились на севере и востоке Кремонской территории. В результате коммунальной борьбы часть этих земель стала собственностью коммуны. Кроме того, имели место и прямые захваты земель епископа феодальной знатью, о чем мы будем говорить далее. Понятно, что от XI к XIII веку наблюдается тенденция убывания земель епископа: она переходит в аренду и собственность феодальной знати, в руки коммуны. Новых же дарений становилось все меньше. XIII век вообще не принес таких крупных земельных дарений в пользу епископии, как это было в предшествующие столетия. Все земельное имущество капитула располагалось на небольшом расстоянии от города. Значительные земельные владения в Кремонской округе принадлежало церквям (около 30 только в XIII веке в одной Кремоне) и монастырям, которых в Кремоне было более десяти.

сообщает о трех войнах с Кремой в 1098, 1130 и 1157 годах. (*Chronicon cremonense*. A.1089, 1130, 1157.) Как уже говорилось, в 1162 году Крема была разрушена войсками императора Фридриха I при активной поддержке кремонцев. В благодарность за поддержку Фридрих Барбаросса предоставил Кремоне не только известные права, но и давно желанную Крему. Но это, видимо не означало реального подчинения, поскольку в 1219 году Фридрих II вновь подарил (а не подтвердил!) кремонской коммуне и Крему, и Остров Фулькерии. (CDC I. №268, a.1219.) И вновь бурные политические события внутри Кремоны не позволили ей удержать в подчинении такую желанную и такую недоступную Крему.

В источниках фиксируются компактные владения крупнейших светских феодалов – маркизов Пеллавичини, Кавалькабу, Маласпина – на правом берегу реки По, напротив Кремоны, а также на востоке Кремонской округи – поселения Казалемаджоре, Виадана, Солароло и другие. Помимо этого владения более мелких землевладельцев были разбросаны по всей территории округи. Собственниками земель в округе были и представители кремонских нобильских семей – Сомми, Ольдоини, Казанова и других. Среди них по своим масштабам выделялись владения семьи Довария, расположенные как на правом, так и на левом берегу реки По.

Коммунальные земли наиболее компактно располагались к юго-западу, северо-западу от города и на северной границе Кремонской области. По мнению М.М.Дорофеевой, к концу XIII века кремонская коммуна по размерам ее земельных владений вышла на первое место среди других собственников земли.¹ Кроме того, влияние коммуны в округе усиливалось благодаря подчинению части сельских коммун.

Из всего многообразия населенных пунктов для пристального рассмотрения выбраны те, которые позволяют наиболее выпукло представить специфику становления и первых этапов развития разного типа поселений – от малых городов до сельских коммун.

Больше всего мы обращались к материалам по истории четырех поселений – Форново, Караваджо, Сончино и Пескароло. Все они были расположены в пограничных с другими североитальянскими территориями районах, и потому жизнь в них протекала оживленнее и напряженнее, чем в иных поселениях. Внимание со стороны Кремоны (епископа, знати или коммуны) к ним было пристальней, интересы различных сторон сталкивались сильнее. Кроме того, именно об этих поселениях мы располагаем наиболее полными сведениями.

Поскольку предстоит выяснить, помимо конкретных моментов, еще и типы изучаемых поселений, начнем с вопросов определения – что есть малый город, что есть город-замок, какие признаки позволяют признать за поселением сельскую коммуну, какие – переходные (полуаграрные-полугородские) типы поселений. Следует признать, что в научной литературе однозначного ответа на эти вопросы не существует.

---

¹ Дорофеева М.М. Город и эволюция феодальных поземельных отношений... – С.12.

В исторической науке больше всего в этом смысле сделано в изучении сельских коммун. Процессы зарождения и развития сельских коммун на кремонских землях в 80-х годах XII века нашли отражение в 1950-е годы в исследовании О.Цыбенко.¹ Позже этой проблеме были посвящены исследования Л.А.Котельниковой и Л.М.Брагиной, использовавших отчасти и кремонский материал.

Л.А.Котельникова изучала городскую политику по отношению к сельским коммунам Северной и Средней Италии, ей принадлежит также заслуга разработки типологии сельских коммун.² Исследовательница выделила три типа сельских коммун. Во-первых, коммуны-федерации, включавшие в себя несколько десятков мелких коммун. Сохраняя определенную самостоятельность в решении повседневных вопросов и выборе местной администрации, коммуны – члены федерации – подчинялись коммуне – главе федерации – в вопросах политики и администрации. Во-вторых, отдельные крупные коммуны, располагавшиеся обычно в крепостях и по своей роли и значимости близкие к первому типу. Л.А.Котельникова указывает на то, что по структуре населения, развитию ремесла и торговли такой тип коммуны был близок к небольшим городкам, и грань, их разделяющую, провести очень сложно. И, в-третьих, небольшие сообщества, находившиеся почти в полной зависимости от сеньора и располагавшие только малейшими начатками самоуправления.

Как выяснили исследователи, наиболее распространенным путем возникновения сельских коммун было приобретение сельскими поселениями, зачастую укрепленными, независимости и прав самоуправления. Основными причинами возникновения сельских коммун исследователи называют развитие товарно-денежных отношений в стране, развитие городов и личное освобождение крестьян.³

Исследователи сходятся в том, что экономической основой сельской коммуны была собственность на общинные угодья: леса, луга, реки, озера и т.д. При этом отмечается, что пахотные

---

¹ Цыбенко О. Феодальное землевладение епископской церкви и положение крестьянства в Кремоне X-XII веков: Автореф. дис. канд. ист. наук. – Львов, 1956.

² Котельникова Л.А. Феодализм и город в Италии... – С.79-80.

³ Котельникова Л.А. Политика городов по отношению к сельским коммунам Северной и Средней Италии в XII в. // Средние века. – М., 1959. – Вып.16. – С.21.

земли регулированию со стороны сельской коммуны не подлежали, а служили объектом купли-продажи.¹

Главным признаком сельской коммуны, по мнению исследователей, является наличие в ней собственного самоуправления. Высшим законодательным органом сельской коммуны был ее генеральный совет, который собирался обычно два раза в год и включал в свой состав всех налогоплательщиков – глав семей в возрасте от 18 до 70 лет. Совет коммуны избирал должностных лиц: подеста, консулов и др. Однако полностью независимыми сельские коммуны не были: верховная власть в большей или меньшей степени оставалась за сеньором. В зависимости от уровня независимости коммуны и конкретных обстоятельств эти должностные лица должны были утверждаться сеньором или городской коммуной. Подеста или консулы решали гражданские и уголовные дела. Высшая юрисдикция обычно принадлежала сеньору коммуны, в частности правосудием и апелляциями он занимался лично, когда находился на территории коммуны. Низшие административные должности – массарии, кампарии, солтарии – назначались либо самой коммуной, либо ее сеньором. Правовое положение и административное устройство коммуны фиксировалось ее статутом.²

Примером такого документа в кремонских материалах можно назвать статут коммуны Чиконьяра, составленный от имени аббатиссы монастыря святой Юлии в 1261 году,³ в чьем подчинении коммуна находилась. Статут определял административное устройство коммуны, наказания за различные преступления, регламентировал ее хозяйственную жизнь. Коммуна Чиконьяра имела одного собственного массария, который, как свидетельствует статут, должен был наблюдать за порядком в коммуне, за точным исполнением предписаний статутов жителями деревни, заключением земельных сделок от имени коммуны и т.д. Низшими чиновниками были кампарии, которым в коммуне Чиконьяре предписывалось охранять лен на полях. Кроме того, в статуте было оговорено, что аббатисса имела право на половину штрафов за преступления. Это, как и в других случаях, показывает, что статуты в той или иной мере ограничивали юрисдикцию местных феодалов. До образования сельских коммун все

---

¹ Брагина Л.М. Сельские коммуны в Северо-Восточной Италии в XIII-XIV вв. // Средние века. – М., 1955. – Вып.7. – С.291; Котельникова Л.А. Феодализм и город... – С.23;

² Котельникова Л.А. Феодализм и город... – С.89-93.

³ CDC I. № 763, а.1261-1267.

штрафы поступали сеньору, обладавшему правом полной юрисдикции на территории коммуны.¹

Из вышеизложенного следует, что главными чертами, определяющими поселение в качестве сельской коммуны, является ее юридический статус как коммуны, то есть общности, обладающей большей или меньшей степенью правовой самостоятельности, а также обладание земельной собственностью при аграрных занятиях ее членов.

Попытку внести свою лепту в типологию поселений делает Н.А.Селунская, выделяя как особое поселение, характерное для итальянского средневековья, замок (*castrum*). При этом исследовательница заявляет, что зачастую «поселение, имея формальный статус *castrum*, являлось по сути городом».² В качестве примера такого поселения автор называет Корнето, расположенный в Папской области. Признавая, что фактически Корнето представлял собой поселение городского типа (наличие статуса коммуны, занятия жителей ремеслом и особенно торговлей), Н.А.Селунская отмечает, что он формально не имел городского статуса и представал в источниках как *castrum*. Поэтому автор статьи использует для обозначения подобных поселений новый термин «каструм-город». Как представляется, подобное сочетание современной и средневековой терминологии приводит к определенной подмене понятий, при которой качественные характеристики поселения, позволяющие определить его как городское, отходят на второй план по сравнению с характеристиками терминологическими, имеющими второстепенное значение для понимания истинной природы изучаемого поселения. Получается, что под термином *castrum*, имеющим широкое распространение в средневековых письменных источниках, в том числе и кремонских, объединяются аграрные и городские поселения. Автор тем самым абсолютизирует возможность применения для определения характера средневековых поселений современной им терминологии. Подобный подход, с нашей точки зрения, приводит к определенному искажению исторической действительности, которая отличалась большим многообразием, не всегда отражавшимся в терминах, использовавшихся авторами средневековых документов.

---

¹ Брагина Л.М. Сельские коммуны в Северо-Восточной Италии... – С.292.

² Селунская Н.А. Каstrum и урбанизационные процессы: Италия // Город в средневековой цивилизации Запада. Т.1. Феномен средневекового урбанизма. – М., 1999. – С.272-282.

Особенный исследовательский интерес вызывает у историков еще один тип средневековых поселений – так называемые малые города. Само понятие «малый город» как специфическая форма средневековой урбанизации сформировалось в исторической науке сравнительно недавно, в последние два десятилетия.¹ Но само обращение к проблеме изучения мелких городских центров имеет в отечественной медиевистике достаточно давнюю традицию. На материалах Англии ими занимался Я.А.Левицкий. Он считал, что мелкие местечки с постоянным рынком (*mercatus*) и постоянным торговым населением могли быть (и зачастую были) ядром будущего города.² А.А.Сванидзе особое значение для городского развития средневековой Швеции придает развитию рыночных отношений и денежного обращения в так называемых «догородских центрах».³

Развивая свою теорию возникновения средневекового города как, прежде всего, центра концентрации ремесленного и торгового населения, С.М.Стам отмечает характерное для Европы в средние века множество слабо выраженных или переходных форм в городском развитии.⁴ К таким формам он относит бурги, кастеллы, полудеревенские-полугородские местечки. Причем С.М.Стам утверждает, что многочисленность таких переходных форм в средние века – следствие медленности и длительности процесса отделения ремесленного труда от земледельческого.

Из историков-урбанистов саратовской школы изучению мелких городских центров южнофранцузской области Каркассэ свои исследования посвятила М.Е.Карпачева. Она выделяет для этой области несколько типов поселений, существовавших в средние века: крупный город, средние и мелкие городки, полуградные-полуремесленные местечки и аграрные поселения с элементами ремесла.⁵ Особенности, характеризующими развитие мелких городских центров, М.Е.Карпачева считает запоздалость становления городской экономики (XIII-XIV века) по

---

¹ Ястребицкая А.Л. Международная конференция о роли малых городов Европы в Средние века и начале Нового времени (Бауцен, 1984) // Вопросы истории. – 1985. – № 9. – С.149-151.

² Левицкий Я. А. Город и феодализм в Англии. – М., 1987. – С.114-117.

³ Сванидзе А.А. Средневековый город и рынок в Швеции. – М., 1980.

⁴ Стам С.М. Некоторые актуальные вопросы изучения истории средневекового города // Средневековый город. – Саратов, 1981. – Вып.6. – С.6.

⁵ Карпачева М.Е. Догородские очаги и начало градообразовательного процесса в каркассонском районе в средние века // Средневековый город. – Саратов, 1974. – Вып.2. – С.80.

сравнению с главным городом округа; двухфазность их развития, заключающаяся в переходе в этих поселениях от полудеревенских промыслов к сравнительно сложному ремесленному производству; определенную региональную заданность ведущей отрасли производства в этих центрах; значительный удельный вес аграрных занятий жителей.¹ Таким образом, важнейшим признаком, выделяющим малый город из остальной массы поселений, исследовательница считает развитие ремесленного производства как основного занятия населения.

Общие проблемы средневекового малого города поднимаются в недавних работах А.Л.Ястребицкой. Среди них исследовательница наиболее актуальными считает само определение малого города, его типологию, особенности генезиса, характер взаимодействия большого и малого города, роль мелких производственных центров в сфере рыночных отношений округа, функционирование малых городов в области внутренней колонизации, а также специфику социальных структур и организации семьи, правовой статус малых городов и различные стороны их взаимоотношений с феодалами и государством. А.Л. Ястребицкая полагает, что при определении малого города необходимо «учитывать не только совокупность количественных и терминологических показателей, но и иные – качественные характеристики, прежде всего экономические.»² Признавая наличие существенных региональных особенностей развития малых городов, А.Л.Ястребицкая выдвигает тезис о том, что в наиболее урбанизированных областях, например в Италии, малые города были полнее выражены в экономическом и политическом отношении именно как города.

Для нас особенно важно выделить рабочий набор признаков по определению типа поселения, в том числе – городского. В современной отечественной медиевистике одним из наиболее признаваемых определений средневекового города является данное А.А.Сванидзе: «В общем виде город – это специфическое поселение с относительно значительным населением, обычно укрепленное, имеющее особые права-привилегии и концентрирующее неаграрные социальные и производственные функции, причем занятия жителей преимущественно связаны с мелкото-

---

¹ Там же. – С.53.

² Ястребицкая А.Л. Малые города как проблема сравнительно-исторического изучения европейского средневекового города // Средние века. – М., 1988. – Вып.51. – С.75.

варным производством и рынком.»¹ А.А.Сванидзе, как видим, перечисляет целый ряд признаков города, не выделяя какой-то группы из них как основной, конституирующей. Более того, в этом определении на задний план отодвигается такая черта города, как занятие преимущественного числа его жителей ремеслом и торговлей, и, в свою очередь, вперед выдвигаются остальные характеристики города (наличие укреплений или совокупности прав-привилегий), которые, как нам думается, лишь сопутствовали развитию города, но не его возникновению и отделению от деревни.

Социально-политический строй (наличие саморегулирующейся общины с высокой степенью автономности и сложной структурой) средневекового города Западной Европы как основную его черту, отделявшую от городских поселений других времен и регионов, выдвигает в своей работе П.Ю.Уваров.² Все остальные черты – концентрация населения, узкие улицы, стены и башни, занятия горожан, экономические и идеологические функции и политическая роль – перечисляются как вполне равноправные и второстепенные.

Как уже было показано, юридический статус поселения – наличие в поселении коммуны и органов самоуправления – не может рассматриваться как признак именно города, поскольку в Северной Италии статус коммуны получило огромное количество поселений, к которым могли относиться как исключительно аграрного характера (например, упоминавшаяся коммуна Чиконьяра), так, возможно, и городские поселения.³ Наличие укреплений также не может служить достаточным признаком, разделяющим деревенские и городские поселения, поскольку замок или укрепление сами по себе еще не создавали из поселения города.⁴ В свою очередь наличие общинных угодий вовсе не свидетельствовало о том, что рассматриваемое поселение сельское, поскольку уже сформировавшийся малый город мог владеть

---

¹ Сванидзе А.А. Генезис феодального города в раннесредневековой Европе: проблемы и типология // Городская жизнь в средневековой Европе. – М., 1987. – С.9-10.

² Уваров П.Ю. Община горожан: структура и конфликты // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т.3. Человек внутри городских стен. Формы общественных связей. – М., 2000. – С.8.

³ Котельникова Л.А. Феодализм и город. – С.80.

⁴ Селунская Н.А. Каструм и урбанизационные процессы: Италия. – С.275; Карпачева М.Е. Догородские очаги и начало градообразовательного процесса в каркассонском районе... – С.64.

альмендой.¹ Поэтому нам представляется возможным использовать определение А.А.Сванидзе по отношению к итальянскому материалу только при оговорке, что наиболее важным критерием отделения сельского поселения от малого города должен оставаться такой признак, как концентрация ремесленного труда и обмена и соответствующего этим занятиям населения.

При этом, конечно, нельзя забывать, что формирование такого поселения было долгим по времени процессом. Поэтому некоторые поселения в рассматриваемый период могли представлять собой полуаграрное-полуремесленное поселение или торговое местечко, обладавшее большей или меньшей потенциальностью для превращения в полноценный, хотя и небольшой, городок. Для определения таких поселений большое значение будут иметь названные выше признаки: наличие коммуны, укреплений, общинных угодий.

Обратимся конкретно к материалу избранных нами поселений. Начнем с выявления времени их возникновения. Источники позволяют высказать предположение, что раньше других возникло Сончино. Правда, первые упоминания о нем в наших документах относятся к началу X века: оно встречается в грамоте императора Беренгария от 920 года. По этой грамоте император Беренгарий утвердил права и привилегии церкви св. Петра «в замке Сончино» в отношении леса св. Мартина, расположенного недалеко от этого замка.² Однако в этом документе, который дан в сокращенном изложении, упоминается имя Матильды, вдовы лангобардского короля Адалоальда, умершего в 643 году. Она названа основательницей (*fundatrix*). К сожалению, из приведенного документа не ясно, являлась ли Матильда основательницей самого замка или только церкви св. Петра. Тем не менее данные этого документа позволяют предположить, что если не замок, то поселение с церковью на этом месте существовало уже в период господства лангобардов, а точнее – в середине VI века. Карта XVI века позволяет определить, что Сончино возникло на берегу реки Ольо примерно в 30 км к северо-западу от Кремоны.

Судя по источникам, достаточно рано возник и Форново, расположенный, как ясно из той же карты XVI века, в 40-45 км к северо-западу от Кремоны на реке Серьо. Впервые его название – *Forumnovum* – встречается в документе, датированном мартом 858 года. К сожалению, этот документ представлен в опублико-

---

¹ Карпачева М.Е. Коммунальное движение в мелких городских центрах средневекового Каркассэ // Средневековый город. – Саратов, 1981. – Вып.6. – С.120.

² CDC I. № 11, а.920.

ванном сборнике также лишь в виде регесты, и почерпнуть из него можно очень немного. По этому документу император Людовик утверждает за кремонской церковью некое поместье, расположенное недалеко от «прихода Форново в графстве Бергамо».¹

Из приведенного документа можно сделать один очевидный вывод и два предположения. Вывод – что существование Форново в середине IX века факт, при этом устоявшийся: иначе поселение не могло бы служить территориальным ориентиром. Вместе с тем название этого поселения свидетельствует о том, что появилось оно, скорее всего, уже в эпоху средневековья – *Forumnovum*, то есть «новый рынок». Теперь два предположения: во-первых, возможно, что в середине IX века земли, на которых находилось Форново, еще не принадлежали кремонской епископии, а во-вторых, есть вероятность, что в Форново уже тогда существовала церковь со своим приходом, то есть поселение возникло довольно давно.

В документах начала XI века мы впервые встречаем упоминания еще о двух интересующих нас поселениях. В акте дарения 1010 года, согласно которому графиня Елена, жена Бернарда, графа Соспиро, передает шестую часть своих владений, среди перечисляемых земель мы встречаем краткое упоминание о Пескароло. Из текста документа можно понять, что в начале XI века в этом поселении уже существовали укрепления и капелла.²

К XI веку относится также первое упоминание в документах о поселении Караваджо. Актом от 1032 года зафиксирован обмен земельными участками между кремонским епископом Убальдом и пресвитером Агимоном из Караваджо. Согласно этому акту епископ отдавал 57 югеров поля и 2 югера луга «в местечке Караваджо» в обмен на 16 югеров поля, один участок луга и один участок леса в Моцанике.³ Караваджо, судя по карте, как и Форново, располагался в 45-50 км к северо-западу от Кремоны.

Что касается остальных поселений Кремонской округи, то другие документы показывают, что и большинство не названных нами поселений возникают примерно в том же временном промежутке, что и четыре специально нами выбранных, то есть не позднее середины XI века. Так, из 50 поселений, названия которых можно встретить в кремонских актах, по меньшей мере око-

---

¹ CDC I. № 11, a.858. ...confirmat ecclesiae cremonensi curtem Ruberiaio, in comitatu bergamensi, prope plebem Forumnovum.

² CDC I. № 12, a.1010. ...cuntas castras capellasque atque rebus omnibus in loc.....Piscariolo.

³ CDC I. № 60, a.1032.

ло 40 возникло до середины XI века. Причем большая часть из них (не менее 20) появилась не позднее X века, а некоторые существовали уже в IX веке. К таким поселениям относятся королевское поместье Соспиро (843 год)¹, поселение Сесто (866 год), речные пристани Гвасталла и Луццара (870 год). Таким образом, к середине XI века в Кремонской округе появилось около 80% поселений из встречающихся нам в документах, и только примерно 20% впервые упоминаются актах конца XI – начала XII века.²

Естественно, при определении типа поселений мы должны обратить самое пристальное внимание и на термины, которыми они обозначаются в источниках. Поселения Кремонской округи, в том числе четыре избранных, называются в актах разнообразными терминами: *locus*, *territorium*, *plebes*, *curtes*, *fundus*, *castrum*, *castellum*, *commune*. Эти термины могли обозначать как исключительно пространственные характеристики поселения (*locus*, *territorium*), так и некоторые качественные: наличие поместья (*curtes*, *fundus*), укрепления (*castrum*, *castellum*), церковного прихода (*plebes*), юридический статус поселения (*commune*). Только на основании использования средневековой терминологии в документах точно определить статус изучаемого поселения не представляется возможным. Но в любом случае терминологические характеристики могут помочь в конкретизации состояния того или иного поселения на определенной стадии его развития.

Теперь попытаемся по намеченным нами признакам, а именно: наличие укреплений, коммуны и общинных угодий, и главное, преобладание ремесленно-торгового населения, разобраться, к какому типу поселений отнести каждое из избранных для изучения.

Как уже было сказано, два поселения из четырех изучаемых на момент их первого упоминания в кремонских актах имели укрепления: Сончино в 920 году³ и Пескароло в 1010 году.⁴ Существовали ли укрепления в других поселениях? Да, существовали, и кремонские материалы это подтверждают. Первое упоминание об укреплении в Форново относится к 1119 году.

---

¹ В скобках – первые упоминания о поселениях в кремонских актах.

² В основном это основанные коммуной или епископами замки, сразу получавшие определенные юридические права, например – замки Сан-Бассиано (1157), Пиццигнетоне (1169 год), Бельфорт (1180 год) и некоторые другие.

³ CDC I. № 11, a.290. *castrum Soncini...*

⁴ CDC I. № 12, a.1010. *cuntas castras capellasque in loc.....Piscariolo*

Этим годом датирован акт передачи прав на земельный участок, зафиксированный в замке Форново.¹ Насколько раньше возникло укрепление в этом поселении, остается неизвестным. Нет ответа и на вопрос, почему о поселении, возникшем не позднее середины IX века, нет никаких сведений об укреплении до начала XII века?

Позже остальных возникло укрепление в Караваджо, по крайней мере, первое упоминание о таком мы встречаем в грамоте Фридриха I от 1186 года среди других укреплений, перечисленных между реками Аддой и Ольо.² Следовательно, это укрепление возникло несколько ранее, чем была составлена грамота. Можно предположить, что возникновение укреплений в данном поселении именно в это время активной борьбы североитальянских городов с императором было связано с тем, что Караваджо находился в стратегически важном районе: на границе владений Бергамо и Кремоны.

Примерно такую же картину мы наблюдаем и по другим документам, особенно в отношении поселений на реке Ольо, притоку По, служившему естественной границей кремонских земель. Причем если первоначально в документах X века многие поселения, судя по документам, не имели укреплений, то в течение XI-XII веков практически все называемые в актах поселения были укреплены. Это отчетливо видно на примере таких поселений, как Иовизальта (960 год – 1078 год)³, Пьядена (990 год – 1095 год), Казалемаджоре (941 год – 1145 год), Камизиано (960 год – 1194 год). Ясно, что это свойства неспокойного времени, средство защиты для местного населения. Но, как увидим, и – одно из главных условий, определявших влияние феодальных сил на окружающую территорию.

Так или иначе, но по материалам источников можно с уверенностью говорить о том, что к концу XII века все рассматриваемые поселения были укреплены, как и большинство остальных поселений Кремонской округи.

Теперь обратимся к вопросу: существовали ли в изучаемых поселениях коммуны, были ли там собственные органы управления? Как показывают данные кремонских документов, к середине XIII века все четыре поселения обладали некоторой самостоятельностью и обладали коммунальным устройством. Попы-

---

¹ АК I. № 19, а.1119. Actum feliciter in castro de Fornouo.

² CDC I. № 427, а.1186. Fridericus I concedit complura castella, inter Abdiam et Olium ... Caravatium et aliaque omnia.

³ В скобках на первом месте стоит дата первого упоминания в актах, на втором – первого свидетельства в документах о наличии укреплений.

таемся по документам проследить время возникновения в них коммун.

Наиболее раннее упоминание о коммуне и собственных коммунальных учреждениях встречается относительно Караваджо. В кременских актах сохранилась грамота от 1182 года, представляющая собой соглашение между коммуной Караваджо в лице ее консулов и кременским епископом Офредом. По этому соглашению консулы Караваджо уступают кременскому епископу пять участков земли в месте Мордофио, дорогу в Мордефраско, а также другие дороги, по которым ходят через рощу епископа в Ронкалью. Вместо этого епископ инвестирует консулов как представителей коммуны участком земли и дорогой в месте Массаторо, но на определенных условиях: выплачивать фикт, не делать никаких других дорог через Массаторо, обвести землю и дорогу рвом, а во время войны дорогу перекапывать и ставить на ней укрепление.¹

Этот документ позволяет нам сделать несколько наблюдений и предположений. Во-первых, к 1182 году коммуна в Караваджо уже некоторое время существовала и имела свои земли в разных местечках, а также своих должностных лиц², представлявших ее интересы; правда, неизвестно, были ли они выборными. Во-вторых, коммуна Караваджо в это время еще не полностью стала свободной от епископа, видимо, своего прежнего сеньора, поскольку общинными угодьями (дорогой и другими землями) коммуна могла пользоваться только на определенных условиях – выплата фикта и строительство оборонительных сооружений. Возможно, это объясняется тем, что Караваджо находилось на границе Кременской округи и епископ стремился сохранить там свое влияние во что бы то ни стало.³ Необходимо отметить, что первое упоминание об укреплении в Караваджо (1186 год) практически совпадает по времени с упоминанием о

---

¹ АК I. № 59, а.1182. С.166. *Consules loci Caravazii, nomine communis, faciunt Offredo, episcopo Cremonensi, quinque pecarium terrae in Mordofio et viae de Mordefrasca necnon aliarum viarum, quibus Roncaliam per episcopi nemus itur. Vice versa episcopus investit consules pro communi octo iugeribus terrae cum dimidio et via in Massathoro eo pacto, ut annuatim fictum septemdecim inforciatorum solvant, nullas alias vias per Massathorum faciant, fossis terram et viam circumcludant, tmpore belli autem viam cavantes stodegardam desuper exstruant.*

² Заметим, что один из консулов, судя по родовому прозвищу, ремесленник – сапожник (*Caligarius*).

³ В документе есть неясное упоминание о тяжбе между коммуной Караваджо и епископом: *finem in lite et refutationem et pactum.* // АК I. № 59, а.1182. С.166.

коммуне (1182 год), то есть можно предположить, что во второй половине XII века повышается значимость поселения Караваджо в этом районе Кремонской округи.

Примерно в то же время, что и в Караваджо, возникает коммуна и в ближайшем к нему поселении (около 5 км) – Форново. К такому заключению нам позволил прийти документ, датированный 1189 годом и представляющий собой освобождение людей Форново и других поселений от податей в пользу коммуны Кремоны.¹ Содержание этого документа очень интересно, и мы к нему еще вернемся, здесь же нам важно то, что в этой грамоте впервые упомянуты консулы Форново (3 человека). Следовательно, можно предположить, что в этом поселении уже существовало в данное время некое коммунальное управление. О том, что коммуна Форново имела ограниченное самоуправление, свидетельствует еще одна интереснейшая грамота, составленная полугодом позже – 4 сентября 1189 года.² В этой грамоте разграничивалась юрисдикция кремонского епископа и консулов Форново. Согласно грамоте епископ сохранял за собой право суда по всем преступлениям, но только когда он сам присутствовал в Форново. Во время же его отсутствия право суда «о ранениях и нападениях», то есть по тяжким преступлениям, переходило к консулам Форново.³ Вряд ли епископ очень часто посещал этот отдаленный северо-западный район Кремонской округи, еще менее вероятно, что он в Форново жил какое-то продолжительное время. Поэтому можно с большой долей уверенности предположить, что права епископа были достаточно формальны, а реальная судебная власть принадлежала консулам коммуны.

В этом же документе есть свидетельства об общинных угодьях коммуны Форново. Причем интересно отметить, что эти угодья – ивняк, который надо корчевать, коммуне предоставил епископ, с условием выплаты ему десятины в течение 12 лет, по прошествии которых эта земля должна перейти в собственность коммуны.⁴ В данном случае мы, скорее всего, видим пример по-

---

¹ АК I. № 69, а.1189. С.183-184.

² АК I. № 71, а.1189. С.186-189.

³ АК I. № 71, а.1189. С.187. *Et concessit et remisit prefatus dominus episcopus prefatis consilibus waidas de assaltibus et feritis, quando Cremonensis episcopus esset in curte Fornoui...*

⁴ АК I. № 71, а.1189. С.187. *Facient necnon ius salecti romandi eo pacto, ut decimam fructum per duodecim annos solvant, deinde autem salectim remanead apud commune.*

степенного освобождения коммуны от власти сеньора, складывания коммунальных институтов и расширения их полномочий.

Что касается поселения Сончино, то прямое указание на существование в нем консульского управления, а следовательно, и определенного самоуправления приходится только на начало XIII века. Так, в документе 1200 года фигурирует некий Гваздо де Альбертис, названный судьей консулов Сончино.¹ Этот судья, решая тяжбу между кремонской епископией и неким Годеском де Додо, выносит решение в пользу второго, присуждая епископа к возвращению ему спорных участков земли. Но косвенные данные кремонских грамот более раннего времени позволяют предположить наличие неких коммунальных органов управления и до 1200 года. На это указывают свидетельства документов о выполнении жителями Сончино каких-либо административных функций. Такие сведения о жителях Сончино появляются в источниках со второй половины XII века. Видимо, именно в этот период времени в этом поселении появляется коммунальное самоуправление. К сожалению, точных данных о времени возникновения коммуны в Сончино источники не дают. Но по косвенным данным мы можем установить ориентировочное время появления самоуправления и его основные черты.

По документу 1170 года консулы Кремоны предоставляют небольшой коммуне Тиченго определенные привилегии – такие же, какими, согласно этому документу, обладают жители Сончино. В частности, в документе перечисляются некоторые подати (*fodrum, zovaticum*), от которых освобождены люди Сончино (*homines Soncini*).² Подобным является документ, датированный 1180 годом, по которому консулы Кремоны даруют проживающим в замке Бельфорт рыцарям и крестьянам свободу от податей, как это уже сделано в отношении Сончино, и разрешают им выбрать консулов.³ Ясно, что уже в 70-е годы XII века поселение Сончино обладало определенными правами и свободами, на которые ориентировались консулы при предоставлении льгот новообразующимся коммунаам.

Еще одним подтверждением этого предположения может служить документ 1189 года, уже упоминавшийся ранее. В этом

---

¹ АК I. № 94, а.1200. С.220. *iudice consulum Suncini*

² CDC I. № 263, а.1170. *Consules Cremone promittunt consilibus Ticengi quod tenebunt commune et homines Ticengi in illo honore in quem tenent homines Soncini, certis pactis et conditionibus.*

³ CDC I. № 361, а.1180. *Consules Cremone investiunt libertatem praestant cstro Belfort, ita ut milites et rustici ibi habitantes, sint liberi a fodro et iovatico et alius oneribus, ut Soncinum.*

документе зафиксировано освобождение жителей нескольких поселений кремонского дистрикта (Форново, Бариано, Моцаника) от разного рода податей и повинностей, взимавшихся кремонской коммуной. При этом жители этих коммун объявляются такими же свободными, «как люди Сончино».¹

Косвенным доказательством существования и функционирования в Сончино органов местного самоуправления являются упоминания в документах людей, занимающих определенные посты в местной администрации и выполняющих некоторые управленческие или вспомогательные функции. Большинство из этих упоминаний относится уже к XIII веку, самое раннее, и представляющее собой акт продажи земли жителем Сончино участка земли – к 1196 году. Среди свидетелей этой сделки назван некий Сатта Корерус (Satta Corerus)², по прозвищу которого можно предположить, что он выполнял функции гонца или посланника. Это предположение нуждается в подтверждении другими фактами, поскольку фамильное прозвище обычно отражало основной вид деятельности человека, а функции гонца, как правило, не могли быть источником существования.

Следовательно, можно с большой долей уверенности предположить что органы самоуправления существовали в поселении Сончино, по крайней мере, с конца 60-х годов XII века, то есть примерно с того же времени, что и в рассматривавшихся выше Форново и Караваджо. Становление коммун во многих поселениях Кремонской округи во второй половине XII века связано, возможно, с тем, что как мы знаем, в 1162 году Кремона получила от императора Фридриха II официальное признание за ней прав независимого города-коммуны. Скорее всего, это послужило своеобразным импульсом для жителей многих населенных пунктов округи к борьбе за свои права, результаты которой и были оформлены в виде создания коммунального управления в поселениях, в том числе – которые мы рассматривали.

Намного позже, как мы можем судить по кремонским материалам, возникли элементы самоуправления в поселении Пескароло. Упоминание о представителях органов самоуправления мы находим в документе, датированном 1249 годом, по которому аббатиса монастыря св. Иоанна уступила права на некоторые земли двум консулам Пескароло, выступавшим от имени людей

---

¹ АК I. № 69, а.1189. С.183-184. ...veluti videlicet homines de Soncino, eos liberos et absolutos fecit.

² АК I. № 82, а.1196. С.205.

этого поселения.¹ К сожалению, в этом документе не говорится ничего определенного о функциях, полномочиях и обязанностях консулов Пескароло, помимо того, что они могли выступать представителями всего населения (или некоторой его части) при заключении сделок по поводу земельных угодий, находившихся ранее в собственности монастыря и перешедших в пользование коммуны. Характер этого документа не позволяет ответить на вопрос, был ли монастырь св. Иоанна сеньором этой коммуны, и если да, то как были разграничены полномочия между аббатиссой монастыря и консулами Пескароло.

Среди грамот XIII века мы встречаем документ, датированный 1254 годом. Этот документ интересен тем, что в нем впервые упоминается должность подеста́ поселения Пескароло. Им назван Альберто де Гирольдис, который подтверждает дарение монастырю св. Иоанна графом Бернардом и графиней Бертой земель «внутри и вне замка» Пескароло.² Интересно отметить, что подеста подтверждает акт дарения, который состоялся еще в 1093 году. Возможно, монастырь св. Иоанна ввиду усиления коммуны Пескароло озаботился сохранностью прав на свои владения и потребовал от высшего должностного лица коммуны их подтверждения. К сожалению, характер документа не позволяет узнать: был ли этот подеста́ уроженцем Пескароло, выбранным самими жителями, или, как это часто случалось, был человеком, назначенным коммуной Кремоны.

Ответ на этот вопрос дает более поздний материал: документ от 1260 года позволяет выявить, что персону на должность подеста́ избиралась самими жителями Пескароло. Но эти выборы не были свободными, так как в документе сказано, что в этом году на должность подеста́ был избран прежний представитель кремонской коммуны, некий Иоанн Милкус.³ Нетрудно понять, что самоуправление общины Пескароло было ограничено со стороны кремонской коммуны, что выразилось, по крайней мере, в контроле за деятельностью коммунальных учреждений поселения представителем «большой» коммуны.

---

¹ CDC I. № 571, a.1249. *Castelana abbatissa et 32 sorores concedunt Finocro de Scinchis et Nigrebono de Morando, consulibus Pisscaroli, nomine hominum Pisscaroli usum et usufructum...*

² CDC I. № 631, a.1254. *Alberto de Girolidis, potestati Pisscaroli, petit et obtinet un autenticetur, donatio 1093, apr. 5, facta a Bernardo et Berta comitatibus monasterio S. Iohanni de porcione quam habebent intra et extra casttrum Pisscaroli.*

³ CDC I. № 732, a.1260. *nuncius praecipit Iohanni Milce, quem homines Pisscaroli in potestatem elegerant...*

Итак, исходя из кремонских материалов мы можем со значительной долей уверенности утверждать, что в середине XIII века все избранные нами для изучения поселения обладали статусом коммун и определенными правами самоуправления. Следует отметить, что три поселения (Форново, Караваджо и Сончино) обрели коммунальные учреждения примерно в одно время – во второй половине XII века. Намного позже, не ранее середины XIII века, статуса коммуны добилось Пескароло.

В целом именно в этом временном промежутке (вторая половина XII-XIII век) добиваются прав самоуправления многие другие поселения Кремонской округи. Кремонские акты позволяют с уверенностью говорить о существовании коммун (различной степени свободы) более чем в 20 поселениях, что составляет около 50% поселений. О других населенных пунктах документы, к сожалению, умалчивают. Многие поселения становились коммунами, одновременно обзаводясь, судя по документам, некими укреплениями. Это, например, поселения Тиченго¹, Казалебутано² и другие. В кремонских актах, к сожалению, не сохранились статуты таких коммун, за исключением статута коммуны Чиконьяра, о котором мы уже писали.

Нельзя сказать, насколько типичным или, напротив, нетипичным путем происходило обретение коммунальных свобод в наших поселениях, так как вопрос о том, как это было в случае с мелкими поселениями в других регионах Италии, исследователями специально не рассматривался. Как было выше отмечено, дело сводилось к вопросу о возникновении сельских коммун, и их коммунальные институты выводились либо из сохранившихся органов самоуправления деревенских общин³, либо объявлялись результатом политики больших городских коммун.⁴ Что касается других регионов Европы, то период XII-XIII веков определен учеными как один из этапов коммунальной борьбы городов, причем обычно городов крупных. Исключением является уже упоминавшееся исследование коммунального движения мелких городских центров южнофранцузской области Каркассэ,

---

¹ Известно с 1042 года (АК I. № 9, а,1042), коммуна возникла не позднее 1170 года.

² Известно с 1155 года (CDC I. № 117, а.1055), коммуна появилась не позднее 1198 года.

³ Брагина Л.М. Сельские коммуны в Северо-Восточной Италии... – С.291; Цыбенко О. Феодалное землевладение епископской церкви... – С.165-178.

⁴ Котельникова Л.А. Феодализм и город. – С.79-80.

предпринятое М.Е.Карпачевой-Беляевой.¹ На основании изученного материала исследователь делает вывод, что начало и активность борьбы жителей малых городков зависели от степени их экономического развития, но в целом их коммунальная борьба проходила те же этапы, что и в центре области – Каракассоне. Поскольку пик развития большинства мелких городков Каркассэ как ремесленных центров приходится на XIII-XIV века, то именно в это время они добиваются максимального признания своих свобод и вольностей и создают собственные органы самоуправления. При этом политическое развитие малых городов Каркассэ напрямую не зависело от коммунальной борьбы в Каракассоне. Это одно из главных отличий южнофранцузского региона от Северной Италии, где создание коммунальных учреждений в мелких поселениях напрямую зависело от силы и степени независимости «большой» коммуны.

Необходимо заметить, что данные о коммунальном управлении, о владении общинными угодьями, о наличии укреплений, которыми мы располагаем относительно рассматриваемых поселений, не дают нам полных оснований для ответа на вопрос: все ли эти поселения были сельскими коммунами с господством аграрных занятий населения или мы имеем дело с мелкими городками, где в особый вид деятельности выделились ремесленное и торговое занятия. Необходимо обратиться к документам в поисках сведений о занятиях жителей изучаемых поселений.

Кремонские акты содержат очень немногочисленные сведения о социально-профессиональном составе населения поселений Кремонской округи. Данные о профессиональной деятельности жителей округи можно в основном почерпнуть либо из списков свидетелей, либо из описания границ земельных участков, но эти сведения очень фрагментарны и отрывочны. В полной мере это касается поселений, выбранных нами для изучения. Хотя тщательное изучение источников позволяет сделать некоторые предположения и выводы.

В актах встречаются упоминания о жителях выбранных поселений как о представителях ремесленного и торгового населения. Наибольшее число упоминаний о ремесленниках мы встретили в отношении поселения Форново, благодаря тому, что среди актового материала сохранился перечень доходов, поступавших кремонскому епископу с его владений в Форново за 1176

---

¹ Карпачева-Беляева М.Е. Особенности освободительного движения в мелких городских центрах средневекового Каркассэ // Средневековый город. – Саратов, 1991. – Вып.10. – С.20-30.

год. Среди держателей епископа названы жители Форново, родовые прозвища которых предполагают занятия ремеслом. Это – мельники (Albertus Molinarius, Vitus Molinarius), кузнец (Petrus Ferarius), мясник (Girardus Carnelvalus). Кроме того, в перечне упоминаются лавочники (Iohannes Canevarius, Otto Canevarius).¹ Необходимо отметить, что за все держания, а это обычно от 2 до 4 усадеб, реже земельные участки, все перечисленные выше жители Форново выплачивали исключительно денежные чинши, тогда как со всех остальных держателей из этого перечня требовались натуральные выплаты. Поэтому можно предположить, что ремесленники и торговцы сами землю не обрабатывали. Перечисленные выше ремесленные специальности (мельник, кузнец, мясник) либо связаны с аграрной сырьевой базой, либо ориентированы на обслуживание как деревенского, так и не деревенского населения, что отражает типичную ситуацию малого городка.

Дополнительные аргументы в пользу этого предположения могут дать сведения о торговле. Именно о ее развитии свидетельствует упоминание о лавочниках. Есть и другие данные о торговле в Форново, обнаруженные в документах. Упоминание о рыночной площади в Форново мы находим в грамоте императора Генриха от 1055 года, которая согласно изданию Л.Астеджано была составлена «на рынке Форново» (in mercato Fornouo).² Что представлял собой этот рынок, по документу узнать невозможно. Но скорее всего, это был центр периодического местного обмена избыточной сельскохозяйственной продукции. Возможно, что впоследствии этот рынок не только сохранился, но и превратился в постоянно действующий. На это предположение наталкивает не только наличие лавочников в Форново, но и упоминание о рыночной площади в грамоте 1212 года при описании границ усадьбы, которую семья Карария передала кремонскому епископу.³

По данным кремонских материалов очень трудно определить численность жителей поселений Кремонской округи. Некоторый свет на этот вопрос проливают два документа конца XII века. Оба они представляют собой перечни доходов. В одном указаны доходы кремонского епископа за 1176 год с земель, которые держат от него в окрестностях Форново.⁴ Согласно этому

---

¹ АК I. № 51, а.1176. С.149.

² CDC I. № 115, а.1055.

³ АК I. № 119, а.1212. Una quarum iacet in loco Fornouo apud platea mercati Fornoui...

⁴ АК I. № 51, а.1176. С.148-153.

перечню держателями епископских земель являлись 96 глав семей в Форново. Второй перечень составлен в 1198 году и называет держателей земель кремонской коммуны в поселении Кастронуово¹ – всего 103 человека. Конечно, используя только эти перечни, нельзя установить точное количество жителей названных поселений. Тем не менее некоторые предположения сделать можно. Если предположить, что семья в период XI-XIII веков (время демографического роста) в среднем насчитывала 5 человек², то только по данным перечней число жителей Форново или Кастронуово составляло не менее 500 человек. Но при этом необходимо иметь в виду, что, скорее всего, далеко не все жители этих поселений были держателями, зависимыми от епископа или коммуны. Поэтому, несомненно, что общая численность населения была выше, но точное число жителей, используя наши документы, мы назвать не можем.

Таким образом, к началу XIII века поселение Форново было достаточно крупным населенным пунктом, в котором жили и работали представители, по крайней мере, нескольких ремесленных специальностей, с постоянно действующим рынком, имевшим укрепления и статус коммуны. Таким образом, по совокупности критериев мы с большой долей уверенности можем считать Форново малым городом.³ При этом, судя по упоминавшемуся выше перечню доходов, значительная часть населения Форново была по-прежнему занята сельским трудом.

Два других поселения – Сончино и Караваджо – в виду большого сходства в их развитии, мы будем рассматривать вместе. В них, судя по документам конца XII – середины XIII веков, также жили ремесленники. Посмотрим, каких специальностей. В документе, зафиксировавшем дарение жителем Кремоны в пользу церкви одного участка земли в Сончино, при описании границ участка среди владельцев соседних участков названы некие Калус де Калигариус и его сын Альберт Азини.⁴ Судя по всему,

---

¹ CDC I. № 601, а.1198.

² Такой коэффициент использует А.Л. Ястребицкая. См.: Ястребицкая А.Л. Средневековая Европа в свете историко-демографических социокультурных исследований // Средневековая Европа глазами современника и историка. Ч.2. Европейский мир X-XV вв. – М., 1992. – С.22.

³ Возможно, что определение «малый город» может быть использовано по отношению к Креме, но, во-первых, в кремонских актах не получил отражения уровень ее социально-экономического развития, во-вторых, в силу особых политических отношений с Кремоной мы не можем считать Крему и окружающую ее территорию частью Кремонской округи.

⁴ АК I. №№ 39-40, а.1170. С.130-132. Caluus de Calligariis et filius Alberti Asini.

владельцем этого участка земли являлся живший в Сончино сапожник, род занятий которого отразился в его фамильном прозвище.

В других документах мы встречаем указания на возможность существования в Сончино представителей другой ремесленной специальности – кузнецов. Так, в документе 1250 года некая Мария названа вдовой Иоанна Феррария и назначена опекуном своего сына.¹ В другом документе, датированном 1255 годом, среди жителей Сончино, приносящих клятву в соблюдении статута коммун, упоминаются некие Гвидо и Альбертат Феррарии.² Все это позволяет нам предположить о существовании в Сончино не просто представителей кузнечного ремесла, но и целых семей, занимавшихся этим видом деятельности. Кроме того, поскольку эти кузнецы названы среди тех немногих, кто приносил клятву от имени жителей Сончино, то, возможно, они занимали относительно высокое социальное положение в этом поселении.

В кременских документах мы встречаем упоминания о представителях несельскохозяйственных профессий, проживавших в Караваджо. Среди них были представители ремесленных специальностей – сапожники и кузнецы. В упоминавшемся уже документе 1182 года, по которому между коммунной Караваджо и епископом кременским было заключено соглашение, от имени коммун выступают трое консулов – Никола Калигарий, Пауципанн и Адам Калуус.³ Таким образом, из этого документа мы видим, что в Караваджо ремесленники не только были, но и занимали магистратуры в органах управления коммунной, поскольку Калигарий (Caligarius), слово, переводимое как «сапожник», является, скорее всего, прозвищем, основанном на действительном виде профессиональной деятельности.

О том, что в Караваджо были кузнецы, мы узнаем из двух других документов более позднего времени, а именно второй половины XIII века. В первом документе при описании границ земельных участков указывается, что с западной стороны находятся земли Тинкта Феррария из Караваджо⁴, а во втором с северной стороны описываемого участка находится владение или

---

¹ CDC I. № 588, a.1250. ...concedit Mariae, viduae Iohannis Ferarii, tutelam filiorum...

² CDC I. № 662, a.1255. Guido Ferarius et Albertatius Ferarius.

³ АК I. № 59, a.1182. С.166-169.

⁴ АК II. № 39, a.1272. С.117-118. a sero Tinctus Ferarius de Caravagio.

держание Ансельма Феррария из Караваджо.¹ Интересно то, что ни один из участков, о которых идет речь в этих документах, не располагается непосредственно в окрестностях Караваджо. В первом случае участки находятся в курии Форново, а во втором – в куриях Форново и Моцаники. К сожалению, из текста документа неясно, кто обрабатывал эти участки и какое место занимали аграрные занятия в жизни этих сапожников.

Попытаемся из наших источников выяснить, была ли в этих двух поселениях какая-либо торговая деятельность. Косвенные данные относительно Сончино содержит документ 1210 года, представляющий собой акт продажи участка земли в Сончино. При заключении этого акта в замке Сончино присутствовало двое свидетелей. Имя одного из них прочесть невозможно, вторым же являлся некий Георгий Маркато.² Судя по фамильному прозвищу этого свидетеля, либо он сам, либо его непосредственные предки занимались торговлей. Кроме того, выступая в качестве свидетеля, он, возможно, имел некий повышенный социальный статус, хотя прямых данных на этот счет нет.

О торговой деятельности жителей Караваджо мы можем судить тоже только на основании косвенных данных. В 1272 году прокуратор кремонского епископа Бонамат де Каваллис инвестировал жителей Караваджо Альбертина, сына Альберта Богиона, Гирарада Мангена и Гирарда, сына Ланфранга Поккопагия двумя участками луга. В качестве платы за инвестицию Бонамат де Каваллис получил 1 фунт перца. Возможно, что получатели инвестиции были достаточно связаны с торговлей и рынком, поскольку плату они внесли даже не деньгами, а заморским товаром – перцем.

Еще одно подтверждение нашего предположения о развитии в Караваджо товарно-денежных отношений основывается на том, что кремонские акты позволяют думать, что в Караваджо жили не только ремесленники, но и представители других несельскохозяйственных профессий. В данном случае речь идет о нотариях, точнее целой династии нотариев, так как эта должность переходила в одной и той же семье де Прата от одного поколения к другому. Так, мы встречаем документ 1221 года, составленный нотарием Андреасом де Прата из Караваджо.³ А среди актов инвестиции 70-х годов XIII века, оформленных в

---

¹ АК II. № 40, а.1272. С.118-119. *et a monte heres quondam Anselmi Ferarii de Caravagio.*

² АК I. № 114, а.1210. С.246. *Georii Marcato et ..., rogati testes.*

³ АК I. № 129, а.1221. С.169-170.

Караваджо, мы видим подписи его сына – Бонета де Прата.¹ Этот нотариус в отличие от большинства других, оформлявших документы кремонской епископии, не подписался титулом (*notarius sacri palatii, imperatoris notarius* и тому подобные) и не указал, как часто делалось, своей должности при епископе, коммуне или императоре. Возможно, что это был рядовой нотариус, живший и занимавшийся делами именно в этой местности, конечно, при условии, что здесь существовала потребность в деятельности нотариуса, то есть при достаточно большом населении и хорошо развитых товарно-денежных отношениях. О значительности для жизнедеятельности поселения самого института нотариата говорит и тот факт, что нотариус был достаточно богатым человеком и имел земли в близлежащей от городка округе.²

Таким образом, на основании документов можно предположить, что по уровню развития ремесла и торговли Караваджо и Сончино в XIII веке находились примерно на одном уровне, который был ниже, чем в рассматривавшемся выше Форново. Степень развития ремесла (наличие наиболее распространенных обслуживающих специальностей – сапожники, кузнецы) и торговой деятельности позволяют отнести эти поселения к полуаграрным-полуремесленным местечкам, имевшим определенные условия (наличие укреплений, коммунальных свобод) для возможного превращения их в небольшие городки.

Что касается других поселений Кремонской округи, то сведений об их ремесленном и торговом населении в источниках немного и встречается применительно к очень небольшому числу поселений. Круг встречаемых ремесленных специальностей также очень узок: по одному кузнецу в поселениях Кастронуово³, Моцаника⁴, Пьядена⁵, Казалебутано⁶, Солароло⁷, Соммо⁸, двоих кузнецов называет документ 1298 года как свидетелей из местности Сесто.⁹

Кроме кузнецов мы находим также одного пекаря в поселении Иовизальта¹⁰, возможно, портного в Кастронуово¹. Этим

---

¹ АК II. №№ 41-45, а.1272. С.120-125.

² АК II. № 43, а.1272. С.122.

³ CDC I. № 601, а.1198. *Lantelmus Ferrarius in Castrum Novum.*

⁴ АК I. № 91, а.1200. *Albertus Guydoni Ferrarius de loco Mozzanica...*

⁵ АК I. № 104, а.1207. ... *in curte Platine Basilus Ferrarius.*

⁶ CDC I. № 85, а.1208. ... *Girardino f.q. Syli Ferrarii de Casalebutano.*

⁷ CDC I. № 577, а.1250. ...*Oliverius f.q. Ferraria de Solarolo.*

⁸ CDC I. № 1158, а.1299. ...*Simonem ferarium de Summo.*

⁹ CDC I. № 1154, а.1198. ...*Gerardus de Ferrarius et Stefanus de Ferrarius, testis.*

¹⁰ АК I. № 75, 1192. ...*presentia Iacobi de Pistore.*

сведения о ремесленниках, действовавших в поселениях Кремонской округи в рассматриваемое время, ограничиваются

Данных о развитии торговли и наличии профессиональных торговцев в поселениях округи по документам также извлечь можно очень немного: один лавочник был в Моцанике², по одному – в Кастронуово³ и в Казалемаджоро⁴.

Таким образом, мы можем точно утверждать, что только в этих поселениях в период XI-XIII веков были развиты элементы ремесла, и с меньшей степенью уверенности – торговли. Возможно, эти поселения по своему типу были схожи с более подробно рассмотренными выше Караваджо и Сончино и представляли собой полуаграрные-полугородские местечки с большей или меньшей возможностью дальнейшего развития в именно городские поселения.

Так или иначе, но из всех упоминавшихся выше поселений только относительно Форново мы можем сказать, что оно достигло уровня малого города. Возможно, что некоторые поселения очень близко подошли в своем развитии к грани отделяющей сельское поселение от городского, но в полной мере в рассматриваемый период реализовать существовавшие возможности городского развития не смогли и не являлись малыми городами в полном смысле этого слова.

В отличие от рассмотренных выше поселений в кремонских актах, связанных с Пескароло, мы не нашли ни одного упоминания о ремесленниках или торговцах. Что касается представителей других несельскохозяйственных профессий, то документах XIII века мы встречаем постоянные упоминания имен двух нотариусов – Гомобона и Бартоломея, носящих фамилию или прозвище *de Pescarolo*. Но мы можем предполагать, что деятельность этих нотариусов не связана непосредственно с жизнью поселения Пескароло. Такое предположение подтверждается как званиями этих нотариусов, так и содержанием актов, которые они оформляли. Так, Гомобон выступает как нотариус легата императора и магдебургского архиепископа Альберта.⁵ В свою очередь,

---

¹ АК I. № 88, a.1197. *Dominus episcopi investivit 1 bibulce de terrae Vgo Robare...*

² АК I. № 91, a.1200. ... *Petrus Canevario de loco Mozzanica.*

³ АК I. № 156, a.1227. ... *donini Guidi Canevarii, testis.*

⁴ АК II. № 91, a.1233. ... *domini Girardum de Canevariis de Casale Maggiore.*

⁵ АК I. № 137, a.1222. C.280. *Ego Homobonus de Pescarolo, domini Alberti, Magdeburgensium archiepiscopi et imperatori magestatis legati, notarius.*

Бартоломей именуется себя в документах нотариусом императора Генриха.¹ Скорее всего, все документы, оформленные этими нотариусами и зафиксировавшие самые разнообразные сделки, не имеют отношения к поселению Пескароло. Все позволяет нам сделать предположение, что если даже эти нотариусы были выходцами из Пескароло, то возможностей приложить свои знания и профессиональные умения в своем родном поселении у них не находилось. Значит, поселение было невелико и сделки разного рода не стали там частью повседневной жизни.

Таким образом, на основании изученных документов с большой долей уверенности можно утверждать, что по своему характеру Пескароло, скорее всего, сохраняло в течение рассматриваемого периода черты аграрного поселения со слабым или незначительным развитием товарно-денежных отношений, не позволяющим проявляться в нем урбанизационным процессам. При этом подобное утверждение не опровергается ни наличием крепостных укреплений в данном поселении, ни фактом существования коммунальных учреждений, поскольку, как уже давно выявлено, для Италии периода развитого средневековья, особенно северной ее части, характерно распространение значительного количества сельских коммун, зачастую обнесенных стенами.

К подобному типу относилось, видимо, большинство упоминаемых в актах поселений. Скорее всего, большинство из них сохраняло аграрный характер, подобно рассмотренному выше Пескароло или упоминавшейся сельской коммуне Чиконьяра. Еще одним ярким подтверждением этому может служить документ, составленный в 1254 году, согласно которому мастер кремонского цеха кузнецов обещает консулу коммуну св. Юлиана оставаться в этом поселении (около 10 км от Кремоны) до ближайших мартовских календ с тем, чтобы выполнить всю старую и новую работу, относящуюся к кузнечному делу: восстановить мотыги, топоры и другие железные орудия.² Следовательно, в этом поселении не было даже своего кузнеца для починки сельскохозяйственных орудий.

Подведем некоторые итоги. Как мы выяснили, большинство поселений Кремонской округи к концу XII века имели определенные укрепления, что было общим явлением для большинства поселений Италии в тот период. Во второй половине XII

---

¹ АК I. № 132, а.1221; № 134, а.1221; № 135, а.1222; № 139, а.1223; №№ 141-147, а.1224; №№ 150-154, а.1225-1226. Ego Bartholomeus de Pescarolo, domini Henrici imperatoris notarius.

² CDC I. № 632, а.1254.

века происходит постепенное приобретение этими укрепленными поселениями статуса коммун и собственных органов управления. Эти процессы также характерны для всех областей Северной Италии в целом. Необходимо отметить, что среди подробно рассмотренных поселений раньше всех коммунального устройства добилось поселение Караваджо, а позже всех (и то ограниченного) – Пескароло. Что же касается городского развития, то малым городом по совокупности признаков можно назвать только Форново. Остальные же из рассматриваемых поселений, судя по всему, не смогли даже в XIII веке стать полноценными городками. Самое большое, чего достигли некоторые поселения, – это развитие обслуживающего ремесла и местной торговли, то есть превратились в полуаграрные-полуремесленные торговые местечки. Большая же часть поселений Кремонской округи не обладала даже этими признаками, оставаясь аграрными поселениями, даже имея укрепления и (или) юридический статус коммуны.

На основании всего вышеизложенного можно выделить следующие типы поселений, получившие отражение в наших источниках. Во-первых – это Кремона, крупный региональный центр, безусловно, господствовавший в округе экономически и политически. Во-вторых, к XIII веку как малый город сложилось поселение Форново. Очень близко по своему характеру к Форново подошли полугородские-полуаграрные местечки (более 10), которые имели потенциальную возможность для развития в поселение городского типа, для превращения в малые города. И наконец, остальные поселения, даже обладая статусом коммуны, видимо, сохраняли в основном аграрный характер, подавляющее большинство их жителей занималось сельскохозяйственным трудом, по крайней мере, в рассматриваемый период.

Возможно, что такая неравномерность в развитии поселений Кремонской округи зависела и от их пространственного положения по отношению к центру – Кремоне. Необходимо отметить, что все поселения, которые мы охарактеризовали как имеющие элементы ремесла и торговли, находились на значительном расстоянии от Кремоны – не менее 30 км, а то и больше. В то же время большая часть поселений Кремонской округи располагалась не далее, чем в 10 км от центра области, оказываясь полностью вовлеченной в орбиту хозяйственной деятельности Кремоны.

Итак, конкретный материал Кремонской округи показывает, что большинство поселений, в которых существовали элементы ремесленного производства и торговли и которые имели

потенции стать городскими поселениями, на период XII-XIII веков не реализовали такой возможности. Но в целом развитие многих поселений шло именно в направлении городского развития. Как известно, в конце XII-XIII веках Кремона превратилась в крупный центр сукноделия и льноткачества, который сохранял свое значение не только в XIV, но и в XV веке, в отличие от многих других итальянских городов.¹ Тем более удивительно, что ни в одном из рассмотренных поселений мы не встретили ни одного упоминания о жителях, чья деятельность так или иначе была бы связана с сукноделием – ведущей ремесленной специальностью региона.

Нам думается, это можно объяснить тем, что крупный региональный центр – Кремона – объективно препятствовал росту мелких городских центров, как бы «оттягивая» на себя массу ремесленного и торгового населения округа. Необходимо отметить, что такая ситуация коренным образом отличалась от Южной Франции, где мелкие поселения наиболее изучены. В районе Каркассэ значительное развитие ремесла (причем высокопроизводительного, ориентированного даже на европейский рынок) отмечается в нескольких мелких городках, которые сохраняли свою живучесть вопреки и опустошительным альбигойским войнам, и разорительной деятельности инквизиции.² Возможно, такое отличие области Каркассэ от Кремонской округа объясняется меньшим развитием Каркассона, который оставлял более мелким поселениям «ниши» для развития их ремесла. Этого нельзя сказать о Кремоне, которая, судя по материалам, наоборот, «подавляла» своей мощью возможности ремесленного развития в мелких поселениях округа и тем самым замедляла их развитие как небольших городских центров.

3. Поселения Кремонской округи XI-XIII веков как объекты военно-политического соперничества

Как уже было показано ранее, на землях Кремонской округи в XI-XII веках происходил постоянный процесс перераспределения собственности между тремя основными группами собственников – епископией, светскими феодалами и коммуной

---

¹ Дорощеева М.М. Город и эволюция феодальных поземельных отношений... – С.178.

² Карпачева М.Е. Становление ремесленно-торговой экономики в мелких городских центрах... – С.34-54.

Кремоны. Каждый стремился упрочить свое влияние как в округе в целом, так и отдельных поселениях. Наиболее отчетливо эту борьбу можно увидеть на примере наиболее удаленных и пограничных поселений, к контролю над которыми стремились, как мы увидим, самые различные заинтересованные силы Кремоны и округа.

Попытаемся на основе кремонских материалов проследить, какую роль играли пограничные поселения в политических отношениях, а самое главное – каковы были последствия политических событий и конфликтов, в которые оказывались вовлечены эти поселения Кремонской округи, для их дальнейшего развития. Мы намеренно будем придерживаться событийной хронологии, чтобы показать, в какие совершенно разные политические ситуации попадали приграничные поселения, с каких разных сторон закруживали их военные и политические вихри.

Наиболее активно борьба за пограничные поселения развивается в XII-XIII веках, отличавшихся, как мы выявили, значительной политической нестабильностью в самой Кремоне. Напомним, что кремонские епископы, потеряв свое влияние в самом городе, сохранили значительные земельные владения в округе. Кремонская епископия стремилась за счет нее упрочить свое положение, и это особенно отчетливо проявилось в отношении пограничных поселений, в частности маленького городка Форново.

Скорее всего, именно этими обстоятельствами руководствовался епископ, собираясь в 1189 году строить в Форново замок, о чем свидетельствует одна из грамот.¹

Стремление епископа укрепить свое положение в поселении и местности, где он имел значительные земельные владения (об этом свидетельствует уже упоминавшийся нами перечень доходов епископа с Форново²), с помощью строительства замка понять вроде бы несложно. Но эта ясность исчезает, если учесть, что в нашем распоряжении есть документы, свидетельствующие о том, что в этом поселении уже были в более раннее время построены укрепления. В частности, какой-то замок в Форново упоминается в документах, датированных 1119³,

---

¹ Мы уже выше говорили об этом документе, по которому епископ предоставлял консулам Форново право суда во время его отсутствия, а также уступал право корчевать ивняк с выплатой в течение 12 лет десятины епископу, по истечении которых он переходил в собственность коммуны Форново. См.: АК I. № 71, а.1189. – С.186-187.

² АК I. № 51, а.1176. С.148-153.

³ АК I. № 19, а.1119. С.101. Actum feliciter in castro de Fornouo.

1159¹ и 1176² годами. Таким образом, замок в Форново существовал как минимум за 70 лет до епископа Сикарда и продолжал существовать еще 11 лет при нем до попытки строительства нового замка.

Для чего, казалось бы, могло понадобиться кремонскому епископу строить замок в местности, где уже один был? Подчеркнем, что в источниках говорится не о расширении или укреплении уже существующего замка, а именно о постройке нового. Можно было бы предположить, что прежний замок был разрушен или захвачен во время многочисленных междоусобиц. Но это не получило никакого отражения в документах или хрониках: о таком немаловажном для кремонской епископии событии, случись оно, обязательно были бы упоминания. Сомнительно также, чтобы этот замок был разрушен во время военного вторжения. Правда, именно на вторую половину XII века приходится шесть опустошительных походов Фридриха Барбароссы в Северную Италию, во время которых были разрушены Крема и Милан – как самый активный и опасный противник императора. Но вряд ли территорию кремонского дистрикта могли затронуть значительные разрушения, поскольку Кремона длительное время была наиболее надежной опорой императорской партии в Ломбардии. И даже когда впоследствии Кремона присоединилась к противостоящей императорам Ломбардской лиге, это не вызвало каких-либо репрессий ни со стороны Фридриха I (1152-1190), ни со стороны его сына Генриха VI (1190-1197).

На некоторые размышления наводит еще один документ, сохранившийся среди кремонских актов. Этот документ (на него мы уже ссылались выше) датирован полугодом ранее епископской грамоты о постройке нового замка, 7 февраля 1189 года. Согласно нему кремонский подеста граф Гирард именем коммуны на народном собрании освобождает жителей Форново, Барриано и Моцаники от различных податей, относящихся к коммуне – постоя, фуража и иных натуральных поборов и обязательств.³ Кроме того, в документе есть интересная оговорка, что от этих податей освобождаются также те, кто поселится в местах, обустроенных в этих поселениях по воле кремонского епископа.

Эти два документа – грамота епископа и освобождение от податей – очень интересны в плане отношения центра округа к

---

¹ CDC I. № 186, а.1159. P.124. ...homines tui de castro Fornouo.

² АК I. № 51, а.1176. С.152. ...pro sedimine castri.

³ АК I. № 69, а.1189. С.183-184.

пограничному поселению. С одной стороны, коммуна Кремоны и епископ выступают как соперники: скорее всего, строительство епископом нового замка на территории уже существовавшей коммуны Форново и предоставление консулам судебных привилегий имело целью усилить там его влияние в противовес коммуне Кремоны. В свою очередь, городская коммуна хотела бы, чтобы население построенных епископом крепостей и замков было на ее стороне и, видимо, добивалась этого сокращением или отменой податей, шедших прежде в ее пользу. Но с другой стороны, объективно и епископ, и коммуна добиваются одной цели: создания и укрепления опорных пунктов на границе кремонских владений, необходимых в период частых тогда военных нашествий.

Итак, в данном случае в отношении пограничного поселения сталкиваются интересы епископа и коммуны, и каждая из сторон на свой лад стремится укрепить собственные позиции.

Что касается замка, который собирался в Форново строить епископ Сикард в 1189 году, то, к сожалению, по кремонским материалам мы не можем проследить, был ли он построен. Но, независимо от этого в конце XII века, кремонские епископы сохраняли достаточно сильные позиции. Подтверждением может служить, например, документ от 1196 года. По этому документу четверо членов графской семьи Карария, а именно Райнерий, Лодоренг, Уригон и Бергунгон признают, что являются вассалами господина епископа (*esse vasallos isti domini*) и держат от него феоды в Караваджо, Максано, Форново и других местностях. Значит, в конце XII века у епископа сохраняются немалые владения в поселениях округа и немалая власть как сеньора над графами-вассалами.

Особенно для нас интересно подтверждение одного из членов семьи Карария, что эта семья держит как феодал от епископии усадьбу в Форново размером в три югера, в которой находятся виноградник, луг и пашня (*In curte Fori Novi sedimin et vinea et pratum et terra aratoria, totum una pecia tria iugera...*). Из документа мы можем узнать, что в Форново у семьи Карария в качестве феодала были еще усадьбы (*aliud sedimen*), причем одна из них расположена непосредственно в замке (*in castri Fori Novi*).¹ К сожалению, из этого источника нельзя узнать, какой замок здесь имелся в виду: издавна существовавший или построенный по воле епископа Сикарда после 1189 года. Так или иначе, не-

---

¹ АК I. №№ 84-85, а.1196. С.206-207.

сомненно, что епископы сохраняли на рубеже XII-XIII веков свои владения и свое влияние в поселении Форново.

Через несколько лет мы вновь встречаем в документах упоминание о Форново, на этот раз в связи с его ближайшим соседом – коммунной Караваджо. Этот интересный документ относится к 1218 году и составлен в Караваджо. В документе говорится, что Роглерий де Юдисцибус, капеллан кремонского епископа Гомобона, от его имени «на общем собрании, созванном через скороходов и колокольный звон» (*in publica contione coadunata per corregios et campanas*) разрешает жителей Караваджо от церковного отлучения, «под которым они были за вред, нанесенный местности и территории Форново».¹ К сожалению, в документе не говорится, какой именно ущерб был причинен Форново, но ясно, что речь идет о нападении. Не можем мы узнать и точной даты, когда Форново подвергся нападению со стороны соседнего поселения, и его побудительных мотивов, но очевидно, что произошло оно раньше, чем был составлен этот документ. Как мы уже знаем, и Форново, и Караваджо были укрепленными местечками, в которых были развиты элементы ремесленного производства. Кроме того, нам известно, что в Форново, скорее всего, действовал постоянный рынок. Коммуны в обоих поселениях возникли примерно во второй половине XII века, причем верховным сеньором коммуны Форново оставался епископ, кому же подчинялась коммуна Караваджо, неизвестно. Эти два местечка были очень близко расположены друг от друга – расстояние между ними составляло не более 5 км, и, возможно, причиной таких событий послужили противоречия между жителями коммун, соперничавших в распространении влияния на ближайшую деревенскую округу. Так или иначе, но столкновение интересов двух поселений, вылившееся в прямое нападение, явилось, как мы увидим, звеном в целой цепи событий, результат которых был для Форново неутешительным. С точки же зрения политических взаимоотношений перед нами иной вариант соперничества и борьбы – между самими поселениями, то есть борьбы междоусобной, внутренней.

Буквально через 9 лет после снятия отлучения с жителей Караваджо из-за их враждебных действий по отношению к Форново в кремонских актах вновь появляются отголоски печальных для этого городка событий. В 1227 году в Милане кремонские послы Генрих Адвокатус и Анзелерио Ольдоини предъявили

---

¹ CDC I. № 252, a.1218. P.233; AK I. № 129, a.1218. C.269-270. ...in qua ipsi erant propter damna data in loco et teretorio Fornoui.

официальный протест миланскому подеста и совету города по поводу того, что миланские вооруженные отряды во главе с Видоном де Пресвитеро и Пативольдом де Пативольдо напали на местность Форново (*in terra et loco Fornouo*) и учинили там «грабеж и другие злодеяния», причинив большой вред местности и проживающим там людям.¹ Причем, по словам послов, миланцы не только угоняли скот (быков, коров и лошадей), но жестоко избили и ранили двоих людей и даже «младенцев выбрасывали из колыбелей»². Послы потребовали возмещения ущерба, на что совет и подеста Милана согласились и постановили создать комиссию для «справедливого разбора дела», в которую должны были войти двое миланских «мудрых мужей» и двое кременцев.³

Как известно, Кремона в начале XIII века традиционно придерживалась гибеллинской позиции, и ее помощь Фридриху II, тогда еще королю, вызвала войну между ней и Миланом. Несколько лет продолжались столкновения между ломбардскими городами (с одной стороны – Кремона, Парма, Реджо, Модена, с другой – Милан, Пьяченца, Комо, Лоди, Павия), пока за дело мира и всеобщего согласия не взялся такой искусный политик, как кардинал остийский Уголино (с 1227 года – папа Григорий IX).

Но, судя по приведенному выше документу, заключение официального мира не мешало миланским рыцарям совершать набеги на кременские земли, при этом, естественно, больше всего страдали пограничные поселения, в данном случае – Форново. Несомненно, что такие события не могли не сказаться отрицательно на развитии этого поселения. Перед нами еще один вариант политической борьбы, на этот раз – нападение чужаков, внешних врагов, явно ради ущемления и ослабления сил соперника. Остается удивляться, какие только вихри и бури не закруживались вокруг, казалось бы, рядового маленького городка, чья судьба явно определялась пограничным положением.

---

¹ CDC I.№ 439, a.1227. P.258. *Dominus Henricus Advocatus et domino Anzelerio Oldoini, amaxatores communis Cremonae, i pleno consilio civitatis Mediolane super robaria et preda et violencia facta in terra et loco Furnovi et hominibus ipsius loci, per Widonem de Presbitero et Pativoldum de Pativoldis, et per illos milites et pedites arcatores...*

² CDC I.№ 439, a.1227. P.258. *...et non solum acceperunt boves et vaccas et equos, verum etiam duos ex bonis hominibus illius loci acriter percusserunt et vulneraverunt, et quendam alium puerum iacentem ex cuna.*

³ CDC I.№ 439, a.1227. P.258. *...et consilium et potestas assentiunt, dicentes quod parati erant eligere duo sapientes nomines qui cum duobus Cremonensibus debeant ordinare de ratione facienda Cremonensibus.*

Прошло всего 3 года, и вновь Форново появляется в документах, на этот раз – в связи со строительством там очередного замка. Только на этот раз его начали строить графы Камиксано. Из более ранних документов известно, что Камиксано являлись знатным феодальным родом, имевшим земельные владения не только в кременонской области. Впервые имя графов Камиксано встречается в документе, датированном 1184 годом.¹ Из него и последующих документов мы можем определить, что большая часть земель графов Камиксано располагалась вокруг Кремы, то есть в Кременонской округе. Необходимо отметить, что острота ситуации состояла в том, что в период гвельфско-гибеллинских войн второй половины XII века Крема традиционно поддерживала Милан, в котором она видела защитника от постоянных претензий со стороны Кремоны. Возможно, именно этими обстоятельствами объясняется тот факт, что в документе, относящемся к 1235 году, графы Камиксано названы горожанами Милана.² Можно предположить также, что если первоначально эта семья владела землями в самой в Креме и ее ближайшей округе, то в «смутное время» подчинения Кремы и ее владений Кремоны, то есть в начале XIII века, графы могли разными способами, в том числе и прямым захватом, распространить свое влияние на земельные владения непосредственно в кременонском дистрикте, в частности в Форново.

Сведения о том, что графы Камиксано строят в этом самом Форново замок, обнаруживаются в жалобе, которую кременонский епископ Гомобон подает в 1230 году папе Григорию IX (1227-1241) и императору Фридриху II. В ней заявлено, что графы незаконно строят замок в Форново на территории, принадлежащей кременонской епископии. Возникает вопрос, почему епископ обратился с жалобой не только к папе главе как церковной корпорации, но и к императору? Скорее всего, существуют две причины. Во-первых, Кремона не вошла во вторую Ломбардскую лигу, созданную в 1226 году и действовавшую против императора. Она долгое время продолжала считаться верной сторонницей гибеллинской партии. Во-вторых, этот период итальянской истории характеризуется попыткой соглашения между императорами и папами, и обращение к тому и другому могло оказаться действенней, чем к кому-то одному. Итак, на этот раз сталкиваются епископы и влиятельные светские аристократы

---

¹ CDC I. № 409, а.1184. P.160.

² АК II. № 11, а.1235. С.73-74.

В ответ на жалобу Григорий IX назначил для рассмотрения этого дела епископа пармского Грация, а император Фридрих II подтвердил назначение епископа и, в свою очередь, назначил для разбирательства пармского горожанина Лаврентия де Гвадзоне. Судя по грамоте, составленной епископским нотариусом, 13 и 14 декабря 1230 года во владениях графов Камиксано послом пармского епископа Фомой Соскальком графам (упомянуто четырнадцать имен) были зачитаны два послания от епископа Грация, первое из которых содержало текст папской буллы, а второе – текст императорской грамоты. Ясно, что посол действовал сразу от имени и светской, и церковной верховной власти.

Документ подтверждает наши предположения, что графы Камиксано имели в то время весьма большие владения в кремонской округе: посол пармского епископа зачитывал послания в нескольких местах тем или другим представителям графской семьи – например, в поселениях Колонья, Казалис и в самой Креме.¹ Как очевидно из описанной процедуры, и римский папа, и император, к которым обратился кремонский епископ с жалобой на незаконные действия со стороны графов Камиксано, приняли сторону епископа. При этом папа Григорий IX занял достаточно жесткую позицию по отношению к нарушителям прав епископа, а следовательно, и прав церкви в целом. В булле он грозил принять очень суровые меры – применить отлучение от церкви не только индивидуального порядка (*excommunication*), но и в массовом отношении, видимо, к жителям графских владений (*interdiction*) в том случае, если графы Камиксано не возместят тот ущерб, который они нанесли владениям кремонского епископа.

Германский император повел себя подобным же образом: назначил своего представителя, которому поручил рассмотрение этого дела и, кроме того, обещал кремонскому епископу не допускать к своей аудиенции никого из графов Камиксано.² Графам Камиксано давался десятидневный срок для «сердечного» раскаяния и возмещения убытков кремонскому епископу.

Но из документов более позднего времени удастся выявить, что столь сильные угрозы не повлияли на настойчивое стремление графского семейства обосноваться в Форново. И через полгода с небольшим начинается новый виток конфликта между феодальными сеньорами и епископией. Для упрочения

---

¹ АК II. № 5, а 1230. С.65-67.

² АК II. № 5, 1230. С.65-67. ... di cetero ut iteratus clamor proinde ad nostram audienciam non accedat.

своего положения кремонский епископ добивается официально-го объявления и подтверждения своих прав на земли в Форново, ставшие объектом интереса графов. Епископ делает все, чтобы доказать, что земли, занятые под строительство замка, давно принадлежат кремонской церкви. В кремонский дворец епископа 2 августа 1231 года приглашается (или вызывается) Видзард, сын Уригона де Карария, и дает свидетельские показания, что тот участок земли, на котором графы Камиксано построили замок, а именно – пашня, луг и виноградник, всего три югера земли, на самом деле была феодем, который семья де Карария держала от кремонского епископа, и вернул его епископу.¹ Итак, мы наконец узнаем из-за чего же идет спор: из-за 3 югеров (2,88 га) весьма ценного участка. В любом случае достаточно ценного, чтобы играть роль пожалования в феоде.

К сожалению, в показаниях не названы ни время получения феода, ни время его возвращения. Чтобы точнее понять ситуацию, попробуем выяснить, не было ли само свидетельство услугой епископу и имело ли место само пожалование.

Документы показывают, что семейство Карария было давно связано всякого рода договорами с кремонскими епископами. С середины XII века между ними возникают сделки обмена земельных владений, связанные с пожалованием феофов, и отношения прямой вассальной зависимости.² Примерно в те времена, когда епископ Сикард собирался строить новый замок в Форново, Карария становятся графами: по крайней мере, впервые они так названы в упоминавшемся документе 1196 года. Оформлен документ, кстати, все в том же Форново.³

К одному разделу этого документа мы бы хотели еще раз вернуться: какой-то из членов семьи Карария подтверждает в нем, что его семья держит как феоде от епископии усадьбу в Форново размером в три югера, в составе которой находятся виноградник, луг и пашня. Так не этот ли феоде стал объектом притязаний графов Камиксано и местом строительства их замка? К сожалению, документ дает нам подтверждение существования феода в руках Карария в 1196 году, но вот что с ним произошло дальше неясно. Да и нельзя совершенно исключать, что другие феоды могли оказаться подобного размера и структуры.

Но очень похоже, что перед нами все-таки «спорный» феоде. Дело в том, что через 15 лет – в 1211 году – несколько

---

¹ АК II. № 6, а.1231. С.67-68.

² АК I. № 29, а.1152. С.115-116.

³ АК I. №№ 84-85, а.1196. С.206-207.

членов рода Карария – Лодоренг, Далмаций, Гидий, Рогерий и Гвициард отступаются в пользу кремонской епископии от десяти югеров земли, включавших в себя пашню и луг, и от двух усадебных участков, один из которых расположен «в местности Форново возле рыночной площади», а другой – «в местности Максанелло». За эти земли «названные Карарии» получили от епископа 33 фунта.¹

Итак, опять пашня и луг, опять усадьба. Размеры уступленных владений – 10 югеров: в них вполне могли оказаться включенными те самые 3 югера. Не совсем понятно, о какой именно усадьбе в Форново идет речь, но из более ранних документов видно, что замок в Форново представлял собой достаточно неоднородный комплекс, включавший в себя помимо укреплений целые усадьбы.² И семье Карария принадлежали усадьбы как внутри замка, так и за его пределами, среди окружающих замок земель. Скорее всего, об одной из таких усадеб, располагавшихся вблизи замка, здесь и идет речь. Таким образом, все эти документы могли подтверждать право кремонского епископа на те земельные владения, которые какое-то время держал в качестве «отцовского» феода род Карария и которые захватили графы Камиксано под строительство замка.

Но, несмотря на несомненность этих прав, графы Камиксано, по-видимому, не собирались выполнять требования кремонского епископа и отказались подчиниться епископу пармскому, которому, как было выше сказано, папа поручил рассмотрение этой тяжбы. Поэтому среди документов кремонской епископии мы встречаем новую грамоту, которая на этот раз была составлена в Милане (дело в том, что графы Камиксано как миланские граждане подлежали прежде всего юрисдикции миланского архиепископа). И 10 августа 1231 года в Милане, в церкви блаженного Лаврентия в присутствии множества свидетелей и при звоне колоколов архиепископ миланский Гвильгельм объявил об отлучении от церкви сразу двадцати представителей семьи Камиксано. Причиной такой суровой меры стало неповиновение пармскому епископу, которому римским папой было поручено разобрать дело между кремонским епископом Гомобоном и графами Камиксано.³

Казалось бы, после этого непокорный род должен был смириться и вернуть кремонской епископии занятые им земли. Но

---

¹ АК I. № 119, а.1211. С.251.

² АК I. № 51, а.1176. С.149.

³ АК II. № 7, а.1231. С.68-69.

конфликт не разрешился, и через четыре года папа Григорий IX вынужден был вновь в него вмешаться. Чем была вызвана такая твердость и настойчивость графов Камиксано при отстаивании своих интересов, на чем она основывалась, если они не побоялись даже церковного отлучения? Проиигнорировать такую серьезную меру можно было только рассчитывая на какие-то особые обстоятельства, например чье-либо высокое и надежное покровительство. В связи с политическими событиями в Италии тех лет возникает одно предположение. Дело в том, что в 1231-1232 годах в Северную Италию с войском в очередной раз пришел Фридрих II, и, возможно, именно с этим фактом связана такая уверенность графов Камиксано. Но это только предположение: ведь именно к германскому императору обратился в свое время кремонский епископ с жалобой на графов, и тот обещал кремонской церкви свою поддержку и даже назначил своего представителя, Лаврентия де Гвадзоне, для рассмотрения этого дела.

Так или иначе, но 30 мая 1235 года папа Григорий IX был вынужден издать еще одну буллу, теперь в Перудже, касавшуюся тяжбы между кремонской епископией и графами Камиксано.¹ Эта булла была направлена аббату монастыря де Колумба, находившегося в диоцезе Пьяченцы. В булле папа подробно излагает историю конфликта, в частности объясняет причины, по которым кремонский епископ обратился к нему с жалобой, весьма многоречиво описывает ущерб, причиненный владениям епископа. Далее он упрекает графов в том, что, несмотря на отлучение от церкви в течение года, они не только не покаялись, но и заявили в свое оправдание, что отлучение было наложено без предварительного увещевания. Между прочим, Григорий IX обвиняет и настоятеля монастыря де Гизальбо в дистрикте Бергамо в том, что он, оказывается, поддержал графов в их нежелании явиться на суд пармского епископа и, более того, советовал снять с них отлучение от церкви как наложенное «без разумной причины».

К сожалению, мы не располагаем другими документальными сведениями об этом, судя по всему, противоречии уже непосредственно внутрицерковного характера. В булле папа сообщает о том, что графы Камиксано после отлучения продолжали «протягивать свои нечестивые и грязные руки к другим владениям церкви» (*ad alia bona eiusdem ecclesie extendunt manus suas*) и, видимо, с этим связана встретившаяся только в этом документе информация о просьбе приора монастыря де Маркария и

---

¹ АК II. № 11, 1235. С.73-74.

настоятеля монастыря св. Агаты к мантуанскому епископу об отлучении графов Камиксано и их владений от церкви. Итак, еще одно отлучение и опять в связи с земельными владениями. Очевидно, графы Камиксано были очень сильны и позиции их надежны, если они, будучи единожды отлученными, продолжали неотступно выполнять свои планы по расширению владений перед угрозой вторичного отлучения.

За всем этим угадывается серьезная борьба внутри господствующего класса за богатства, власть, влияние. И объектами этой борьбы часто становились земли в небольших местечках и городках. Все это не могло не сказаться на их развитии.

Вернемся к булле. В заключение папа Григорий IX упрекает подестб, совет и коммуну Милана в том, что они «закрывали глаза на большую вину графов» (*culpas dictorum comitum suas efficere videantur tam grandes et graves eorum offensas conniventibus oculus*), и поручает аббату монастыря де Колумба убедить миланского подестб, совет и коммуну в том, что следует призвать к порядку графов Камиксано и обязать их удовлетворить требования кремонского епископа по возмещению его убытков и ущерба. В случае же невыполнения этих требований римский папа рекомендует применять к нарушителям спокойствия самые строгие наказания.

К большому сожалению, данный комплекс источников не содержит материалов о развязке этого конфликта. Так и не удастся узнать, были ли выполнены требования папы римского к коммуне Милана и кремонского епископа относительно графов Камиксано. Самый общий свет на вопрос может пролить документ, датированный 1340 годом, то есть отстоящий от рассматриваемого периода времени на целое столетие. По этому документу графы Камиксано (всего перечисляется двадцать шесть имен) признают себя вассалами кремонского епископа, держащими в качестве феода четвертую часть десятины территорий Камиксано и Ботаксано, расположенных в кремонском дистрикте.¹ Кроме этого, графы Камиксано назначили двоих членов семьи, Иоанна и Францескина, своими представителями при кремонском епископе для ведения всех дел, касавшихся их феода.

Что касается так долго длившегося конфликта между двумя крупными феодальными сеньорами, то остается предположить, что после периода открытой вражды, которую мы уже рассмот-

---

¹ АК II. № 72, а.1340. С.168-170. ...querte partis de decima et decimaria curtium et territorium cassalis Camixani et Botaxani, districtus Cremonae consistentium.

рели, видимо, был найден определенный компромисс, который смог удовлетворить обе стороны. В результате такого компромиссного решения, судя по выше приведенному документу, были-таки признаны (подтверждены) верховные права кремонского епископа как сюзерена графов Камиксано. Мы не знаем, как решилось дело с землями в Форново и с замком, но с территориями Камиксано и Ботаксано, давних владений графов, как, очевидно, и с других, даже полной десятины епископии не поступало: она была урезана на четверть под видом феода.

Наконец, попробуем ответить на вопрос, по поводу которого молчат все документы: какие цели преследовали графы Камиксано, Думается, что строительством замка графы Камиксано преследовали цель не только захвата и присвоения земель, но и привлечения к этому укреплению местного населения, как рабочих рук для обработки земли и источника дохода. В используемых источниках практически не отражено положение населения в тех замках и местностях, которые являлись предметом конфликта. Только в одном документе, булле Григория IX от 1235 года, упоминаются трибутарии, которых графы «незаконно» привлекли на свою сторону.¹ Строительство укреплений неизменно привлекало к ним население, причем не только земледельческое, поскольку уже для самого строительства требовались различные ремесленные специальности. И результатом такого процесса становилось формирование поселений, развитие которых шло в сторону небольших городов.

Но в случае с Форново этого не произошло. Скорее всего, все эти перипетии в жизни Форново привели к тому, что это поселение потеряло свое прежнее значение и влияние. По крайней мере, со второй половины XIII века мы практически перестаем встречать упоминания в документах об этом поселении. Более конкретных данных о дальнейшей судьбе Форново используемые нами источники предоставить не могут.

Возможно, что хозяйственное значение Форново как центра местного обмена и сосредоточения обслуживающего ремесла в конце XII – начале XIII века, впоследствии перешло к его ближайшему соседу и, как мы видели, сопернику – Караваджо.² Это позволяет сделать предположение, что маленькие городки очень сильно зависели не только от экономической конъюнкту-

---

¹ АК II. № 11, а.1235. С.73-74.

² Количество документов, связанных с этим поселением, на протяжении XIII-XIV веков остается стабильным.

ры, но и от политических событий, в центре которых они оказывались.

Пограничные поселения Кремонской округи в XIII веке были объектом пристального внимания не только местной феодальной знати или кремонского епископа, но и, как мы уже отчасти показали, кремонской коммуны. Кремонские материалы на примере Сончино позволяют увидеть, каким образом коммуна Кремоны стремилась контролировать пограничные поселения. Так, документ от 25 февраля 1219 года зафиксировал клятву верности, принесенную доверенными лицами Сончино кремонской коммуне, а также подестб Кремоны и всем должностным лицам коммуны.¹ К сожалению, документ зафиксировал лишь сам факт принесения этой клятвы, причины же и конкретные условия, на которых была принята эта клятва, остались нераскрытыми. Некоторые документы более позднего времени, возможно, раскрывают необходимость подобных отношений между коммуной Кремоны и Сончино.

В том же 1219 году был оформлен еще один интересный документ, согласно которому подестб Кремоны Тетоций де Манегольдис требует от жителей Сончино разрушить все дома и постройки, сооруженные ближе 8 локтей от стен замка Сончино.² Несомненно, что подобное требование вызвано беспокойством Кремоны относительно обороноспособности замка в Сончино. Впрочем, такое беспокойство проявлялось не только в директивных требованиях, перекладывавших конкретную заботу о замке на самих жителей Сончино. Документ 1226 года представляет собой перечень расходов, сделанных управляющими коммуны (*massarios communis*) в течение июля этого же года. По этому перечню помимо других расходов названа сумма в 45 фунтов и 1 денарий, потраченная на защиту (охрану) Сончино.³ Правда, из-за краткости документа практически невозможно узнать, на что конкретно тратились эти деньги, и на кого возлагалась обязанность контролировать их использование. Некоторые предположения позволяет высказать другой документ, датированный этим же 1226 годом, согласно которому кремонцы Адам Арителлус и Догнин Комунис обещают именем коммуны выделить за сумму в 45 фунтов (!) смотрителям и управляющим Сончино три тысячи хороших досок (плиток), подходящих для

---

¹ CDC I. № 267, a.1219. P.235.

² CDC I. № 276, a.1219. P.236. ...debeant destruere domos prope muros sitas per 8 brachia.

³ CDC I. № 425, a.1226. P.256. summa expensarum in guardis Soncini XLV libr. et 1 denar.

[строительства, ремонта] моста.¹ Таким образом, можно предположить, что выделенные кремонской коммунной деньги пошли на покупку необходимых для строительства или ремонта крепостных укреплений Сончино строительных материалов, причем их продавцами выступили также кремонцы и, возможно, должностные лица коммунны.

Один из последующих документов, по всей видимости, может служить и одним из объяснений такой активной заботы и беспокойства кремонской коммунны о состоянии крепостных укреплений Сончино. В октябре 1228 года некий нотариус Гирард де Каразало свидетельствовал о том, что видел в непосредственной близости от Сончино вооруженные отряды миланцев, разорвавших кремонские земли.² Выше уже говорилось о том, что Сончино располагался в стратегически важном для Кремоны районе, что требовало постоянного внимания кремонской коммунны и, следовательно, определенного контроля за деятельностью коммунальных органов Сончино, особенно в период нестабильных отношений с Миланом, которые, как мы знаем, как раз приходились на 20-е годы XIII века.

С середины XIII века различные земли в Кремонской округе, в том числе и в приграничных поселениях, оказываются объектом особо пристального внимания усилившегося кремонского нобилитета. Как мы уже показывали, это было время активной борьбы двух нобильских партий в Кремоне за власть, проходившей под гвельфскими и гибеллинскими знаменами. Эта борьба как бы проецировалась и на ее округу. Примером такого активного внимания со стороны кремонского нобилитета к пограничным поселениям могут служить события середины XIII века в Сончино, в значительной степени изменившие жизнь этого поселения.

Начало этим изменениям, возможно, было положено в 1248 году, когда на должность подеста в Сончино был избран Босий Довария. Еще раз отметим, что семья Довария была весьма известной в Кремоне и Кремонской области, о чем свидетельствуют частые упоминания представителей этой семьи в документах, судя по которым, в XIII-XIV веках родственные отношения связали род Довария с богатейшими кремонскими семьями – Каза-

---

¹ CDC I. № 430, a.1226. P.257. Adam Aritellus et Dogninus Comunis, cremonenses, promittunt dare Guilielmo Comino et Zucco de Soncino, massariis pontis, nomine Comunis stupilantibus, tria milliaria tassellorum bonorum et convenientium ad pontem, pro 45 libris imp.

² CDC I. № 453, a.1228. P.260. Girardus de Carasalo notarius testatue quod vidit Medilanensibus aggredi Suncinum et Isengum et devastare terras.

нова¹, Ольдоини², Амати³ и даже могущественными в Северной Италии Пеллавичини⁴ и Гонзага.⁵ Память о самом известном из рода Довария – Босии – сохранилась до наших дней благодаря язвительным строкам Данте, который встретил его среди предателей в Аду:

*Там, где в прохладце грешный люд маячит.*⁶

Значительными были и владения этой семьи, причем они владели недвижимостью как в самой Кремоне, так в самых различных частях Кремонского дистрикта, в том числе в окрестностях Сончино.⁷ Один из документов свидетельствует о том, что семье Довария принадлежали земли даже за пределами Кремонской области, в частности в коммуне Стафоло, контролировавшейся Вероной.⁸ Позже некоторые представители этой семьи стремились к консолидации своих владений, в том числе уже упоминавшийся Босий Довария, который в 1256 году получает под видом инвеституры земли в Бургум Новум (*de terris ad Burgum novum*), на берегу реки По.⁹ В более поздних документах мы уже встречаем новое наименование этой местности. Так,

---

¹ CDC I. № 590, а.1251. Документ приданого Кракхи, дочери Усаха Довария, жены Триопазио Казанова.

² CDC I. № 699, а.1258. Документ получения 100 фунтов Анцелерио Ольдоини от Босия Довария по причине бракосочетания их детей: Альбертины Ольдоини и Антониола Довария.

³ CDC I. № 1092, а.1288. Филиппина Довария, племянница Бочия Довария, была замужем за Кавалько Амати уже в 1269 году.

⁴ CDC I. № 840, а.1264. Документ о приданом Агнетты, дочери маркиза Дальфина Пеллавичини и жены Гандиона Довария.

⁵ Анна Довария вышла замуж за Филиппа Гонзага в 1322 году. Самые многочисленные документы Довария, особенно Босия, перешли к ней по наследству и хранятся в Историческом Архиве Гонзага в Милане. См. Astegiano L. Ricerche sulla storia... P.306.

⁶ Данте А. Божественная комедия. М., 1974. Ад. XXXII. С.115-116. Эта точка зрения принадлежит американскому историку У. Батлеру. См.: Buttler W. The Lombard communes. P.339. В переводе Лозинского имя Босия Довария приобрело транскрипцию Буозо Дуэра. В примечаниях к изданию Данте 1974 г. о Дуэра (Довария) сказано следующее. В 1265 году гибеллинская лига поручила ему преградить около Пармы дорогу французскому войску, которое шло в Рим к Карлу Анжуйскому, готовившемуся воевать с Миланом. Но Дуэра, подкупленный «французскими денежками», и сверх того присвоивший себе деньги, полученные от Манфреда, пропустил французов на юг // Данте А. Божественная комедия. – М., 1974. С.315.

⁷ CDC I. №№ 655, а.1255. P.293; № 656, а.1255. P.293; № 665, а.1256. P.295; № 667, а.1256. P.296; № 680, а.1256. P.298.

⁸ CDC I. № 658, а.1256. P.294.

⁹ CDC I. № 675, а.1256. P.297.

в документе следующего, 1257, года она названа *Burgonovo Dovarensium*, то есть принадлежащая Довария.¹ Такая тенденция свидетельствовала о стремлении нобильских кремонских фамилий, располагавших значительными земельными владениями, во-первых, к их консолидации и созданию цельных комплексов, а, во-вторых, к установлению собственного контроля над уже существующими поселениями для усиления своего политического веса и влияния на дела всей Кремонской области.

В русле такой тенденции лежит, видимо, и политика, проводимая Босием Довария по отношению к коммуне Сончино. Проследить в основных чертах эту политику позволяют имеющиеся в нашем распоряжении документальные источники. Впервые в должности подестб коммуны Сончино Босий Довария упоминается в документе 1248 года, и уже этот документ дает возможность определить, какие задачи ставил перед собой представитель семьи Довария по отношению к этому поселению. Из этого документа мы узнаем, что 28 июня 1248 года некий Генрих де Колоньо, являвшийся помощником подестб Сончино Босия Довария, объявил во дворце коммуны в присутствии многих людей, что с согласия всех людей коммуны, кроме некоторых названных им лиц, Босий Довария становится подестб и ректором коммуны на 10 лет, а не на 1 год, как следует из статута коммуны Сончино.² К сожалению, мы не располагаем текстом статута коммуны Сончино, но, судя по этому документу, должность подестб человек мог занимать не более одного года, что соответствует обычному для большинства городов правилу. Видимо, уже тогда Босий Довария обладал в Сончино достаточно большим влиянием для того, чтобы коммуна могла пойти на нарушение собственного статута.

Но, судя по документу, составленному спустя два года, в 1250 году, попытка Босия Довария упрочить свое положение в коммуне Сончино не удалась. В этом документе фигурирует другой подестб – некий Максенерий де Бурго.³ Обо всех перипетиях событий, помешавших Босию Довария сохранить должность подестб и ректора в Сончино, из того комплекса источников, которыми мы располагаем, узнать, к сожалению, невозможно. Тем не менее из последующих документов становится по-

---

¹ CDC I. № 686, a.1257. P.299.

² CDC I. № 564, a.1248. P.277-278. In reformatione consilii, placuit omnibus, excepto Bona...ia de Zuchis, qui dixit ad unum annum tantum, quod quod Bosius sit potestas dominuset rector ad 10 annos proximos venientes continuos.

³ CDC I. № 588, a.1250. P.281.

нятно, что на этом стремление Босия Довария к усилению своего положения в Сончино не прекратилось. Так, в документе, датированном январем 1255 года, вновь упоминается Босий Довария в качестве подестб коммуны Сончино.¹ А 19 октября этого же года был оформлен очень интересный документ, согласно которому на совете коммуны было решено, что «господин Босий Довария должен быть синьором, подестб и ректором коммуны Сончино пожизненно» и это установление должно быть внесено в статут коммуны.² В последующие несколько дней проводится ряд мероприятий по упрочению положения Босия Довария в Сончино, получивших отражение в источниках. Так, 24 октября 1255 года избранному навечно подестб приносят клятву должностные лица коммуны, причем происходит это на площади в присутствии многих жителей коммуны.³ Через два дня, 26 октября, на площади перед дворцом коммуны клятву о соблюдении статей о выборах Босия де Довария вечным подестб и ректором приносят все люди коммуны Сончино.⁴ А еще через два дня, 28 октября, уже упоминавшийся выше помощник подеста Генрих де Колоньо на общем совете коммуны просит добавить в статут коммуны статьи об избрании Босия Довария вечным синьором в соответствии с решением совета и общего собрания. После этого доверенные лица коммуны Максет де Каваций и Иоанн де Фондуло должны будут отправиться в Кремону для утверждения этого измененного статута. Кроме того, в документе сказано, что все люди старше 15 лет и моложе 70 лет, проживающие в Сончино поклялись соблюдать новый статут.⁵

---

¹ CDC I. № 653, 1255. P.293.

² CDC I. № 659, a.1255. P.294. ...quod D. Bosius de Dovaria debeat esse dominus et potestas et rector comunis Suncini perpetuus, videlicet donec dominus noster Yeshus Christus ei vitam concesserit, et ita ponatur in statuto comunis Suncini observando.

³ CDC I. № 661, a.1255. P.295.

⁴ CDC I. № 662, a. 1255. P.295. Homines Comunitas populi Suncini, coadunati super pallacio comunis per sonum campanae, iurant attendere et facere attendi capitulum sive statutum de electione Bosii de Dovaria in perpetuum potestatum et rectorem comunis.

⁵ CDC I. № 663, a.1255. P.295. Henricus de Collogno in consilio generali comunis Suncini, petit consilium si eius videbatur addere vel mutare de statuto super electione Bosii de Dovaria in perpetuum dominum... Post consilia data a Maxeto deCavaziis, Iohanne de Fondulo, quod statutum debeat confirmari et aportari ad Cremonam, et ad maiorem confirmationem... et quod homines Suncini debeant iurare a 15 annis supra et a 70 infra, consilium statuit...et omnes iurent

Таким образом, все вышеперечисленные мероприятия способствовали установлению личной власти Босия Довария над коммуной Сончино, чего он добивался, как мы выяснили, в течение нескольких лет. Судя по документам более позднего времени, ему удалось сохранить свое положение в этом городке, так как имя Босия Довария, вечного подеста и синьора Сончино, встречается в документах вплоть до 1267 года.¹ Изложенные выше события в Сончино были, скорее всего, показателем общей тенденции в политическом развитии Италии XIII века – времени установления ранних синьорий в североитальянских городах. В самой Кремоне, как мы знаем, в это же время устанавливается синьория Уберто Пеллавичини, причем, как известно, Пеллавичини и Босий Довария принадлежали к гибеллинской партии в Кремоне. В документе 1267 года, представляющем собой перечень подтверждений статута Сончино после внесения туда изменений о выборах Босия Довария вечным подестом, есть сведения, что новый статут Сончино был утвержден в 1255 году синьором Кремоны Уберто Пеллавичини.² Интересен, кстати, тот факт, что подтверждение полномочий вечного подеста и ректора Босия Довария с клятвой всех жителей Сончино, согласно этому документу, происходило ежегодно, начиная с 1255 года. Возможно, вечный подестом и ректор чувствовал себя в этом поселении не очень уютно и прочно.

Так или иначе, но сам факт установления подобного режима личной власти в Сончино свидетельствует о том, что развитие таких небольших поселений происходило в полном соответствии с общими тенденциями политического развития Северной и Центральной Италии. Более того, на примере одного поселения Кремонской округи можно предположить, что в таких небольших местечках как раз зарождались или, можно сказать, апробировались те формы политической организации (синьория), которые станут уже в XV веке всеобщими для большинства итальянских городов.

Итак, в XI-XIII веках пограничные поселения оказываются втянутыми в разного рода споры, конфликты, борьбу, становятся объектами соперничества или сами превращаются в соперников.

На примере пограничных поселений Форново и Сончино можно выделить основных субъектов и несколько вариантов политической борьбы за эти поселения. В качестве основных субъек-

---

¹ CDC. Sec.XIII. №№ 789, 814,839, 884, 885.

² CDC. Sec.XIII. № 885. P.342. ...ad honorem Dei et Virginis Mariae et honorabilis et potentissimi viri Uberti marchionis Pellavicini, perpetui domini et potestatis Cremonae.

ектов политических отношений выступали кремонские епископы и коммуна Кремоны, представители феодальной знати и городского нобилитета, соседние североитальянские города и поселения самой Кремонской округи.

Борьба между епископами и коммуной Кремоны продолжалась в конце XII века за усиление своего влияния в пограничных поселениях. В частности, в Форново эта борьба выражалась в строительстве епископом замка и в предоставлении коммуной различных налоговых льгот жителям этого поселения. Другое пограничное поселение – Сончино – являлось постоянным объектом пристального внимания коммуны, заботящейся о его обороноспособности.

Форново подвергается нападению со стороны своего ближайшего соседа, небольшого полуремесленного местечка Караваджо, причиной чему стала, возможно, борьба между этими поселениями за влияние на близлежащую сельскую округу. Все тот же Форново становится жертвой многовековой вражды между Кремоной и Миланом, выразившейся в вооруженном нападении миланцев в 1227 году. Наконец, именно из-за этого маленького городка разгорается долгий конфликт между кремонскими епископами и представителями феодальной знати – графами Камиксано, развернувшийся в первой половине XIII века, в который оказываются вовлечены и германский император, и римский папа.

В середине XIII века усиливается внимание к пограничным поселениям округи со стороны кремонского нобилитета, что видно на примере Сончино. Один из лидеров кремонских нобилей – Босий Доварий – добивается признания его в 1248 году вечным подеста, а затем и синьором этого поселения. В Сончино складывается своеобразная «маленькая синьория» Босия Довария даже раньше, чем это происходит в самой Кремоне. Усиление влияния в округе стало одним из факторов, способствовавших установлению Босием Довария синьории и в Кремоне в 1267 году.

Таким образом, различного рода конфликты, борьба между различным заинтересованными силами, в которые оказываются втянутыми в XI-XIII веках пограничные поселения, становятся одним из факторов политических отношений в Кремонской округе. Все это, несомненно, ни в коей мере не способствовало ни экономическому развитию, ни упрочению самостоятельности этих поселений.

В целом в Кремонской округе в XI-XIII веках действовали различные субъекты политических отношений – епископия, феодальная знать, городской нобилитет, пополанство. Объекта-

ми борьбы за политическое доминирование становилась как сама Кремона, так и территория ее округа. Зачастую в эту борьбу вмешивались и внешние силы – другие итальянские города, императоры, папство. В условиях политической децентрализации Италии господство над территорией округа и власть над ее поселениями были одним из факторов, способствующих сохранению и упрочению партикуляристских тенденций, характерных для большинства итальянских городов, в том числе Кремоны.

ГЛАВА 3. ИМУЩЕСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КРЕМОНСКОЙ ОКРУГЕ В XI-XIII ВЕКАХ

В отечественных исследованиях проблемы, связанные с имущественными отношениями и их изменениями в развитое средневековье, уже ставились при изучении взаимоотношений итальянских городов и округи. Но в значительной мере они были посвящены феодальным поземельным отношениям.

Более всего в этом аспекте сделано Л.А.Котельниковой. Она рассматривала вопросы, связанные с эволюцией феодальной земельной ренты в XI-XIV веках и с изменением социально-правового положения различных групп крестьянства под влиянием развития городов.¹ При этом она делала вывод о сверххранном развитии в Северной и Средней Италии денежной ренты, с последующей ее эволюцией в сторону господства натуральных рентных выплат, что связывала с экономическим и политическим господством города в округе.

В таком же ключе поземельные отношения в интересующей нас Кремонской округе на материале XIII века были исследованы М.М.Дорофеевой, которая изучала имущественные отношения (сделки купли-продажи, обмена земли) с точки зрения развития феодальных отношений под воздействием городской экономики, причем ее в большей степени привлекали вопросы эволюции поземельных отношений на церковных землях и влияние церкви на практику имущественных сделок.²

В целом же имущественные отношения исследователями рассматривались только как связанные с феодальным характером собственности на землю и вытекавшими из нее рентными отношениями и вассальными связями. Вне поля зрения исследователей остались вопросы влияния на имущественные отношения правовых различий между жителями Северной Италии (в том числе и Кремонской округи), которые, как мы видели, определились еще в период лангобардского господства. В те времена и с тех времен одна часть населения жила по прежнему, римскому, праву, другая – по оформившемуся лангобардскому. Позже, с франкским завоеванием и переселением части франков в лангобардские области, в юридическую практику приходит и третье право – салическое.

---

¹ Котельникова Л.А. Итальянское крестьянство и город в XI-XIV веках. – М., 1967.

² Дорофеева М.М. Город и эволюция поземельных отношений: Дисс. ... канд. ист. наук. – Саратов, 1995. – Гл.3.

Причем необходимо отметить, что период расселения лангобардов в Италии, складывание лангобардского права в VII-VIII веках и влияние на этот процесс римского права достаточно давно привлекали внимание исследователей – А.И.Неусыхина¹, И.А.Дворецкой², Е.А.Шервуд.³ Значение для формирования феодальных отношений большого числа свободных мелких землевладельцев, сохранившихся в Северной Италии в период IX-X веков, в том числе из-за специфики отношений римских и варварских правовых норм, отмечала Л.А.Котельникова.⁴ А вот для периода XI-XIII веков этнические и правовые различия жителей северных областей Италии не принимались во внимание при исследовании имущественных отношений. А.А.Сванидзе в своей программной статье обратила внимание (применительно к городам) на полиэтничность населения Северной Италии, использовавшего различные правовые нормы еще XI-XII веках, как на явление, требующее особого изучения.⁵ Поэтому XI-XIII века представляются очень интересным для исследования развития имущественно-правовых отношений, поскольку позволяют, с одной стороны, выявить степень живучести прежних правовых традиций, с другой – изменения в этой сфере.

Изучая кремонские документальные источники XI-XIII веков, можно выделить несколько групп населения, отличавшихся между собой как этническим происхождением, так используемыми ими различными правовыми нормами. Среди жителей кремонского дистрикта нам встречаются в документах упоминания о людях, жившие и по салическому, и по римскому, и по лангобардскому праву. Чаще всего упоминания о применении людьми различных норм права встречаются в списках свидетелей различных имущественных сделок. Правда, сведения об этих свидетелях минимальны – обычно, это имя и указание на принадлежность к тому или иному праву. Например, в документе 1020 года, фиксирующем сделку продажи участка земли с до-

---

¹ Неусыхин А.И. Общественный строй лангобардов в VI-VII вв. // Средние века. М. – Л., 1942. – Вып.1; Он же. Понятие свободы в эдикте Ротари // Средние века. – М., 1946. – Вып.2.

² Дворецкая И.А. Возникновение раннефеодального государства в Северной Италии VI-VII веков. – М., 1982; Она же. Право и развитие государственности в Лангобардской Италии (VII-VIII вв.) // Из истории социально-этических и политико-правовых идей. – Саратов, 1990. – С.64-83.

³ Шервуд Е.А. Законы лангобардов. – М., 1992.

⁴ Котельникова Л.А. Феодализм и город... – М., 1987

⁵ Сванидзе А.А. Генезис феодального города в раннесредневековой Европе: проблемы и типология // Городская жизнь в средневековой Европе. – М., 1987. – С.96.

мом, упоминаются жители Кремоны свидетели Ламперт, Бонизо и Арипранд и указывается, что живут они по римскому праву (*Lampertus, Bonizo, Aripandus, omnes lege rom.*).¹ Или в аналогичном документе 1022 года мы также встречаем упоминания о свидетелях – кремонцах, живущих по римскому праву (*Petrus, Iohannes, Martinus, omnes lege rom.*).² Немало в данном комплексе источников документов, в которых свидетелями выступают лица, живущие по лангобардскому праву. Например, некие Оттелик, Бриксиан и Арнульф из местности Кастельлеоне, живущие по лангобардскому праву (*Ottelicus, Brixianus, Arnulfus, lege lang.*)³, являются свидетелями акта дарения земли, совершенного в 1031 году. Сделка продажи земли в местности Бадальо, зафиксированная документом 1037 года, заключена в присутствии свидетелей – Иоанна, Адельберта и Эрмизо, живущих по лангобардскому праву (*Iohannes, Adelbertus, Ermizo, lege long.*).⁴ Подобных свидетельств в используемых нами источниках встречается очень много. Это само по себе говорит о живучести норм того и другого права, по крайней мере, в области имущественных, прежде всего поземельных сделок.

К сожалению, почерпнуть из подобных документов конкретные данные почти невозможно – ни в отношении лиц, живущих по лангобардскому праву, ни в отношении лиц, живущим по римскому. Только в редких случаях изучение списков свидетелей позволяет сделать некоторые предположения. Например, в документе дарения от 1034 года упоминаются свидетели Уго, Родульф и Билиард, живущие в Кремоне по римскому праву (*Ugo, Rodulfus, Biliardus, omnes lege rom.*).⁵ Нам интересен тот факт, что эти трое свидетелей встречаются и в более поздних документах, в частности в документе 1039 года.⁶ Можно предположить, что если одни и те же персоны привлекались в качестве свидетелей при заключении имущественных сделок, то они обладали неким солидным авторитетом, повышенным социальным статусом в своей среде. Именно так обстояло дело в заальпийских городах. Скажем, в южнофранцузских городах, согласно исследованиям М.Е.Карпачевой⁷, или в Кельне, по мнению

---

¹ CDC I. № 33, а.1020. P.57.

² CDC I. № 40, а.1022. P.58.

³ CDC I. № 50, а.1031. P.62.

⁴ CDC I. № 80, а.1039. P.67.

⁵ CDC I. № 65, а.1034. P.65.

⁶ CDC I. № 77, а.1038. P.68.

⁷ См.: Карпачева М.Е. Ранний этап коммунального движения в средневековом Каркассоне // Средневековый город. – Саратов, 1974. – Вып.3.

Л.И.Солодковой¹, имена жителей, обладавших значительным имуществом и, следовательно, достаточно высоким социальным статусом, весьма часто встречаются в документах как свидетелей при заключении различного рода сделок.

Несколько больше сведений можно почерпнуть в том случае, когда принадлежность к тому или иному праву указывается применительно к контрагентам описываемой сделки. При этом иногда указывается профессиональная принадлежность человека или его социальный статус. Именно на анализе подобных документов основывается наше исследование имущественно-правовых отношений в Кремонской округе в XI-XIII веках. К этому времени имущественные отношения, как мы увидим, прошли значительную эволюцию по сравнению с теми, которые были характерны для VII-VIII веков. Вместе с тем некоторые характерные черты сохранили свое значение и в рассматриваемый период. Поэтому попытаемся последить, какие черты имущественных отношений более раннего времени были востребованы и сохранились, а какие – оказались нежизнеспособными.

Ранее мы отмечали, что для VII-VIII веков было характерно разделение норм права, вызванное ситуацией завоевания: лангобарды расселялись отдельно от итало-римлян и в своей практике использовали собственное право, а не римское, нормы которого сохраняли свое практическое значение для местного итало-римского населения. Что касается XI-XIII веков, мы видим, что такое разделение сохраняет свое значение: документы содержат указания на использование людьми либо лангобардского, либо римского права.

Исследователи развития прав в период средневековья отмечают, что римское право людьми того времени не рассматривалось как действующее, средневековые юристы видели в римском праве некую неизменную идеальную модель, подлежащую только истолкованию или заимствованию для норм, например, канонического права.² Многочисленные кремонские частно-правовые акты свидетельствуют о том, что для многих жителей этой области Северной Италии нормы римского права, по крайней мере, в сфере имущественных отношений, сохраняли свою практическую значимость и активно использовались. Причем наряду с нормами римского права жители Кремонской округи использовали и обычное право – лангобардское и салическое. В

---

¹ См.: Солодкова Л.И. Ранний Кельн: социально-экономическое развитие и освободительная борьба горожан X-XIII веков. – Саратов, 1991.

² Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. – М., 1998. – С.200.

дальнейшем мы попытаемся рассмотреть – имело ли разделение римских и варварских правовых норм настолько же всеобщий характер, как это было в предыдущие столетия.

Но поскольку в самых ранних документах мы встречаем упоминания о салическом праве, начнем с них и попытаемся выявить, что они собой представляли и насколько нормы салического права были распространены в Кремонской округе.

Количественный анализ документов XI-XIII веков показывает следующее соотношение норм права, использовавшихся при заключении сделок (нами учитывались и документы, где нормы права указана применительно к свидетелям сделок): из 205 изученных актов люди, живущие по римскому праву, упоминаются в 61 документе, по лангобардскому – в 136, а по салическому – всего лишь в 8. Причем все упоминания о салическом праве относятся к документам XI века, в последующие столетия мы подобных документов не встречаем. Уже это позволяет сделать предположение о незначительном распространении норм салического права среди жителей Кремонской округи.

Подтверждением нашему предположению служит то, что практически все люди, о которых в документах говорится, что они живут по салическому праву, принадлежали к знатным семьям. Только в одном случае по содержанию документа невозможно определить, к какой семье относился человек, живущий по салическому закону. Мы имеем в виду данные двух документов, относящихся к 1044 и 1046 годам, где речь идет об одном и том же человеке, некоем Адральде, сыне Гандульфа (Adraldus, f. q. Gandulfi), которого, судя по тексту первого документа, кремонский епископ инвестирует некоторыми землями в Кремоне в виде прекария.¹ Во втором документе этот же Адральд дарит епископу шесть участков земли, сам же, в свою очередь, берет у епископа в эфитевтное держание эти же земли и вдобавок к ним еще восемь участков.² К сожалению, краткость этих документов, которые представлены в сборнике в виде регест, не дают возможности точнее и полнее узнать о том положении, которое занимал этот человек, и к какой семье он принадлежал.

В остальных же случаях, когда есть упоминания о лицах, живущих по салическому праву, мы можем с уверенностью го-

---

¹ CDC I. № 92, а.1044. P.71.

² CDC I. № 95, а.1046. P.71. Сделка по форме схожа с распространенными в раннее средневековье так называемым «прекарием с вознаграждением» и явно отражает устремления Адральда к увеличению земельных площадей.

ворить об их принадлежности к семьям знатного происхождения. Так, в самом раннем из документов (1010 год), где упоминается салическое право, говорится о факте продажи замка в местности Заненго некоей графиней Эрменгардой (*Ermengarda comitissa*) пресвитеру Стефану (*Stephano presbytero*). В этом документе подчеркивается, что Эрменгарда является дочерью покойного графа Виберта и живет по салическому праву, как и ее отец (*Ermengarda comitissa filia bone memorie Wiberti qui fuit comes, qui professa sum ex natione mea lege vivere salica*).¹

В нескольких документах уже конца XI века встречаются сведения о другой знатной кременской семье, также живущей по салическому праву. В этих документах говорится о графе Бернарде и его жене Берте (*Bernardus comes f. q. Bernardi et Berta f. q. Ugonis, iugales, nas. et lege salicha*).² Эти документы, к сожалению представлены в сокращенном виде. Они фиксируют различные дарения этой графской семьи в пользу монастырей кременской епископии. В качестве дарений выступают земельные участки на которых есть массарии (зависимые люди, державшие землю обычно без заключения договора), всего упоминается семь участков, расположенных в разных местах кременского дистрикта, в том числе в предместье Кремоны и в поместье Дурманно (*in loco et fundo Durmanni*). Содержание документов не дает возможности подробнее узнать ни о причинах этих дарений, ни об условиях, на которых они производились. Тем не менее можно предположить, что по салическому праву в XI веке в Северной Италии, в частности в Кременской области, жили если не исключительно, то в основном отдельные представители знатных фамилий, являвшихся, возможно, потомками франков, получавших в дарение земли после присоединения Карлом Великим Лангобардского королевства к своему государству. Но само салическое право не было сильно распространено в Северной Италии, в любом случае не «дожило» до конца интересующего нас времени, то есть до XIII века.

Возможно, что процесс растворения салического права демонстрирует документ 1064 года, являющийся актом продажи земли. Одним из контрагентов сделки выступает некий Ланфранк из Понто Карале с женой Имильдой (*Lanfrancus, filius quondam Ardecioni de loco Punte Carale, et Imilda jugalibus, filia quondam Lanfranchi de loco Munterioni*).³ Причем в документе

---

¹ CDC I. № 13, a.1010. P.48.

² CDC I. №№ 169, 171, 181. P.86, 88.

³ АК I. № 12, a.1064. С.92.

специально оговаривается, что Имильда прежде жила по салическому праву, но замужем она живет по римскому праву, как ее муж (*que professa sum ego ipsa Imilda ex natione mea lege vivere salicham, set nunc pro ipso viro meo lege vivere videor romana*). Возможно, данный случай является показателем адаптации потомков завоевателей-франков к правовому пространству местного населения. Отметим также любопытную деталь: Имильда, выходя замуж, сменила салическое право – право бывших завоевателей – на римское право местных жителей. Не исключено, что свою роль сыграли и традиции внутрисемейных отношений, где муж мог играть первенствующую, определяющую во всех отношениях роль.

Теперь обратимся к документам, фиксирующим использование норм лангобардского и римского права. Напомним, что упоминания о лицах, использовавших лангобардское право, в кремонских актах встречаются примерно в 2 раза чаще, нежели использовавших римское право. Такое соотношение позволяет, казалось бы, сделать вывод о преобладании правовых норм обычного права, унаследованных от лангобардов и использовавшихся при регулировании имущественных отношений.¹ Насколько это предположение соответствует исторической реальности, мы попытаемся рассмотреть далее.

Влияние норм лангобардского права проявлялось при заключении различных имущественных сделок. Имущественно-правовые отношения в Кремонской области получили отражение во многих документах, среди которых чаще других встречаются акты дарения и продажи земли. Именно в этих сделках, при которых происходило отчуждение недвижимого имущества, ярче всего проявились интересующие нас процессы: сохранение одних правовых институтов и отмирание других, взаимовлияние и взаимопроникновение различных правовых норм, воздействие на имущественно-правовые отношения изменяющихся реалий жизни.

Сначала рассмотрим акты дарения, практика которых была особенно распространена и в ранее средневековье, в VII-IX веках. Что касается рассматриваемого периода, то можно отметить постепенное сокращение количества актов дарения в течение XI-XIII веков. Большая часть актов дарения приходится на XI

---

¹ Подобное предположение во многом подтверждается исследованием Г.Нейберта. См. Г.Нейберт. Земельные собственники землевладельцы «франкского», «алеманнского», «бургундского» и «баварского» происхождения в Италии (774-1000 гг.) // Средние века. – Вып.30. – М., 1967. – С.211-227.

век, среди контрагентов этих сделок встречаются лица, использовавшие как нормы лангобардского права, так и римского. К сожалению, характер многих документов таков, что позволяет извлечь очень ограниченные сведения. Например, в документе 1020 года описан акт дарения неким Ардериком из замка Ваузиоло, живущим по лангобардскому праву, кремонскому епископу Ландульфу участка земли с усадьбой и виноградником в местности Гронтардо (*Ardericus f. q. Athoni de castro Vausiolo, natione et lege lang. Donat Landulfo episcopo Crem. ...cum sedimine et vitibus, in curte Guntardi*).¹ Настолько же кратким является документ 1064 года, зафиксировавший акт дарения участка поля кремонскому епископу Убальду неким Андреасом из местечка Азанело, живущего по лангобардскому праву (*Andreas, f. q. Adami, de loco Azanelo, lege lang., donat Umbaldo episcopo Cremonae ...terrae campiae*).²

Подобные документы встречаются и при описании сделок, совершенных лицами, живущими по римскому праву. Например, документ 1034 года является кратким описанием акта дарения кремонскому епископу участка земли с виноградником и пашней размером в 18 югеров неким Мартином, сыном Агиперта, из местности Видекседо, живущим по римскому праву (*Martinus f. q. Agiperti de loco Videxedo, natione et lege rom.*).³ Подобным является документ 1080 года, по которому некие Конрад и его жена Бланка, живущие по римскому праву (*Chunradus de loco Carpeneta et Blanca iugalibus, lege romana*)⁴, выступают уже в качестве одариваемых; единственные сведения о них – это имена, место жительства и используемое ими право.

Несколько больше данных можно извлечь из двух следующих документов. Один из них зафиксирован в 1070 году: три сестры, живущие в поселении Сквადридо дарят кремонскому монастырю святого Фомы три участка земли в этой же местности (*Aza, Berlinda et Maria germanae, nac. et lege romana, filiae q. Armanno de loco Squadrido*).⁵ Еще одно дарение в пользу той же церкви получило отражение в документе 1080 года, по которому уже братья Аримунд и Варимберт, оба живущие по римскому праву (*Arimundus et Warimbertus filii q. Ildefridi, nacione et lege romana*)⁶, дарят церкви св. Фо-мы четыре участка земли в мест-

---

¹ CDC I. № 34, а.1020. P.57.

² CDC I. № 136, а.1064. P.78.

³ CDC I. № 65, а.1034. P.65.

⁴ CDC I. № 170, а.1080. P.86.

⁵ CDC I. № 151, а.1070. P.82.

⁶ CDC I. № 172, а.1080. P.87.

ности Казале. Судя по этим документам, члены семьи, живущей по римскому праву, могли владеть совместным имуществом и распоряжаться им тоже сообща. При этом, как мы видим, никаких ограничений для проведения этих сделок нет. По крайней мере, в документах они не отражены.

Из приведенных выше документов видно, что подавляющее большинство актов дарений, зафиксированных в кремонских материалах, производилось в пользу церкви, в частности кремонской епископии. Видимо, в данном случае наблюдается продолжение традиции более раннего времени – дарений «pro anima sua» или «remedia peccatorum», то есть на «помин души».

Кроме представленных выше вариантов актов простого дарения нам встречались также акты дарения земли с последующим возвратом ее на условиях долгосрочного держания – эмфитевсиса. Такая сделка отражена в документе 1038 года, где с одной стороны выступает некий Бунинг, сын Леона из Кремоны, живущий по римскому праву (Buningus f. q. Leoni de Cremona, lege rom.), а с другой – монастырь в Нонантуло.¹ Очевидно, такие сделки были явлением частым: они фиксируются из года в год. Скажем, подобная же сделка зафиксирована документом 1039 года, по которому некий Кремоксиан из Кремоны, по происхождению и праву римлянин (Cremonxianus f. Iohannis de Cremona, natione et lege rom.), берет у кремонского епископа в долгосрочное держание шесть участков земли в местности Казале, ранее подаренные им епископу.² Документ 1059 года представляет собой акт передачи кремонским епископом в держание эмфитевсиса некоему Петру из поселения Каретоло, живущему по римскому праву (Petrus, f. q. Rigisoni de vico Caretolo, lege rom.), четырех участков пашни в поселении Казанова, за что упомянутый Петр дарит епископу другие четыре участка в Кремоне.³

Такие же сделки заключались и людьми, живущими по лангобардскому праву. Например, в 1039 году некий Ланфранк из Кремоны дарит монастырю Нонантуло восемь участков земли в местности Болгароло, принимая, в свою очередь, в держание эмфитевсиса 15 участков земли в местности Саблонетта (Lanfrancus...de.Cremona, lege lang. donat monasterio Nonant. octo pecias terrae...et recipit in emphyteusim...).⁴

---

¹ CDC I. № 77, а.1038. P.68.

² CDC I. № 80, а.1039 P.68.

³ CDC I. № 129, а.1059. P.77.

⁴ CDC I. № 79, а.1039. P.68.

Все приведенные выше варианты актов дарения, судя по документам, не принимают в расчет различия между нормами права – лангобардского или римского, по которым живут контрагенты сделок.

Обратимся теперь к другому виду имущественных сделок, судя по документам, очень распространенному в Кремонской округе. В рассматриваемый период количество актов продажи земли постоянно возрастало. Несомненно, что это было связано с развитием товарно-денежных отношений и влиянием городской экономики, как это убедительно показала в своем исследовании М.М. Дорофеева.¹

Как известно, для римского права понятие частной собственности (в том числе – на недвижимость) является одним из основополагающих. Что касается права лангобардского, то, как было показано, свободная земельная собственность у лангобардов в основных чертах складывается в VIII веке, что явилось одной из движущих сил процесса феодализации.² Кремонские материалы нам показывали, что и в последующие столетия сохранялись признаки свободно отчуждаемой собственности на землю, а в XI-XIII веках она получает как бы второе рождение, развитие.

Необходимо заметить, что иногда сделки продажи земли в полную собственность «маскировались» под феодальный институт инвеституры даже в XII веке. Так могло происходить, когда одним из контрагентов выступала церковь. Например, по документу 1187 года некий Эгидий инвестировал собственным аллодом самого кремонского епископа Оффреда.³ Таким образом, мы видим проникновение в сферу действия норм обычного права, регулирующего имущественные отношения, норм феодального права, что было общераспространенным явлением не только в Северной Италии, но и других регионах Европы.⁴ Феодальное право, получившее окончательное оформление в XI веке, как мы видим в данном случае, распространялось и на лиц духовного звания, подлежащих церковной юрисдикции, то есть налицо своеобразное наложение различных правовых полей.

---

¹ Дорофеева М.М. Город и эволюция феодальных отношений... – С.188-189 и др.

² Дворецкая И.А. Западная Европа в V-IX вв. – М., 1990. – С.209-210; Шервуд Е.А. Законы лангобардов. – С.173.

³ АК I. № 53, а.1187. С.155. Investivit venditiones nomine ad proprium allodium Egidius, dominum Offredum, Cremonensem episcopum et comitem...

⁴ Берман Г.Дж. Западная традиция права... – С.94.

Что же касалось частных лиц (даже священников), особенно живущих по римскому праву, то для оформления сделки продажи земли никакой «маскировки» не требовалось и в XI веке. Открытые продажи практически вытесняют прежние инфеодации. Это показывают многие кремонские акты XI века. Документом, датированным 1062 годом, зафиксирована продажа земельной собственности в Кремоне неким Петром и его женой Анзельбертой, живущими по римскому праву (*Petrus f. Leonis et Anselberta iugalibus, lege rom.*).¹ Акт продажи земли мужем и женой, живущими по римскому праву, зафиксирован в документе 1073 года, в котором с одной стороны выступают Карет и его жена Донита из местности Кампорезо, оба живущие по римскому праву (*Caretus f. q. Mannoni, et Donita f. q. Alberti, iugalibus, nas. et lege romana*).²

Как видно из этих документов, муж и жена, живущие по римскому праву, при заключении имущественных сделок зачастую выступают совместно. То же самое мы наблюдаем в источниках XII века. Это подтверждает акт продажи от 1123 года, по которому некий Раймунд и его жена Теута продают участок пахотной земли в Кастельеоне священнику Уберту за 7 солидов и 10 денариев (*venditio f. a Reymundo f. q. Wazonis et Teuta iugalibus de Castilioni, nat. et lege romana, Uberto presbytero*).³ Этот же священник Уберт из церкви св. Назария в замке Кастельеоне через три года в 1126 году купил участок земли с пашней и виноградником размером в 200 табул за 8 миланских фунтов также у супружеской пары Уберта и Эрменгарды, живущих по римскому праву.⁴

По источникам выявляется, что продавать землю могли не только супруги, но и братья. Об этом свидетельствует, например, документ 1086 года, по которому два брата Беллентион и Леон, оба живущие в Кремоне по римскому праву (*Bellentiones et Leones, filiis q. Andreae de Cremona, nat. et lege romana*)⁵, продали некоему Убальду (*Hubaldus*) участок земли с виноградником рядом с монастырем св. Иоанна за 6 миланских фунтов. Зачастую продавцами земли могли выступать несколько человек, связанных между собой родственными отношениями. Например, в документе XII века участок пашни размером в 6 пертик продают три брата, их жены и мать, все они живут по римскому

---

¹ CDC I. № 133, а.1062. P.78.

² CDC I. № 155, а.1073. P.82.

³ CDC I. № 58, а.1123. P.104.

⁴ CDC I. № 68, а.1126. P.105.

⁵ CDC I. № 182, а.1086. P.88.

праву (Otto et Osbertus et Iohannes Bonus germani, et Fucacia coniux Ottonis, et Alberga coniux Osberti, et Ofrilda coniux Iohanni Boni, atque Eriza mater gernanorum, omnes lege rom.)¹, причем мать выступает в этой сделке наравне со своими сыновьями.

Что касается социального облика контрагентов рассматриваемых сделок отчуждения земли, то непосредственно из документов таких сведений извлечь можно очень немного. Большинство контрагентов являются жителями Кремоны, в меньшей степени – различных поселений ее округи. Судя по объектам дарения или продажи, можно предположить, что дарители и продавцы земли – люди достаточно зажиточны, поскольку отчуждаются значительные земельные комплексы (замки, их части, участки размером в 200 и более табул) и в сделках фигурируют значительные денежные суммы – шесть, восемь и более фунтов (1 фунт равнялся обычно 240 денариям).

Как выявляется, отчуждение земельной собственности в виде актов дарения или продажи, совершаемых лицами, живущими по римскому праву, не ограничены какими-либо условиями. Это было характерно для практики отчуждения собственности в римском праве. Следовательно, можно говорить о живучести норм римского права, регулирующих частные имущественные отношения, среди жителей Кремонской округи. Кроме того, в кремонских актах встречаются сделки продажи, в которых продавцами выступают люди, живущие по лангобардскому праву, и отчуждение их собственности происходит также без всяких условий.

Иная картина предстает перед нами, когда мы изучаем документы, зафиксировавшие имущественные сделки, в которых одним из контрагентов (обычно сторона, отчуждающая имущество) являются лица, живущие по лангобардскому праву. Как правило, в таком случае при заключении имущественных сделок (особенно отчуждения имущества) было необходимо согласие значительно большего числа родственников, чем для контрагентов, использующих римское право. Это находит отражение во множестве документальных актов, зафиксировавших акты дарения или продажи.

Например, по акту 1054 года дарителями участка пашни выступают некая вдова Мария, супруги Мартин и Роза, и их сын Альберт из Кремоны, но при этом особо оговаривается согласие на это дарение родственников Розы – Петра и Альберта (a Maria relicta q. Petri, Martino et Roza iugalibus, et Alberto f. praedicti

---

¹ CDC I. № 39. P.101.

Martini, lege lang. Petrus et Albertus qui consenserunt Rozae germanae)¹, то есть родственники по линии жены дарителя также обладают некими правами на имущество семьи, явно ограничивающими свободу распоряжения.

Аналогичная картина предстает перед нами и в других документах, Примером такой сделки может служить заключенный в 1085 году акт продажи виноградника, в котором продавцами выступают супруги Иоанн и Празма из Кремоны, живущие по лангобардскому праву, и при этом отмечается согласие на эту сделку родственников жены Уго и Ардинга (Ioannes f. q. Bonivicini et Prasma f. q. Ugonis, nac. et lege long., consensu Ugonis et Ardingi fratris et nepotis Prasmae).² Эти же супруги через 23 года продают в 1107 году монастырю св. Иоанна еще один виноградник, и вновь для этого необходимо согласие родственников со стороны жены (Ugonis et Lanfranci fratris et nepotis qui consenserunt Prasmae).³ Подобным же образом – по документу 1128 года – свое согласие на продажу земли в предместье Кремоны супругами Видоном и Бертой дают родственники жены Бон Север и Уберт (Uberti fratris et Boni Severi nepotis).⁴

Согласие родственников, причем довольно широкого круга, требовалось и при отказе от своих имущественных прав человеком, живущим по лангобардскому праву. В 1176 году некий Оттон отступает в пользу кремонского епископа от мельниц и другого недвижимого имущества в поселении Иовизальта за сумму в 14 фунтов. В документе, зафиксировавшем эту сделку, указывается согласие нескольких родственников: его племянника Альберта (Alberti nepotis sui), а также неких малолетних детей Отто, Ардитиона и Бертрама (Ottonis et Arditiionis et Bertrami pupillorum).⁵

Таким образом, мы видим, что отчуждение земельной собственности в виде дарения или продажи⁶ людьми лангобардского права было ограничено обязательным согласием на эту сдел-

---

¹ CDC I. № 109, а.1054. P.74.

² CDC I. № 181, 1085. P.88.

³ CDC I. № 11, 1107. P.96.

⁴ CDC I. № 73, а.1128. P.106.

⁵ АКІ. № 49, а.1176. С.146.

⁶ Рассматривая имущественные сделки, заключенные лицами лангобардского права, не можем не отметить сокращение практики дарений земли и возрастание продаж, то есть подтверждение тенденции, отмеченной нами и для более раннего времени. См. также: Шервуд Е.А. Законы лангобардов. – С.159; Дорофеева М.М. Город и эволюция феодальных отношений. – С.190.

ку намного более широкого круга родственников, чем это было характерно для сделок, заключавшихся лицами римского права.

Большой интерес в этом смысле вызывают два документа первой половины XII века. Один из них является актом продажи земли, зафиксированным в 1123 году, по которому некий Ардецио, названный лангобардом по происхождению и по праву (*Ardecio f. q. Walderici de Axola, nat. et lege long.*)¹, продает кремонскому епископу свою часть замка Габвиано без чьего-либо согласия на эту сделку. Подобным образом свой участок земли в местности Квестро продают супруги Петр и Белебона, также живущие по лангобардскому праву (*a Petro et Belebona, iugalibus, nat. et lege long.*)². Таким образом, в кремонских актах XII века встречаются сделки продажи, в которых продавцами выступают люди, живущие по лангобардскому праву, и отчуждение их собственности происходит также без всяких условий. Возможно, что такие документы свидетельствуют о постепенном отмирании норм лангобардского права в сфере имущественных интересов жителей кремонской области или, по крайней мере, о возможных отступлениях от него.

В целом же, как мы знаем, ограничение на отторжение имущества широким кругом родственников было характерно для многих варварских прав³, в том числе и для лангобардского законодательства в период становления собственности аллодиального типа.⁴ Как мы ранее рассматривали, такого типа собственность у лангобардов складывается в общих чертах в VII-VIII веках, но при этом в законодательстве сохранялся ряд правовых институтов, ограничивавших свободу владения имуществом, доживающих, таким образом, и до XI-XIII веков.

Одним из таких институтов была традиция мундиума, или покровительства.⁵ Свидетельства сохранения этой традиции мы

---

¹ CDC I. № 57, a.1123. P.103.

² CDC I. № 65, a.1125 P.105.

³ Неусыхин А.И. Свобода и собственность в варварских правдах // Неусыхин А.И. Проблемы европейского феодализма. – М., 1974. – С.33-210.

⁴ Шервуд Е.А. Законы лангобардов. – С.151-155. См. также: Неусыхин А.И. Понятие свободы в эдикте Ротари // Средние века. – М., 1946. – Вып.2. – С.82-113.

⁵ Институт мундиума, то есть опекуна над женщиной или любым неполноправным членом общества, нуждающемся в той или иной степени защиты, был характерным древнегерманским принципом и ярко выражен именно в лангобардском обычном праве как у Ротари, так и в более поздних законах (Li. 14, 19, 141). Ни одна женщина в лангобардском королевстве не могла жить без мундиума (Ro. 204). Развитие института мундиума подтверждается рядом статей лангобардского законодательства. Так, на-

встречаем и в наших документах, особенно среди лиц, живших по лангобардскому праву. В документальных источниках XI века упоминания о мундоальдах, живущих по лангобардскому праву, не редкость. Например, в документе 1019 года, зафиксировавшем отступную от земли в пользу кремонского епископа, мундоальдом назван граф Ардиун, муж графини Вилии (*Ardiunus comes...et Wilia...qui professi sumus ambo ex natione nostra lege vivere Langobardorum, ipso namque iugale et mundoaldo meo*).¹ В документе 1022 года, являющемся актом дарения кремонским епископом графу Бонифацию поместья в местечке Пьядена, этот граф также назван мундоальдом своей жены (*Bonifacius marchio...et Richilda comitissa iugales...sumus iugales ex natione nostra legem vivere langobardorum, ipse namque Bonifacius iugale et mundoaldo meo*).² Также своим мужем и мундоальдом называет некоего Агирарда жительница местечка Тиченго Берта, отказываясь в 1054 году от прав на землю, подаренную ее мужем кремонскому епископу Убальду (*Berta filia Teudoldi de loco Tocingo qui professa sum ex natione mea legem vivere longobardorum consenciente Agirardo iugale et mundoaldo meo*).³ Как мы видим, обычно в качестве мундоальда выступает супруг, и для лиц, живших по лангобардскому праву, этот институт сохранял свою серьезную значимость, по крайней мере, на протяжении XI века. В течение XII века упоминания о мундоальдах становятся в документах все реже, и, видимо, в конце XII века этот правовой институт отмирает: в любом случае в последний раз упоминание о мундоальде мы встречаем в документе, датированном 1173 годом.⁴

Постепенное отмирание этого традиционного института лангобардского права является, по сути, одним из важных свидетельств изменения его норм. Скорее всего, эти изменения происходили под активным влиянием римского права. Но в других случаях традиционные нормы лангобардского права доста-

---

пример, эдикт короля Ротари ограничивал право женщины распоряжаться своим движимым и недвижимым имуществом (Ro. 204, 215). Она могла дарить или продавать что-либо из своего имущества лишь с разрешения своего мундоальда, то есть супруга или ближайшего родственника. Подобная практика сохранялась и в последующие столетия, особенно среди людей, живших по лангобардскому праву. См. также: Шервуд Е.А. Законы лангобардов. – С.194-197.

¹ CDC I. № 29, а.1019. P.55.

² CDC I. № 42, а.1022. P.59.

³ CDC I. № 111, а.1054. P.74.

⁴ CDC I. № 296, а.1173. P.143.

точно долго продолжали влиять на практику имущественных сделок.

Ярким свидетельством этого являются кремонские материалы, упоминающие об институте мундиума относительно людей, живущих по римскому праву.

Например, в документе 1119 года, зафиксировавшем факт продажи земли, продавцами выступают кремонцы Гвиберт и Альсендой, его жена, оба живущие по римскому праву, но оговаривается, что Гвиберт является также мундоальдом Альсенды (*consensiente Alcendae Guiberto iugale et mundoaldo eius*).¹ В документе 1137 года, представляющем собой акт дарения, мундоальдом называется некий кремонец Боновичин, муж Скрибанны, также живущий по римскому праву (*concentiente Scribannae Bonovicino mondoaldo eius*).²

Следовательно, отмеченное нами явление, когда мундоальдом называют человека, живущего по римскому праву, свидетельствует о влиянии норм и институтов лангобардского права на коренных жителей Кремонской округи в сфере имущественных отношений. Мы вправе говорить о явном взаимопроникновении сфер действия римского и лангобардского права, о взаимном влиянии двух правовых традиций в имущественных отношениях. Причем в ходе этого процесса определенным изменениям подвергались нормы как лангобардского, так и римского права. Это свидетельствует о том, что нормы римского права не были застывшей моделью, как утверждают некоторые исследователи³, по крайней мере, для жителей Кремонской округи. Нормы римского права, которые регулировали повседневные сделки жителей округи, считавших себя по происхождению и по праву римлянами (*natione et lege romanorum*), к этому времени превратились в нормы права по своей сущности обычного, существовавшего наряду с германским лангобардским правом.

Еще одним показателем сохранявшихся различий между нормами римского и лангобардского права может служить отношение к женщинам-вдовам при участии их в имущественных сделках. Предварительно необходимо заметить, что в качестве активных участников имущественных сделок часто выступают именно женщины-вдовы (*vidua, relicta*), в то время как вдовцов-мужчин мы практически не встречаем. Видимо, это объясняется тем, что правовой и социальный статус женщины значительно

---

¹ CDC I. № 41, а.1119. P.101.

² CDC I. № 105, а.1137. P.111.

³ Берман Г.Дж. Западная традиция права... – С.200.

менялся в зависимости от того, была ли она девушкой, замужней женщиной или вдовой, и это требовало обязательного отражения в нотариальных актах. Вообще, правовое и социальное положение средневековой женщины как отдельная проблема в отечественной исторической науке обозначена относительно недавно.¹

Мы отмечали известное упрочение прав женщин в распоряжении имуществом при самом складывании лангобардского законодательства VII-VIII веков с одновременным ограничением этих прав тем же институтом мундиума и др.² Ограничения в распоряжении имуществом вдовами дожили до XI-XII веков: в документах нередко прямо оговаривается согласие их родственников или опекунов на совершение ими каких-либо имущественных сделок. Например, в 1019 году при дарении в пользу церкви земельных владений вдовой Эрменгардой из Понте Карале требуется согласие ее сына Ардециона (*Ermengarda relicta q. Widoni...natione et lege lang., consentiente filio eius Ardecione*).³ В другом документе, датированном 1090 годом, акт дарения вдовой Билиардой и ее сыном Гирардом из Кремоны участка виноградника монастырю св. Сальвадора происходит с согласия остальных ее сыновей – Оттона, Убальда и Петра, являющихся также мундоальдами вдовы (*Biliarda, relicta Alberti, et Girardus eius filius, nac. et lege lang., cosentientibus Biliardae filiis et mundualdis eius Ottone, Ubaldo et Petro*).⁴

Если сравнивать эти сделки с имущественными сделками, в которых участвовали вдовы, живущие по римскому праву, то неполноправное положение вдов, живущих по лангобардскому праву, будет видна еще яснее. Скажем, в документе 1128 года говорится о Доминике, вдове Иоанна, и Лонгобардии, дочери Домнина. Они обе живут по римскому праву и продают участок пашни размером в две пертики.⁵ Никаких оговорок относительно согласия каких-то родственников нет.

К сожалению, из-за краткости документа мы не можем определить, связывали ли этих женщин родственные отношения. Интересно имя второй женщины – Лонгобардия, явно свидетельствующее о его (и ее?) германском происхождении, но при этом есть четкое указание, что живет она по римскому праву.

---

¹ В зарубежной историографии изучение статуса женщин в средневековом обществе находится в рамках гендерной истории. См.: Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. – М., 1998. – С.176-178.

² См. также: Шервуд Е.А. Законы лангобардов. – С.137-141.

³ CDC I. № 27, а.1019. P.54.

⁴ CDC I. № 190, а.1090. P.89-90.

⁵ CDC I. № 75, а.1128. P.106.

Вообще, в кремонских актах это не единственный случай несоответствия имен (римского или германского происхождения) тем нормам права, которые использует данный человек. Иначе говоря, многие люди, живущие по римскому праву, носят имена германского происхождения и, наоборот, люди, живущие по праву лангобардскому, носят имена романского (или реже греческого) происхождения. Причем иногда такое явление наблюдается среди членов одной семьи. Это явление очень интересно в плане этнических процессов в средневековой Италии и требует специального рассмотрения, выходящего за рамки нашей работы.

Поэтому вернемся к нашей теме. В документе 1150 года продавцами выступают трое братьев (Albertus, Iordanus et Iohannes), а кроме них упоминается их мать, являющаяся вдовой, имя которой в перечне продавцов указано после имен сыновей, и все они живут по римскому праву (*venditio...ab Alberto, Iordano et Iohanne f. q. Benedicti da le Berte, et a Ghisila matre eorum et vidua, qui professi sunt omnes lege vivere romana*).¹ В документе нет никаких указаний, что мать каким-либо образом ограничена в имущественных отношениях ни со стороны сыновей, ни кого-либо еще. Это, несомненно, свидетельствует о совместном распоряжении собственностью сыновей и матери-вдовы, живущих по римскому праву.

Таким образом, из кремонских документов XII века видно, что женщины-вдовы, живущие по римскому праву, обычно были свободны в распоряжении недвижимой собственностью либо выступали в имущественных сделках наравне с другими членами семьи (сыновьями).

Один из интересных вопросов – переход лица в сферу действия другого права. В данном комплексе источников встречаются документы, в которых контрагентами сделок выступают люди, сменившие по тем или иным причинам правовые нормы, регулировавшие их деятельность. Рассмотрим это явление на основе материалов Кремонской округи.

В кремонских актах достаточно часто встречаются акты продажи и дарения земли, в которых одним из контрагентов сделки выступает священник. В большинстве таких случаев указывается, что этот священник живет по римскому праву. Например, в документе 1020 года пресвитер кремонской церкви Иоанн, живущий по римскому праву (*Iohannes presbiter eccl. Cremon. f. q. Resoni, lege rom.*)², продает кремонскому епископу

---

¹ CDC I. № 150, а.1150. P.118.

² CDC I. № 33, а.1020. P.57.

участок земли с домом в Кремоне. Другой пресвитер – Андрей, также живущий по римскому праву (*Andrea presbytero f. q. Andrei de Pianingo, lege rom.*), дарит епископу участок земли с виноградником в Пьянинго.¹ Еще один священник, живущий по римскому праву, пресвитер Альберт (*Albertus presbyter f. q. Rotepoldi de loco Gabbiano, lege rom.*)², выступает в акте дарения в качестве дарителя кремонскому епископу всего имущества, которым он владеет в замке Габиано.

Можно предположить, что люди, занимавшие какие-либо должности в церковной иерархии, должны были ориентироваться на римское право, принадлежать к нему. В этом смысле интересны документы, в которых есть свидетельства, что священники, происходили из семей, живших по лангобардскому праву, но сами меняют его на римское. Так, по документу 1129 года дарителем земли в пользу кремонской церкви св. Николая выступают священник этой церкви Петр, живущий по римскому праву, и его мать Норманна, которая живет по лангобардскому праву (*Petro presbytero et officiale eisdem ecclesiae, lege romana, et Normanna matre eius, lege long.*).³ Следовательно члены одной семьи, родственники, руководствуются разными правовыми нормами. И этот любопытный и показательный факт – одна из примет времени и одно из свидетельств непротиворечивого сосуществования разных правовых норм.

Еще более ярким свидетельством этому может служить документ 1176 года, зафиксировавший акт обмена земли между кремонским епископом Оффредом и сыновьями Ланфранка Конфанонерия Венцегверром, Альберто, Рогерием, Петром и Морарием. В документе указывается, что все «вышеназванные братья» живут по лагобардскому праву, за исключением Альберта, являющегося священником и потому живущего по римскому праву (*preter Albertum qui confessus fuit se lege vivere romana eo quod clericus factus erat*).⁴

Вместе с тем в используемых нами источниках встречаются документы, свидетельствующие, что такое явление не выступает как непреложное правило. И в более ранних, и в более поздних документах XI века предстают священники, живущие по лангобардскому праву. Скажем, в документе 1023 года упоминается субдьякон кремонской церкви Бенедикт, «лангобард по происхождению и праву», который продает епископу Ландульфу

---

¹ CDC I. № 49, a.1031. P.62.

² CDC I. № 166, a.1075. P.85.

³ CDC I. № 77, a.1129. P.107.

⁴ CDC I. № 322, a.1176. P.146.

два участка земли с усадьбой и виноградником (*Benedictus subdiaconus crem. ecclesiae f. q. Gunzoni, natione et lege lang.*).¹

Документом 1052 года зафиксирован обмен земельными участками между кременским епископом Убальдом и дьяконом кременской церкви Бенедиктом, причем оговаривается, что последний – «лангобард по происхождению и по праву» (*Benedicti diaconi canonicae cremonensis, nat. et lege long.*).² Это свидетельствует, что в XI веке влияние лангобардского права было еще достаточно велико и общим правилом смена правовых норм для служителей церкви не стала.

Некоторые свидетельства есть и от XII века. В документе 1131 года упоминается некий Ланфранк, называемый пресвитером, который продает братьям Оттобону и Гомобону участок земли в Кремоне, но при этом обязательным является согласие жены продавца и указывается, что оба живут по лангобардскому праву (*Lanfrancus, qui dicitur presbiter, lege lang., vendit Ottobono et Homobono germanis, peciam unam terrae...et consensus Mariae coniugis venditoris, lege long.*).³ Правда, из этого документа нельзя точно понять, являлся ли этот Ланфранк действительно священником или это было просто его прозвище, так как смутительно упоминание о жене после клюнийской реформы и постановлений о celibате.

Кроме того, этот документ интересен тем, что в нем мы видим ограничение прав мужа в распоряжении имуществом, выразившемся в обязательном согласии жены на проведение сделки. Возможно, в данном случае мы наблюдаем пережиток архаичных норм лангобардского права, согласно которым мужу принадлежало только право пользования имуществом жены, права же полного распоряжения он не имел.⁴

Как показывают источники, достаточно частым явлением было изменение правового пространства женщины, когда она выходила замуж за человека, живущего по другому праву. Так, по документу 1103 года несколько родственников, живших по лангобардскому праву, продают 4 пертики пахотной земли. Интересно, что среди продавцов названа некая Фиция, которая прежде жила по римскому праву, но, выйдя замуж за некоего Иоанна, стала жить по лангобардскому праву, как и ее муж

---

¹ CDC I. № 43, а.1023. P.61.

² CDC I. № 105, а.1052. P.73.

³ CDC I. № 81, 1131. P.107.

⁴ Законы лангобардских королей признавали право на имущество женщины ее родичей, сохраняя тем самым связь вышедшей замуж женщины с ее родственным кругом. Ro. 200, 203.

(Iohannes f. q. Odoni et Ficia f. q. Benedicti iugales, quae Ficia profitetur lege romana esse sed nunc pro viro suo lege vivere longobardorum).¹ Из этого документа можно также увидеть, что продавцами одновременно являются два брата со своими женами и, кроме того, особо оговаривается согласие на эту сделку других родственников.

Изменение правового статуса женщины вследствие ее перехода в другую семью выявляется и в данных документа 1144 года, по которому продавцами выступают две супружеские пары, живущие по разному праву: Ланфранк и Бониссима из Поленго живут по римскому праву, а Гвильельм и Гизла из Аквалонги – по лангобардскому (a Lanfranco de Polengo et Bonissima, eius uxore, lege rom., et a Guilielmo de Aqualonga et Gisla eius uxore, sorore Bonissimae, lege long.).² Интересно то, что Бониссима и Гизла являются сестрами, и до замужества, скорее всего, жили по какому-либо одному праву, но кто из них его изменил, из документа понять нельзя. Заметим, что и происхождение их имен тоже различно – одно является латинским, другое германским – следовательно, смешение, нивелировка идет и в этой области.

Несомненно, что перед нами картина активного взаимодействия римского и лангобардского права в течение XI-XIII веков. Причем можно говорить, что нормы римского и лангобардского права в имущественных отношениях используются жителями Кремонской округи как обычное право, основанное на традиции, берущей свое начало со времени разделения населения после лангобардского завоевания на тех, кто живет по римскому праву, и тех – кто по лангобардскому. Идет процесс своеобразного «смешения» прав.

Наконец, мы можем поставить вопрос о том, имело ли место прямое смешение того и другого права. Уже в XI веке встречаются сделки, в которых одним из контрагентов выступают несколько человек, использующих различные правовые нормы. Например, в документе 1058 года дарителями земли вблизи с Кремоной выступают Фиция Бона, ее родственник и совладелец судья Петр, живущие по римскому праву, а также некий Альберт, живущий по лангобардскому праву и являющийся их совладельцем и, возможно, родственником (*consobrinis*).³

---

¹ CDC I. № 5, а.1103. P.94.

² CDC I. № 127, 1144. P.115.

³ CDC I. № 124, а.1058. P.76.

Если по этому документу нельзя с уверенностью утверждать, что контрагенты сделки, живущие по разному праву, являлись при этом родственниками, то по другим актам о таком явлении можно говорить с полной определенностью. Ярким примером может быть документ 1212 года, по которому члены одной семьи Карария отступаются в пользу кремонского епископа от трех участков земли в курии Форново, получив от епископа 33 фунта. В документе перечислено пятеро представителей этой семьи, и при этом указывается, что один из них, а именно Далмаций, живет по римскому праву (*Dalmatius vivere lege romana*), а четверо других – Лотаренг, Гидий, Рогерий и Гвициард – по лангобардскому праву (*Lotharengus et Gidius et Rogerius et Guyciardus, omnes vivere lege longobardorum*).¹ К сожалению, из текста документа нельзя понять причины того, почему один из членов семьи Карария, кстати, являвшихся вассалами кремонского епископа, стал жить в ином правовом пространстве, чем все остальные родственники.

Таким образом, в течение XI-XIII веков среди жителей Кремонской округи сохраняется берущее свое начало от эпохи лангобардов разделение по принадлежности к той или иной сфере права – римского или лангобардского. Причем особенностью Северной Италии было такое явление, когда значительная часть населения продолжала использовать нормы римского права в своей повседневной жизни, тогда как для остальной части Европы римское право превратилось в некий застывший институт, известный только узкому кругу юристов.² Эти нормы права – и римское, и лангобардское – в имущественных отношениях жителей Кремоны и ее округи выступают как нормы обычного права, имеющие определенную традицию и подвергающиеся медленным, но неуклонным изменениям.

Необходимо отметить, что франкское завоевание Северной Италии не наложило такого заметного отпечатка на имущественно-правовые отношения: салическое право было распространено только среди верхушки общества и достаточно быстро (к XII веку) перестало использоваться.

Но разделение жителей по признаку использования различных норм права не являлось абсолютным и постоянным. Как нам представляется, в рассматриваемый период времени происходит активный процесс взаимовлияния и взаимодействия рим-

---

¹ АК I. № 119, а.1212. С.251.

² Берман Г. Дж. Западная традиция права... – С.199-200.

ского и лангобардского права, отразившийся на имущественно-правовых отношениях.

Нельзя не заметить влияния на имущественные отношения норм лангобардского права. В частности, это проявлялось в сохранявшемся ограничении отчуждения земли требованием согласия более широкого круга родственников. Также до XII века продолжал влиять на имущественные отношения традиционный институт мундиума и даже происходило его восприятие некоторыми семьями, живущими по римскому праву.

Римское право оказалось особо востребованным в практике продажи земли. Его влияние выразилось в постоянном сокращении ограничений при фактах отчуждения земельной собственности, характерных для лангобардского права. Также о росте значения римского права свидетельствует соотношение актов, заключенных по разным правовым нормам: если для XI века доля документов с упоминанием о римском праве составляет 1/4 часть, то для XII века – уже 1/3, а для первой половины XIII века – 1/2.

В целом имущественные отношения в Кремонской округе развивались под знаком взаимного влияния и взаимного проникновения лангобардского и римского права с преимуществом последнего. Результатом этого процесса, возможно, стала выработка на практике неких общих правовых норм, регулирующих имущественные отношения. В любом случае с середины XIII века в актах, фиксирующих имущественные сделки, исчезают указания на принадлежность контрагентов к тому или иному праву. Видимо, это перестало быть юридически обязательным и социально востребованным.

Постепенное сближение правовых норм является одним из показателей медленного, но неизбежного процесса завершения ассимиляции бывших завоевателей-варваров с местным населением. Но этот сложный вопрос требует дальнейшего рассмотрения, здесь можно только отметить, что сближение правовых норм чем дальше, тем больше становилось фактором этой ассимиляции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Средневековый город Западной Европы, в том числе и итальянский, явился одним из важнейших факторов формирования и развития средневековой европейской цивилизации. Влияние городов проявлялось в самых разнообразных сферах: экономической, социальной, политической, духовной. Особенно мощным было взаимодействие города и тяготеющей к нему территории в Италии.

История Кремоны распадается на три периода, три части: античную (III в. до н.э. – V в.), раннесредневековую (VI-IX вв.) и собственно средневековую (X-XV вв.). Полной и прямой преемственности между ними не было, но восприятие тех или иных форм жизни имело место. От античности Кремоне достались постройки и сооружения, резиденция епископа и выгодное географическое положение. С VII по X века жизнь в Кремоне не прекращалась, хотя еще и не имела в полном виде того социально-экономического наполнения, которое характерно для последующих веков.

В политическом отношении именно в этот период наиболее полно оформляются публично-правовые основы власти кремонских епископов в городе и округе. Они становятся не только духовными, но и светскими властителями. Императорскими пожалованиями епископам были предоставлены иммунитетные и судебные права над значительными территориями в самой Кремоне и ее округе. Власть епископов базировалась на широкой автономии в области хозяйственно-экономической деятельности. Им принадлежали права чеканки монеты, взимания торговых пошлин, основания рынков и ряд других. Они десятилетиями увеличивают земельные владения, строят замки, обретают новых зависимых крестьян.

Уже к X веку относятся данные о первых столкновениях епископа и «народа кремонского». Основная же борьба за политическую власть между епископами и горожанами развернулась в XI веке. В результате уже в 1030-е годы горожане были допущены к городскому самоуправлению в качестве судей и некоторых других должностных лиц. К концу XI века в Кремоне утверждается коммуна. В начале XII века – консулат, во главе которого встает городской нобилитет. Публично-правовая власть осуществляется коммуной Кремоны, городское право оформляется в виде статута (не сохранившегося), которым регулируются отношения горожан с коммуной, оговариваются права и обязанности должностных лиц.

XII век стал периодом окончательного утверждения коммунального управления в Кремоне. Значительную роль в этом сыграла политика лавирования между внешними политическими силами – императорами и папами. В результате во второй половине века Кремона одной из первых в Северной Италии получила официальное признание как независимый город-коммуна, что означало окончательное уничтожение сеньориальной власти епископа. Кроме того, в XII веке коммуна Кремоны подчинила себе ряд поселений, замков и территорий в Кремонской округе. И хотя земельные владения кремонской епископии и светских феодалов оставались довольно значительными, коммуна Кремоны стала крупнейшим землевладельцем.

XIII век прошел для политической жизни Кремоны под знаком борьбы гвельфской и гибеллинской партий внутри города. Руководителями обеих партий в Кремоне были представители главных нобильских семей, сила которых основывалась как на землевладении, так и на участии в торгово-промышленной деятельности. Результатом длительной борьбы стало раннее, в 1249 году, установление синьории (то есть власти единоличного правителя) – сначала Уберто Пеллавичини, затем Босия Довария. Но укрепилась эта форма власти не сразу: кремонское пополанство, подобно флорентийскому, попыталось взять власть в свои руки, создать «малую коммуну», которая обеспечивала большее участие пополанских слоев в политическом управлении городом и округой.

Итак, Кремона прошла те же этапы коммунального движения, что и большинство итальянских городов, однако главной особенностью стало то, что власть в коммуне сохранила нобильскую окраску практически до появления синьории; попытки пополанства свергнуть последнюю оказались успешными, но недолговечными: к середине XIV века после целого ряда иноземных правителей или их викариев (Генрих VII, Роберт Анжуйский, Галеаццо Висконти, Людвиг Баварский) синьория окончательно устанавливается как новая форма власти. С 1330-х годов и до конца средневековья Кремона окончательно переходит под власть миланских герцогов и теряет свою политическую самостоятельность.

По типу поселения Кремона уже с XI века становится средним городом, входящим по величине во второй десяток итальянских городов-коммун. Что касается Кремонской округи, то на протяжении X-XIII вв. в ней происходила постоянная борьба за отдельные территории между местной феодальной знатью и кремонскими епископами; с XII века к этому процессу

присоединилась и коммуна Кремоны. На политические отношения в Кремонской области оказывали влияние сохранявшиеся земельные владения как епископов, так и светских феодалов.

Особенным историческим моментом оказалась политическая борьба разных сил за пограничные поселения. Все эти поселения уже в XII веке обладали укреплениями, а с середины XIII века – статусом коммуны. Причем наиболее крупные поселения (Форново, Караваджо, Сончино и др.) обрели этот статус уже к концу XII века, а другие позже – к середине или второй половине XIII века.

По совокупности признаков (концентрация ремесленно-торгового населения, наличие укреплений и статуса коммуны) такие поселения, как Форново, можно отнести к малым городам, такие как Караваджо и Сончино (а также еще девять поселений – Кастронуово, Иовизальта, Пьядена, Моцаника, Казалебутано, Солароло, Сесто, Суммо, Казалемаджоро) – к полуаграрным-полуремесленным торговым местечкам, имеющим определенные условия для превращения их в малые города, а такие как Пескароло – к поселениям чисто аграрного характера со слабым или незначительным развитием товарно-денежных отношений, не позволяющим проявиться в нем урбанизационным процессам. Итак, только 2-3% поселений Кремонской округи в XI-XIII веках можно отнести к малым городам, каждое пятое (около 20%) – к полугородским-полуаграрным поселениям, а все остальные (почти 80%) – к чисто аграрным.

Исследование материалов Кремонской округи привело к заключению, что поселения, в которых существовали элементы ремесленного производства и торговли и которые имели потенции стать городскими поселениями, на период XII-XIII веков не реализовали такой возможности. Это можно объяснить тем, что крупный региональный центр – Кремона – объективно препятствовал росту мелких городских центров в рамках относительно небольшой округи, как бы «оттягивая» на себя массу ее ремесленного и торгового населения. Причем это проявлялось даже в пространственном расположении поселений по отношению к Кремоне: близко расположенные поселения (5-10 км) не имели даже элементов ремесла, даже собственного рынка, оказываясь полностью вовлеченными в орбиту хозяйственной деятельности крупного города. Только в окраинных районах округи (30-40 км от Кремоны) жители испытывали потребность в местном ремесле и местной торговле.

Но такие окраинные поселения, бывшие одновременно пограничными, испытывали на себе еще и борьбу политических

сил Кремоны и округи, становились зачастую объектом интереса различных противоборствующих сил и центрами возникавших на этой почве конфликтов.

На примере пограничных поселений Форново и Сончино можно выделить основных субъектов и несколько вариантов политической борьбы за эти поселения. В качестве основных субъектов политических отношений выступали кремонские епископы и коммуна Кремоны, представители феодальной знати и городского нобилитета, соседние североитальянские города и поселения самой Кремонской округи.

Борьба между епископами и коммуной Кремоны продолжалась до конца XII века, при этом та и другая сила использовали совершенно разные методы усиления влияния: епископ – военно-феодалные (строительство замков), коммуна – чисто городские – фискальные, административные, финансовые (налоговые льготы, оплата материалов и работ по укреплению стен и т.д.).

Особую сложность и остроту ситуации составляло то, что кремонские епископы противостояли в Форново не только коммуне, но и представителям феодальной знати – графам Камиксано, причем это противостояние превратилось в долгий конфликт, развернувшийся в 30-е годы XIII века и длившийся до середины столетия, в который оказались вовлечены и германский император, и римский папа. Победу в нем одержал кремонский епископ, но главной жертвой стал маленький городок. Форново подвергался нападению и со стороны своего ближайшего соседа, небольшого полуремесленного местечка Караваджо, главной причиной чему могла стать борьба за влияние на близлежащую сельскую округу. Наконец, все тот же Форново стал в очередной и который раз жертвой многовековой вражды между Кремоной и Миланом, выразившейся в вооруженном нападении миланцев в первой трети XIII века.

С середины XIII века усиливается внимание к пограничным поселениям округи со стороны кремонского нобилитета, ярким примером чего становится судьба Сончино. Шаг за шагом один из лидеров кремонских нобилей Босий Доварий добивается признания его вечным подестб, а затем и синьором поселения. Своеобразная «маленькая синьория» складывается в Сончино даже раньше, чем это происходит в самой Кремоне. Одновременно эти действия Босия Довария становятся и фактором укрепления его позиций, и своеобразной «генеральной репетицией» перед решительным наступлением на коммунальные власти самой Кремоны. Возможно, именно в таких небольших местечках зарождались и апробировались те формы политической организации, которые

уже в середине XIV века установились в Кремоне, а затем станут фактом для большинства итальянских городов.

Таким образом, различного рода конфликты, борьба между самыми разными по облику политическими силами, в которые оказываются втянутыми в XI-XIII веках пограничные поселения, во многом определяют специфику не только политического, но и социально-экономического развития Кремонской округи. Эти конфликты не способствовали ни экономическому развитию, ни упрочению самостоятельности поселений.

В условиях политической децентрализации Италии столь многоликая и многослойная борьба за господство над территорией округи и власть над ее поселениями была одним из факторов, способствовавших сохранению и упрочению партикуляристских тенденций, характерных для большинства итальянских городов, в том числе Кремоны.

Что касается имущественно-правовых отношений в Кремонской округе в XI-XIII веках, то для этого периода сохраняет свое значение разделение жителей по правовому признаку, берущее свое начало со времени лангобардского и франкского завоеваний. Причем регулирование имущественных отношений происходило на основе не городского статутного права, а обычного, в качестве которого выступало для одной части населения римское, для другой – варварское.

Разделение лиц по римскому и лангобардскому праву действительно влияло на проведение имущественных сделок. Особенно это касается сделок, связанных с отчуждением недвижимого имущества – дарений и купли-продажи земли. Лица, жившие по римскому праву, при проведении подобных сделок обычно не были ограничены никакими условиями – они совместно владели землей и совместно ее отчуждали. Напротив, согласно сохранявшимся нормам лангобардского права отчуждение земли, как правило, ограничивалось требованием согласия на подобную сделку весьма широкого круга родственников. Кроме того, о действительности норм лангобардского права может свидетельствовать сохранявшийся до конца XII века институт мундиума, то есть опеки и покровительства над женщиной.

Тем не менее разделение жителей по признаку использования различных норм права для XI-XIII веков не было ни постоянным ни абсолютным. Можно говорить о процессе взаимовлияния и взаимопроникновения римского и лангобардского права в ходе имущественных отношений. С одной стороны, оказались очень живучими и влияли на проведение имущественных сделок вплоть до середины XIII века нормы лангобардского права. Об

их устойчивости может свидетельствовать тот факт, что некоторые семьи, живущие по римскому праву, использовали в своей практике лангобардский институт мундиума.

С другой стороны, оказалось особо востребованным в практике продаж земли римское право. Его влияние выразилось в постоянном сокращении прежних ограничений при отчуждении земли, характерных для лангобардского права. Рост значения римского права отразился на количественном соотношении актов по столетиям: в первой половине XIII века упоминания о нем присутствует в каждой второй сделке, тогда как двумя веками ранее лишь в каждой четвертой, а веком – в каждой третьей.

Таким образом, имущественные отношения в Кремонской округе развивались под знаком активного взаимного влияния лангобардского и римского права с преимуществом последнего. В результате на практике могли складываться некие общие правовые нормы: в любом случае с середины XIII века упоминания о принадлежности контрагентов сделок к тому или иному праву перестает встречаться. Значит, это перестало быть юридически обязательным и социально востребованным в силу развития товарно-денежных отношений и формирования единых норм имущественного права.

В целом основные особенности политико-правовых и имущественных отношений в Кремоне в XI-XIII веках состоят в том, что их развитие происходило под знаком активного взаимодействия города и округа, следствием чего были: во-первых, сильные позиции нобилитета в городе, проявившиеся на всех этапах коммунального движения; во-вторых, слабое экономическое и политическое значение малых поселений округа, становившихся объектами притязаний со стороны различных противоборствующих сил; в-третьих, трансформация под влиянием развивавшихся в городе товарно-денежных отношений обычного права (римского и лангобардского) в сторону выработки единых правовых норм для всех жителей Кремоны и ее округа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Хроники

1. Chronicon cremonense // Muratori L.A. Rerum italicarum scriptores. – Mediolanum, 1723-1738. – Vol.7.
2. Sicardi episcopi cremonensis chronicon // Muratori L.A. Rerum italicarum scriptores. – Mediolanum, 1723-1738. – Vol.7.

Императорские и королевские дипломы

1. Hlotarius imperator (a.841) // Codex diplomaticus Cremonae. 715-1334 / Ed. a Astegiano. Tomus I. – Taurinorum, 1896. – Doc.№4-5.
2. Hludovicus II imperator (a.851, 858) // Ibid. – Doc.№6-8, 11.
3. Karolus Calvus imperator (a.876, 882) // Ibid. – Doc.№14, 19.
4. Hludovicus III imperator (a.902) // Ibid. – Doc.№1.
5. Berengarius imperator (a.916, 920) // Ibid. – Doc.№5, 8, 11.
6. Rodulfus rex (a.924) // Ibid. – Doc.№12.
7. Conradus II imperator (a.1037) // Акты Кремоны X-XIII веков в собрании Академии Наук СССР / Под ред. С.А. Аннинского, О.А. Добиаш-Рождественской. – М.-Л., 1937. – Док.№8.
8. Henricus III imperator (a.1046, 1055) // Codex diplomaticus Cremonae. 715-1334 / Ed. a Astegiano. Tomus I. – Taurinorum, 1896. – Doc.№99, 115.
9. Henricus IV imperator (a.1066) // Ibid. – Doc.№144.
10. Henricus V imperator (a.1046, 1055) // Ibid. – Doc.№26.
11. Fredericus I imperator (a.1162, 1186) // Ibid. – Doc.№201, 427.
12. Fredericus II imperator (a.1219) // Ibid. – Doc.№268.

Папские энциклики (буллы)

1. Gregorius VII (a.1078) // Ibid. – Doc.№164.
2. Innocentius II (a.1132) // Акты Кремоны X-XIII веков в собрании Академии Наук СССР / Под ред. С.А. Аннинского, О.А. Добиаш-Рождественской. – М.-Л., 1937. – Док.№21.
3. Innocentius III (a.1210) // Там же. – Док.№115.
4. Honorius III (a.1217) // Codex diplomaticus Cremonae. 715-1334 / Ed. a Astegiano. Tomus I. – Taurinorum, 1896. – Doc.№201.
5. Honorius III (a.1224) // Акты Кремоны X-XIII веков в собрании Академии Наук СССР / Под ред. С.А. Аннинского, О.А. Добиаш-Рождественской. – М.-Л., 1937. – Док.№148.

6. Gregorius IX (a.1235) // Акты Кремоны XIII-XVI веков в собрании Академии Наук СССР / Под ред. Л.Г. Катушкиной, В.И. Рутенбурга, Е.Ч. Скржинской. – М.-Л., 1961. – Док.№11.

7. Innocentius IV (a.1247) // Codex diplomaticus Cremonae. 715-1334 / Ed. a Astegiano. Tomus I. – Taurinorum, 1896. – Doc.№556.

Документы частного-правового характера

1. Donatio, concessio (дарение) – всего 92 акта // Codex diplomaticus Cremonae. 715-1334 / Ed. a Astegiano. Tomus I. – Taurinorum, 1896. – Pp.5-380; Codex diplomaticus Cremonae. 715-1334. Tomus II. / Ed. a L. Astegiano. – Taurinorum, 1899. – Pp. 5-205; Акты Кремоны X-XIII веков в собрании Академии Наук СССР / Под ред. С.А. Аннинского, О.А. Добиащ-Рождественской. – М.-Л., 1937. – С.35-360; Акты Кремоны XIII-XVI веков в собрании Академии Наук СССР / Под ред. Л.Г. Катушкиной, В.И. Рутенбурга, Е.Ч. Скржинской. – М.-Л., 1961. – С.29-254.

2. Commutatio, cambium (обмен) – всего 65 актов // Ibid.

3. Venditio (продажа) – всего 188 актов // Ibid.

4. Refutatio, renuntiatio (отказ от прав, отступная) – всего 78 актов // Ibid.

5. Investitura (инвеститура) – всего 232 акта // Ibid.

6. Locatio (аренда) – всего 57 актов // Ibid.

7. Testimonium etc.(судебные дела и др.) – всего 86 актов // Ibid.

8. Sacris et ecclesii rerum (духовные и церковные дела) – всего 94 акта // Ibid.

9. Index redditibus etc. (перечни доходов и др.) – всего 16 актов // Ibid.

Законы лангобардских королей

1. Эдикт Ротари // Шервуд Е.А. Законы лангобардов: К раннему этногенезу итальянцев. – М., 1991. – С.15-62.

2. Законы короля Гримоальда // Там же. – С.63-67.

3. Законы короля Лиутпранда // Там же. – С.68-110.

4. Законы короля Ратхиса // Там же. – С.111-119.

5. Законы короля Айстульфа // Там же. – С.120-130.

Литература

1. Абдуллабеков В.О. Представления о браке и брачности в Пизе начала XV в. // Женщина, брак, семья до начала нового времени. – М., 1993. – С.88-106.
2. Абрамсон М.Л. К проблеме типологии южноитальянского города (XII-XIII вв.) // Средние века. – М., 1988. – Вып.51. – С.35-58.
3. Абрамсон М.Л. Крупные города Апулии в XII–XIII веках. (На материале Бари и Барлетты) // Средние века. – М., 1985. – Вып.48. – С.47-70.
4. Абрамсон М.Л. Семья в реальной жизни и в системе ценностных ориентаций в южноитальянском обществе X-XIII вв. // Женщина, брак, семья до начала нового времени. – М., 1993. – С.38-54.
5. Абрамсон М.Л. Социальная структура южноитальянского города (XII-XIII вв.) // Классы и сословия средневекового общества. – М., 1988. – С.116-120.
6. Абрамсон М.Л. Супруги, их родные и близкие в южноитальянском городе высокого средневековья (X-XIII вв.) // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. – М., 1996. – С.103-135.
7. Абрамсон М.Л. Характерные черты южноитальянского города в раннее средневековье (VI-XI вв.) // Средние века. – М., 1976. – Вып.40. – С.12-28.
8. Авдеева К.Д., Шаферова Л.А. Рецензия на статью С.М.Стама // Средние века. – М., 1975. – Вып.39. – С.237.
9. Баткин Л.М. Период городских коммун // История Италии. – М., 1970. – Т.1. – С.200-272.
10. Баткин Л.М. Письмо читателя // Средние века. – М., 1955. – Вып.6. – С.359-365.
11. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. – 2-е изд. – М., 1998.
12. Бернадская Е.В. К истории аграрных отношений в Северной и Средней Италии XIV-XVI вв. (по материалам провинций Модены и Феррары) // Из истории трудящихся масс Италии. – М., 1959. – С.179-199.
13. Бернадская Е.В. К истории сельских коммун Моденской провинции // Средние века. – М., 1959. – Вып.14. – С.49-68.
14. Бернадская Е.В. Политический строй итальянских государств. Синьории и принципаты // История Италии. – М., 1970. – Т.1. – С.295-346.

15. Бессмертный Ю.Л. Феодалная деревня и рынок в Западной Европе XII–XIII вв. (по северофранцузским и западно-немецким материалам). – М., 1969.

16. Бородин О.Р. Эволюция муниципального устройства в Северо-Восточной Италии в эпоху византийского господства // Античность и раннее средневековье. Социально-политические и этнокультурные процессы. – Н. Новгород, 1991. – С.118-119.

17. Брагина Л.М. Общинное землевладение в Северо-Восточной Италии XIII-XIV вв. // Средние века. – М., 1958. – Вып.12. – С.31-50.

18. Брагина Л.М. Сельские коммуны в Северо-Восточной Италии в XIII-XIV вв. // Средние века. – М., 1955. – Вып.7. – С.286-302.

19. Вайнштейн О.Л. История советской медиевистики. (1917-1966). – Л., 1968.

20. Варьяш О.И. Городское право и право в городе как фактор единения // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т.3. Человек внутри городских стен. Формы общественных связей. – М., 2000. – С.232-254.

21. Виноградов П.Г. Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. – СПб., 1880.

22. Воскобойников О.С. Итальянские города между империей и папством: 1150-1250 гг. // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т.2. Extra muros. Город, общество, государство. – М., 2000. – С.167-184.

23. Гуковский М.А. Итальянское Возрождение. Т.1. – Л., 1947.

24. Гусарова Т.П. Город и деревня Италии на рубеже позднего средневековья. – М., 1983.

25. Дворецкая И.А. Возникновение раннефеодального государства в Северной Италии VI – VII веков. – М., 1982.

26. Дворецкая И.А. Западная Европа в V-IX вв. – М., 1990.

27. Дворецкая И.А. К вопросу о характере королевской власти у лангобардов в VI-VII вв. // Из истории западноевропейского средневековья. – М., 1972. – С.44-80.

28. Дворецкая И.А. Право и развитие государственности в Лангобардской Италии (VII-VIII вв.) // Из истории социально-этических и политико-правовых идей. – Саратов, 1990. – С.64-83.

29. Дорофеева М.М. Деловые интересы кремонского нобилитета XIII века (аллодиальные сделки) // Средневековый город. – Саратов, 1995. – Вып.12. – С.19-23.

30. Казбекова Е.В., Юсим М.А. Средневековый город-государство // Город в средневековой цивилизации Западной

Европы. Т.4. Extra muros: город, общество, государство. – М., 2000. – С.45-51.

31. Карпачева М.Е. Антифеодальная борьба горожан Каркассона в XII-XIII вв. // Средневековый город. – Саратов, 1978. – Вып.5. – С.29-39.

32. Карпачева М.Е. Догородские очаги и начало градообразовательного процесса в каркассонском районе в средние века // Средневековый город. – Саратов, 1974. – Вып.2. – С.53-81.

33. Карпачева-Беляева М.Е. Завершающий этап антиинквизиционной борьбы в Каркассоне // Средневековый город. – Саратов, 1989. – Вып.9. – С.166-173.

34. Карпачева М.Е. Коммунальное движение в мелких городских центрах средневекового Каркассэ // Средневековый город. – Саратов, 1981. – Вып.6. – С.118-121.

35. Карпачева М.Е. Освободительная борьба в Каркассоне XIII в. // Средневековый город. – Саратов, 1981. – Вып.7. – С.21-36.

36. Карпачева М.Е. Ранний этап коммунального движения в средневековом Каркассоне // Средневековый город. – Саратов, 1978. – Вып.4. – С.3-20.

37. Карпачева М.Е. Становление ремесленно-торговой экономики в мелких городских центрах Каркассонского района в средние века. // Средневековый город. – Саратов, 1975. – Вып.3. – С.34-54.

38. Карпачева-Беляева М.Е. Особенности освободительного движения в мелких городских центрах средневекового Каркассэ // Средневековый город. – Саратов, 1991. – Вып.10. – С.20-30.

39. Ковалевский М.М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. – М., 1900. – Т.II.

40. Котельникова Л. А. Городская община в Северной и Средней Италии в VIII-X вв.: действительность раннего средневековья и античные традиции // Страны Средиземноморья в эпоху феодализма. – Горький, 1975. – Вып.2. – С.60-71.

41. Котельникова Л.А. Городское землевладение в Центральной Италии в VIII-X веках // Средние века. – М., 1981. – Вып.44. – С.76-96.

42. Котельникова Л.А. Итальянский город раннего средневековья и его роль в процессе генезиса феодализма // Средние века. – М., 1975. – Вып.38. – С.100-115.

43. Котельникова Л.А. Итальянское крестьянство и город в XI-XIV веках (по материалам Средней и Северной Италии). – М., 1967.

44. Котельникова Л.А. Некоторые проблемы социально-экономической истории сельских коммун в Средней Италии XIII-XIV вв. // Из истории трудящихся масс Италии: Сборник статей. – М., 1959. – С.133-170.

45. Котельникова Л.А. О формах общинной организации североитальянского крестьянства в IX-XI вв. // Средние века. – М., 1960. – Вып.17. – С.116-140.

46. Котельникова Л.А. Политика городов по отношению к сельским коммунам Северной и Средней Италии в XII в. // Средние века. – М., 1959. – Вып.16. – С.3-22.

47. Котельникова Л.А. Феодализм и город в Италии в VIII-XV веках: По материалам центральных и северных областей. – М., 1987.

48. Краснова И.А. Деловые люди Флоренции XIV-XV вв. – М.-Ставрополь, 1995.

49. Краснова И.А. Консортерия и семейная компания во Флоренции XIV-XV вв. // Общности и человек в средневековом мире: Материалы межреспубликанской конференции. – М.-Саратов, 1992. – С.80-82.

50. Кудрявцев П.Н. Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим. – М., 1850.

51. Кюттлер В. Город и бюргерство при феодализме. Теоретические проблемы исследования города в ГДР // Средние века. – М., 1982. – Вып.45. – С.141-184.

52. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. – М., 1992.

53. Левандовский А.П. Карл Великий: Через империю к Европе. – М., 1995.

54. Левицкий Я.А. Город и ремесло в Англии в X-XIII вв. – М., 1960

55. Левицкий Я.А. Некоторые проблемы истории западно-европейского города периода феодализма // Вопросы истории. – 1969. – №9. – С.91-101.

56. Луццатто Дж. Экономическая история Италии. Античность и средние века / Пер. с итал. – М., 1954.

57. Макаров А.А. Особенности социально-экономического развития Ковентри XII-XIV вв.: Автореф. дисс. ... канд.ист.наук. – Саратов, 1999.

58. Мананчикова Н.П. Дубровник XIII – первой половины XV вв.: проблемы торговли. – Воронеж, 1999.

59. Негуляева Т.М. Возникновение свободной земельной собственности в Страсбурге и ее судьбы в XIII – начале XIV в. // Средневековый город. – Саратов, 1968. – Вып.1. – С.61-77.

60. Негуляева Т.М. Условия возникновения средневекового городского права // Средневековый город. – Саратов, 1989. – Вып.9. – С.3-18.

61. Негуляева Т.М. Складывание сеньориального режима в Страсбурге // Средневековый город. – Саратов, 1998. – Вып.12. – С.26-35.

62. Нейберт Г. Земельные собственники и землевладельцы «франкского», «аллеманского», «бургундского» и «баварского» происхождения в Италии (774-1000) // Средние века. – М., 1967. – Вып.30. – С.211-227.

63. Неусыхин А.И. Общественный строй лангобардов в VI-VII вв. // Средние века. – М.-Л., 1942. – Вып.1. – С.75-89.

64. Неусыхин А.И. Понятие свободы в эдикте Ротари // Средние века. – М., 1946. – Вып.2. – С.82-113.

65. Орлова Е.Ю. К вопросу о термине «раннесредневековый город» (историографические заметки) // Средневековый город. – Саратов, 1997. – Вып.11. – С.139-147.

66. Осипова Т.С. Ирландский город и экспансия Англии XII-XV вв. – М., 1973.

67. Полянский Ф.Я. Очерки социально-экономической политики цехов в городах западной Европы в XIII-XV вв. – М., 1952.

68. Полянский Ф.Я. Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма. – М., 1954.

69. Репина Л.П. Город, общество, цивилизация: историческая урбанистика в поисках синтеза // Город как социокультурное явление исторического процесса. – М., 1995. – С.32-38.

70. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. – М., 1998.

71. Рутенбург В.И. Итальянский город от раннего Средневековья до Возрождения: Очерки. – Л., 1987.

72. Рутенбург В.И. Очерк из истории раннего капитализма в Италии. Флорентийские компании XIV века. – М.-Л., 1951.

73. Рутенбург В.И. Истоки Рисорджименто: Италия в XVII-XVIII вв. – Л., 1980.

74. Рутенбург В.И. Италия и Европа накануне нового времени: Очерки. – Л., 1974.

75. Рутенбург В.И. Народные движения в городах Италии: XIV – начало XV века. – М.-Л., 1958.

76. Рутенбург В.И. О прогрессивности капиталистических отношений в Италии XIV-XV вв. // Средние века. – М., 1955. – Вып.6. – С.387-410.
77. Рутенбург В.И. Ранний капитализм. Городские восстания XIV-XV вв. // История Италии. Т.1. – М., 1970. – С.273-294.
78. Рутенбург В.И. Средневековый город и его эволюция // Средние века. – М., 1971. – Вып.34. – С.66-67.
79. Самаркин В.В. Город и деревня в Северо-Восточной Италии XII-XIV вв.: Автореф. дисс... канд. ист. наук. – М., 1964.
80. Самаркин В.В. Историческая география Западной Европы в средние века. – М., 1976.
81. Самаркин В.В. Историческая демография западноевропейского средневековья // Вопросы истории. – 1977. – №2. – С.186-192.
82. Самаркин В.В. Подчинение деревни городу в Северо-Восточной Италии XIII в. // Вестник МГУ. Серия IX. История. – М., 1956. – №3. – С.80-86.
83. Самаркин В.В. Эволюция либеллярного держания Северо-Восточной Италии в XII-XIV вв. // Вестник МГУ. Серия IX. История. – М., 1964. – №3. – С.67-78.
84. Самаркин В.В. Эволюция хозяйственных распорядков падуанской деревни в XII-XIV вв. // Вестник МГУ. Серия IX. История. – М., 1968. – №6. – С.47-58.
85. Сванидзе А.А. Возникновение и рост средневековых городов // История средних веков: Учебник. В 2-х т. / Под ред. С.П.Карпова. – 2-е изд. – М., 2000. – Т.1. – С.243-271.
86. Сванидзе А.А. Возникновение монетной чеканки и некоторые проблемы догородского развития Швеции // Средневековый город. – Саратов, 1978. – Вып.5. – С.3-29.
87. Сванидзе А.А. Генезис феодального города в ранне-средневековой Европе: проблемы и типология // Городская жизнь в средневековой Европе. – М., 1987. – С.7-114.
88. Сванидзе А.А. Деревенские ремесла в средневековой Европе. – М., 1983.
89. Сванидзе А.А. Проблемы истории средневекового города в тематическом межвузовском сборнике // Средние века. – М., 1982. – Вып.45. – С.317-326.
90. Сванидзе А.А. Ремесло и ремесленники средневековой Швеции (XIV-XV вв.). – М., 1967
91. Сванидзе А.А. Средневековые города // История Европы. Т.2. Средневековая Европа. – М., 1992. – С.231-255.
92. Сванидзе А.А. Средневековые города Западной Европы: некоторые общие проблемы // Город в средневековой цивили-

лизации Западной Европы. Т.1. Феномен городского урбанизма. – М., 1999. – С.9-41.

93. Сванидзе А.А. Средневековый город и рынок в Швеции XIII-XV вв. – М., 1980.

94. Селунская Н.А. Каструм и урбанизационные процессы: Италия // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т.1. Феномен средневекового урбанизма. – М., 1999. – С.272-282.

95. Селунская Н.С. Влияние римской аристократии в городе и округе // Феодалы в городе: Запад и Русь. – М., 1996. – С.43-49.

96. Селунская Н.С. Городские коммуны – сеньоры замков (по материалам статутов Римской провинции XIII-XIV вв.) // Средневековый город. – Саратов, 1998. – Вып.12. – С.57-69.

97. Селунская Н.С. Сеньориальный нобилитет и замковая община (Римская Провинция, XIII-XIV вв.) // Средние века. – М., 1997. – Вып.59. С.77-88.

98. Солодкова Л.И. Ранний Кельн: социально-экономическое развитие и освободительная борьба горожан (XI-XIII вв.). – Саратов, 1991.

99. Солодкова Л.И. Складывание торгово-ремесленного центра в Кельне в XI-XIII вв. // Средневековый город. – Саратов, 1989. – Вып.9. – С.18-26.

100.Стам С.М. Некоторые актуальные вопросы изучения истории средневекового города // Средневековый город. – Саратов, 1981. – Вып.6. – С.3-19.

101.Стам С.М. Складывание социальных структур феодального города (XI-XIII вв.) // Средние века. – М., 1971. – Вып.34. – С.256-273.

102.Стам С.М. Средневековый город и проблема возникновения нефеодалных форм собственности // Средневековый город. – Саратов, 1974. – Вып.2. – С.3-46.

103.Стам С.М. Средневековый город и развитие социальной структуры средневекового общества // Классы и сословия средневекового общества. – М., 1988. – С.40-49.

104.Стам С.М. Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI-XIII вв.). – Саратов, 1969.

105.Стоклицкая-Терешкович В.В. К вопросу о «раннем капитализме» во Флоренции XIV века // Средние века. – М., 1954. – Вып.5. – С.338-350.

106.Стоклицкая-Терешкович В.В. Основные проблемы истории средневекового города X-XV вв. – М., 1960.

- 107.Сюзюмов М.Я. О функциях раннесредневекового города // Античная древность и средние века. – Свердловск, 1977. – Вып.14. – С.33-49.
- 108.Тушина Г.М. Города в феодальном обществе Южной Франции (по материалам Прованса XII-XV вв.). – М., 1985.
- 109.Уваров П.Ю. Община горожан: структура и конфликты // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т.3. Человек внутри городских стен. Формы общественных связей. – М., 2000. – С.8-40.
- 110.Усков Н.Ф. Монастыри в городе // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т.1. Феномен средневекового урбанизма. – М., 1999. – С.284-313.
- 111.Фрейденберг М.М. Дубровник и Османская империя. – М., 1984.
- 112.Хачатурян Н.А. Город в системе феодальной формации // Вопросы истории. – 1983. – №1. – С.69-84.
- 113.Хачатурян Н.А. Город в системе феодальной формации // Вопросы истории. – 1983. – №1. – С.69-84.
- 114.Хачатурян Н.А. Политическая организация средневекового города // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т.1. Феномен средневекового урбанизма. – М., 1999. – С.313-341.
- 115.Цыбенко О. Феодальное землевладение епископской церкви и положение крестьянства в Кремоне X-XII веков: Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Львов, 1956.
- 116.Чернецкая Т. С. Торговля и торговая организация Вероны X-XIII вв. // Средневековый город. – Саратов, 1991. – Вып.10. – С.12-20.
- 117.Чернецкая Т.С. Особенности социальной структуры Вероны XIII в. // Проблемы социально-политической истории зарубежных стран. – Сыктывкар, 1996. – С.23-32.
- 118.Чистозвонов А.Н. Исследовать явления в их исторической самобытности и связях // Средние века. – М., 1955. – Вып.6. – С.366-386.
- 119.Чистозвонов А.Н. О социальной природе средневекового бюргерства (постановка проблемы) // Средние века. – М., 1982. – Вып.45. – С.185-195.
- 120.Чистозвонов А.Н. Социальная природа нидерландского бюргерства при феодализме и в период перехода от феодализма к капитализму // Социальная природа средневекового бюргерства XII-XVII вв. – М., 1979. – С.98-120.

121. Шаферова Л.А. Котор XII – начала XV вв. Социально-экономические отношения южнодалматинского города. – Красноярск, 1990.

122. Шервуд Е.А. Законы лангобардов. Обычное право древнегерманского племени (К раннему этногенезу итальянцев). – М., 1991.

123. Эпштейн А.Д. К вопросу о «раннем капитализме» во Флоренции XIV века // Средние века. – М., 1953. – Вып.4. – С.326-354.

124. Юсим М. А. Ломбардская лига // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т.4. Extra muros: город, общество, государство. – М., 2000. – С.120-125.

125. Ястребицкая А.Л. Европейский город. Введение в современную урбанистику: Автореф. дисс. ... докт.ист.наук. – М., 1992.

126. Ястребицкая А.Л. Западноевропейский город в средние века // Вопросы истории. – 1978. – №4. – С.96-113.

127. Ястребицкая А.Л. Малые города как проблема сравнительно-исторического изучения европейского средневекового города // Средние века. – М., 1988. – Вып.51. – С.59-80.

128. Ястребицкая А.Л. Международная конференция о роли малых городов Европы в Средние века и начале Нового времени (Бауцен, 1984) // Вопросы истории. – 1985. – №9. – С.149-151.

129. Ястребицкая А.Л. Основные проблемы ранней истории средневекового города в освещении современной западной средневековедения // Средние века. – М., 1980. – Вып.43. – С.248-275.

130. Ястребицкая А.Л. Средневековая Европа в свете историко-демографических социокультурных исследований // Средневековая Европа глазами современника и историка. Ч.2. Европейский мир X-XV вв. – М., 1992. – С.7-36.

131. Ястребицкая А.Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. – М., 1995.

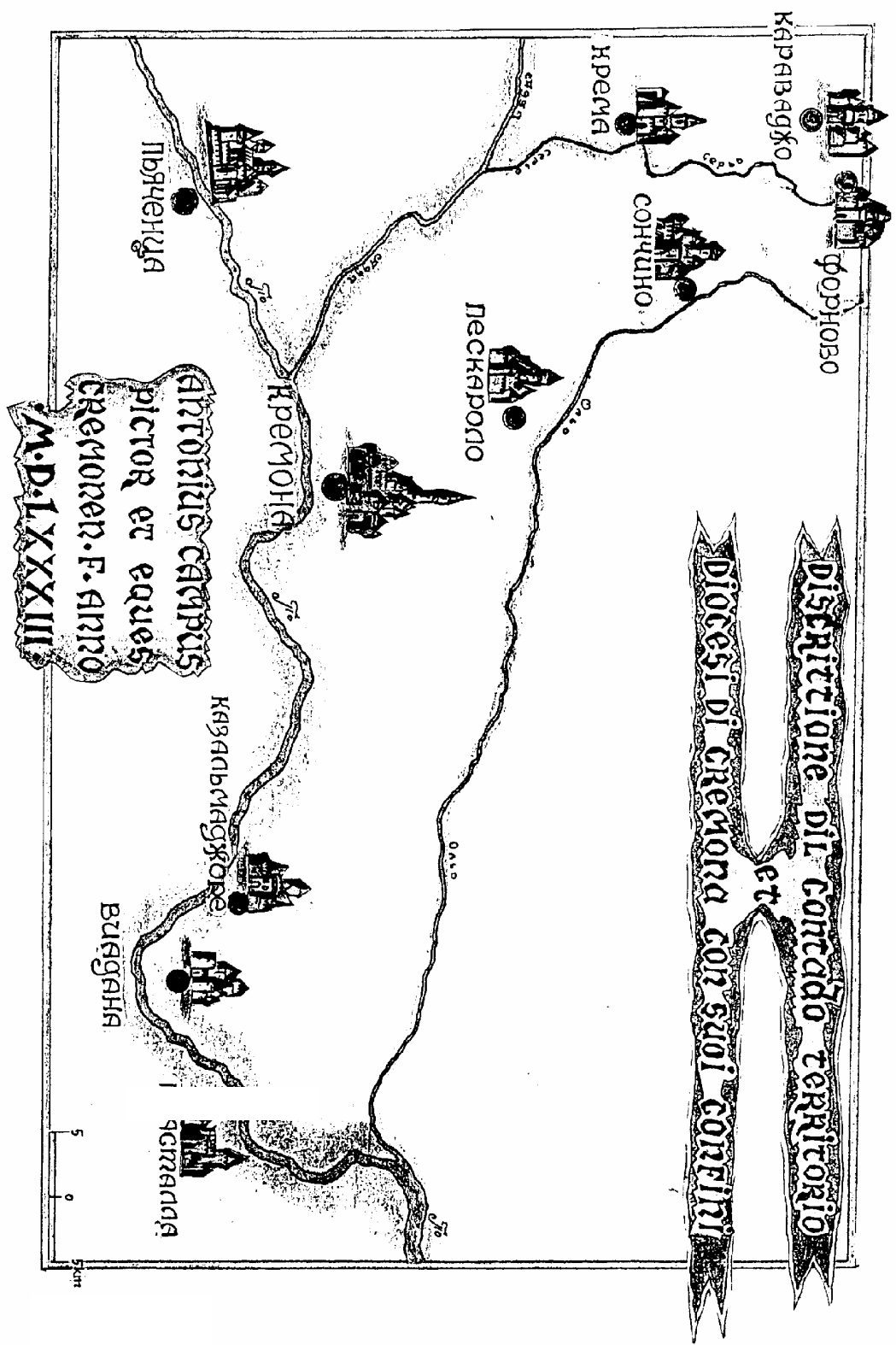
132. Ястребицкая А.Л. Средневековый город и проблемы европейской урбанизации в свете современного исторического знания. // Город как социокультурное явление исторического процесса. – М., 1995. – С.100-105.

133. Bertelli S. Il potere oligarchico nell stato-citta medievale. – Firenze, 1978.

134. Brezzi P. Comuni italiani nella storia d'Italia. – Torino, 1959.

135. Butler W. The Lombard communes. A history of the republics of North Italy. – New York, 1969.

136. Cherubini G. Signori, contadini, borghesi. Ricerche sulla società italiana del basso Medioevo. – Firenze, 1974.
137. Chiappelli L. La formazione storica del Comune cittadino in Italia. // Archivio storico italiano. – 1926, 1927, 1928. – Vol.6-10.
138. Chittolini G. I beni terrieri del Capitolo della Cattedrale di Cremona. // Nuova Rivista Storica. – 1965. – Fasc.3-4. – P.213-274.
139. Day J. Mercanti e banchieri dal XII al XV secolo. // La storia. I grandi problemi dal Medioevo all’Eta Contemporanea. – Torino, 1988. – Vol.1. – P.207-224.
140. Fasoli G. Feudo e castello. // Storia d’Italia. – Torino, 1973. – Vol.5. – P.298-303.
141. Frugoni A. Storia della città in Italia. – Torino, 1956.
142. Gualazzini U. La formazione di un’antica città: Cremona. – Milano, 1960.
143. Gualazzini U. La mercadandia nella vita cremonese. – Milano, 1955.
144. Herlihy D., Klapish-Zuber Ch. Tuscans and their families. A Study of the Florentine Catasto of 1427. – London, 1985.
145. Menant F. Lombardia feudale. Studi sull’aristocrazia padana nei secoli X-XIII. – Milano, 1992.
146. Renouard Y. Les villes d’Italie de la fin X-e siècle au début du XIV-e siècle / Nouv. ed. par Ph. Braunstein. – Paris, 1969. – T.1-2.
147. Russel J.C. Medieval Regions and their Cities. – London, 1972.
148. Saitta A. Antologia di critica storica Problemi della città medievale. – Bari, 1958.
149. Schmiedt G. Città e fortificazioni nei rilievi aerofotografici // Storia d’Italia. – Torino, 1973. – Vol.5. – P.148-235.
150. Settia A.A. Zone «strategiche» e borghi nuovi. Aspetti della guerra nell’eta comunale // Studi storici. Anno 31. – 1990. – №4. – P.983-997.
151. The Family in Italy from antiquity to the present. – London, 1990.
152. Valeri N. L’Italia nell’eta dei principati dal 1343 al 1516. – Verona, 1969.
153. Violante C. La società milanese nell’eta precomunale. – Bari, 1974.
154. Volpe G. Medioevo italiano. – Firenze, 1961.
155. Wickham Ch. Early Medieval Italy. Central Power and Local Society 400-1000. – London, 1981.
156. Zangheri R. Agricoltura e contadini nella storia d’Italia. Discussioni e ricerche. – Torino, 1977.

План издания №17

А.Г. Канаев

Кремона X-XIII вв. (историко-правовое исследование)

Монография

Редактор Ю.В. Леонтьева
Технический редактор Е.Н. Банщикова

ИД № 02390 от 17.07.2000
ПД № 16-017 от 10.07.2000
ГЗ № 24.49.1.953 П 234.6.00 от 13.06.2000

Подписано в печать _____
Формат Р 60x84. Бумага типографская. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. листов 9,8.
Тираж _____ экз. Заказ _____.

Организационно-научный и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.